
ОГОНЁК
№ 40 СЕНТЯБРЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На первой странице обложки: Народные празднества в Пекине.

Фото Н. Драчинского.

На последней странице обложки: Владивосток — Тихоокеанские ворота Родины. Здесь кончается величайшая в мире Транссибирская магистраль, отсюда идут судоходные пути к Сахалину, Камчатке, Чукотке.

Фото О. Кнорринга.

Уборка сахарной свеклы свеклоуборочным комбайном в колхозе «Памяти Ленина», Уманского района, Черкасской области, на Украине. Работает агрегат лучшего комбайнера колхоза Ф. И. Мельника.

Фото Я. Рюмкина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 40 (1633)

28 СЕНТЯБРЯ 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Братский привет нашему другу и союзнику — великому китайскому народу в день девятой годовщины провозглашения Китайской Народной Республики!

Да здравствует нерушимая дружба и сотрудничество советского и китайского народов — могучий оплот мира во всем мире!

ДЕВЯТЬ ЛЕТ

ЧЖАН ВЭЙ-ЛЕ,
временный поверенный в делах Китайской Народной Республики в СССР

Народы нашей страны с энтузиазмом празднуют свой великий праздник — девятую годовщину образования Китайской Народной Республики.

Прошедший год вся наша страна была охвачена движением за упорядочение стиля в работе. Небывало повысилось социалистическое сознание народа. Во всем и всюду проявляется коммунистический стиль: смело и дерзновенно думать, смело высказывать свои мысли, смело претворять их в жизнь. Создалась обстановка Большого скачка. Генеральная линия партии в строительстве социализма — твердо придерживаться курса «больше, быстрее, лучше, экономнее строить социализм». Этот курс, разработанный Второй сессией VIII съезда Коммунистической партии Китая, является маяком для нашего народа в деле строительства социализма. Наш народ семимильными шагами движется вперед по пути осуществления генеральной линии партии.

После сбора большого урожая летних сельскохозяйственных культур осенью этого года мы собрали еще более богатый урожай осенних культур. По предварительным подсчетам, в этом году в нашей стране будет собрано от 300 до 350 миллионов тонн зерна, что составит в среднем около 500 килограммов зерна на каждого человека. Большие успехи достигнуты в области промышленности. В этом году мы ставим перед собой задачу дать стране 10 миллионов 700 тысяч тонн стали. Это в два раза больше, чем в прошлом году. В нашей стране уже построен первый атомный реактор и первый циклотрон. Создано немало тяжелого и среднего оборудования, которое в прошлом никогда не производилось в нашей стране. Большой скачок в промышленном производстве дает нам возможность скорее, чем за пятнадцать лет, догнать Англию в производстве важнейших видов промышленной продукции.

Огромные достижения народа нашей страны неотделимы от помощи, которую оказывает нам Советский Союз. Советский Союз не только снабдил нас большим количеством оборудования, большим количеством технической документации, но и командировал в нашу страну много выдающихся специалистов с тем, чтобы оказать нам конкретную помощь в строительстве. За эту бескорыстную помощь китайский народ выражает советскому народу свою безграничную благодарность. Китайский народ всегда будет старательно изучать передовой опыт Советского Союза, учиться великому духу интернационализма у народов Советского Союза.

После того, как агрессия американских империалистов на Ближнем и Среднем Востоке вызвала отпор и осуждение народов всех стран, империалисты стали осуществлять военные провокации на Дальнем Востоке: препятствовать нашей стране освободить испокон веков принадлежащую Китаю территорию — острова Тайвань, Пэнхуледао, Цзиньмыньдао, Мацзудао и другие. Китайский народ полон решимости освободить свою территорию. Это — священное, бесспорное право китайского народа, это — целиком внутреннее дело Китая, решительно исключающее какое-либо вмешательство извне. Никакие военные провокации и угрозы не запугают китайский народ.

Эпоха, когда империалисты безнаказанно бряцали оружием перед лицом китайского народа, давно миновала. 600-миллионный китайский народ не боится никаких агрессоров. Американский империализм — прямой виновник создания напряженной обстановки в районе Тайваньского пролива. Если не будет прекращено преступное вмешательство во внутренние дела Китая, оккупация суверенной территории Китая, то китайский народ поднимется на решительную борьбу и доведет ее до конца. В нашей стране уже 300 миллионов человек приняли участие в демонстрациях против американской агрессии.

Наша справедливая борьба всемерно поддерживается Советским Союзом и другими братскими странами, находит сочувствие и поддержку всех миролюбивых народов мира. Товарищ Хрущев в двух посланиях Эйзенхауэру предупредил, что нападение на КНР — это нападение на Советский Союз. Это заявление является величайшей поддержкой китайскому народу и воодушевляет его. Мы верим, что борьба нашего народа при поддержке советского народа и всех миролюбивых народов мира обязательно закончится победой. Как указал товарищ Хрущев, единство народов Советского Союза и Китайской Народной Республики нерушимо. Наш китайский народ гордится тем, что у него есть такой могучий и верный союзник, как Советский Союз, и приложит все свои усилия к тому, чтобы вечно крепить великую дружбу народов Советского Союза и Китайской Народной Республики.

День ото дня бурно растет и развивается лагерь социализма, возглавляемый Советским Союзом. Советский народ под руководством великой Коммунистической партии Советского Союза добился блестящих успехов в социалистическом строительстве. На предстоящем внеочередном XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза будет обсужден новый, грандиозный семилетний план. Я от чистого сердца желаю советскому народу добиться еще больших успехов. Я верю в то, что великий советский народ своими блестящими успехами всегда будет воодушевлять народы мира на движение вперед к великому идеалу человечества — коммунизму.

Председатель Китайской Народной Республики Мао Цзэ-дун и Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев.
Фото агентства Синьхуа.

Пекин, 31 июля 1958 года.

Навстречу XXI съезду КПСС

ТРУДОВЫЕ ПОДАРКИ РОДНОМУ НАРОДУ,

БЕЗ ОСТАНОВКИ КОНВЕЙЕРА

Трудовой активностью наполнены будни коллектива Автозавода имени Лихачева. Принимая повышенные обязательства в честь XXI съезда КПСС, автомобилестроители записали: «Досрочно завершить годовую программу... Перейти в сентябре на производство новых грузовиков высокой проходимости, «ЗИЛ-157»...

Переход на поточный выпуск новой марки осуществляется по-разному. Можно остановить на несколько месяцев завод, чтобы сменить оборудование. Но тогда страна потеряет тысячи машин! Можно, не прекращая производства грузовика старой конструкции, построить временные параллельные цехи и с их помощью подготовить конвейер к выпуску новой марки. Но это потребует огромных затрат.

Автозаводцы применили новый метод, дающий большой экономический эффект. Конвейер не останавливался. По нему по-прежнему двигалась машина старой марки «ЗИЛ-151». Но она постепенно обрастала новыми деталями и узлами.

И вот на днях автозаводцы собрались у главного конвейера, чтобы отметить большую победу.

...С конвейера сходит последний «ЗИЛ-151». Затем главный инженер К. В. Строганов перерезает ленту, и под звуки оркестра, приветственные возгласы собравшихся медленно движется новая машина. На кумачовом полотнище, укрепленном на ней, слова: «Автозаводцы дали родине новый автомобиль, «ЗИЛ-157».

Одно из предсъездовских обязательств коллектива выполнено!

Благодаря системе внутренней подкачки шин «ЗИЛ-157» приобретает свойства вездехода. Он свободно прокладывает путь в песках, легко преодолевает болота и глубокую снежную целину, взбирается на склоны под углом в тридцать градусов. Незаменимая машина в народном хозяйстве!

Скоро на дорогах страны появятся тысячи таких грузовиков, созданных трудолюбивыми руками автозаводцев — инициаторов предсъездовского социалистического соревнования.

— Сейчас мы пускаем на конвейер грузовик марки «ЗИЛ-157»,— говорит К. В. Строганов.— Но конструкторы уже разработали и экспериментаторы построили более совершенные автомобили. На улицах столицы недавно появился легковой лимузин «ЗИЛ-111». Пройдет несколько лет — на смену двухосному грузовику «ЗИЛ-164» придет «ЗИЛ-130», а «ЗИЛ-157» будет заменен трехосной «ЗИЛ-131».

Слесарь-сборщик Михаил Заводткин сравнительно недавно работает на конвейере. Но он хорошо знает цену самоотверженного труда коллектива.

— Из маленьких ручейков берет свое начало многоводная река,— говорит Михаил Заводткин.— Из малых дел каждого из нас рождается общее большое дело. Нам, на конвейере, видна, как в зеркале, огромная работа сотен и тысяч людей. Вот токарь Владимир Тимофеев. Две нормы — его выработка в дни вахты в честь съезда. Такой же результат и у его сменщика Григория Папы. А смена старшего мастера инженера Б. Назарова дает каждый день сверх плана по четыре — пять тонн металла.

А. НОВИЧКОВ,
Н. УШАТИКОВ,
сотрудники многотиражки «Московский автозаводец».

Фото В. Соболева.

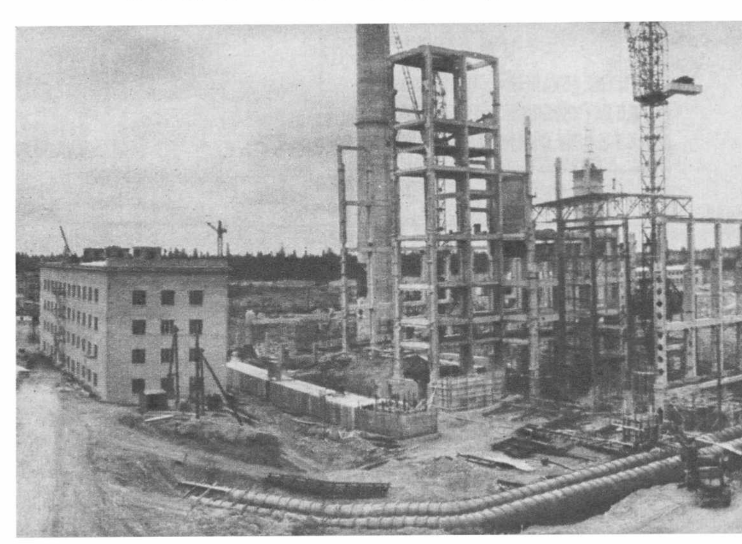

Новый грузовой автомобиль «ЗИЛ-157» на конвейере.

Опытный образец легкового автомобиля «ЗИЛ-111» на улицах Москвы.

ГРЭС на сланцах

Строительство Прибалтийской ГРЭС.
Фото Н. Сафронова.

Под городом Нарвой раскинулась большая строительная площадка: здесь сооружается Прибалтийская ГРЭС.

Эта ГРЭС — крупнейшая тепловая электростанция на сланцевом топливе — вынесена за город для того, чтобы до жителей не доходил дым из вытяжных труб. Вместе с тем станция строится и близко от города — в шести километрах. С крыши уже готового служебного здания хорошо виден белый поселок строителей на правом берегу реки. За лесом виднеется Нарвское водохранилище, оно будет снабжать водой новую электростанцию. Вода пойдет сюда по четырехкилометровому каналу, на котором сейчас идет бетонирование откосов.

На той же стороне расположен производственный комбинат—комплекс заводов и мастерских, снабжающих стройку: камнедробильный завод, завод железобетонных изделий, арматурный и столярный цехи, пилорама. В другой стороне, за лесом, тянется свежая железнодорожная насыпь, прокладываются пути для сланца, тепло которого даст жизнь будущей Прибалтийской ГРЭС.

Главный корпус станции собирается из крупных железобетонных конструкций.

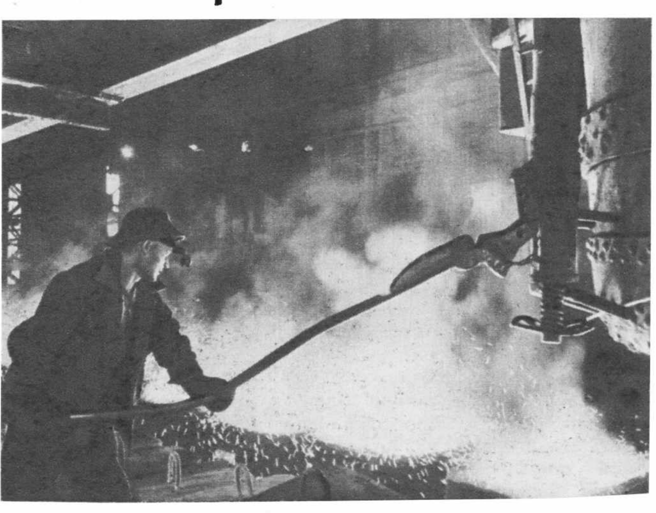
Первая очередь его вместит три турбогенератора по сто тысяч киловатт каждый.

В эти дни на стройке особенно оживленно: строители хорошо запомнили слова Н. С. Хрущева о том, что сейчас надо форсировать строительство тепловых станций на дешевых местных видах топлива, чтобы в более короткий срок получить нужную стране электроэнергию.

Узнав о созыве внеочередного XXI съезда партии, строители Прибалтийской ГРЭС собрались на митинг. Они приняли обязательство пустить первый блок 7 ноября 1959 года и на год сократить срок строительства ГРЭС — вместо 1962 года пустить ее в 4-м квартале 1961 года.

Н. ХРАБРОВА

Запорожская сталь

Тысячи тонн металла сверх плана дали сталеплавильщики мартеновского цеха завода «Запорожсталь», соревнуясь в честь предстоящего XXI съезда КПСС.

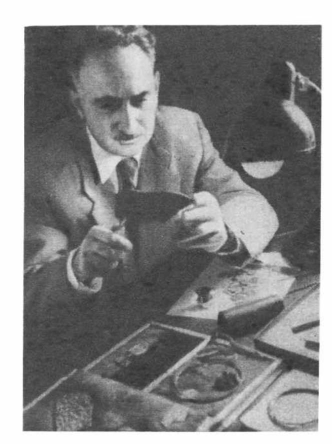
Отличных показателей добился старший разливщик Дмитрий Мартыненко.

На снимке: Д. Мартыненко разливает сталь.

Фото А. Красовского.

ЛЮБИМОЙ ПАРТИИ

НА БЛАГО РЕСПУБЛИКИ

Р. Агладзе рассматривает отложения электролитического марганца.

Фото В. Джейранова.

Грузинские ученые с огромным подъемом встретили сообщение о созыве XXI съезда партии. Семилетний план, контрольные цифры которого будут обсуждаться на съезде, наметит величественную перспективу дальнейшего подъема экономики нашей страны. Ученые стремятся внести свой вклад в дело развития народного хозяйства Грузии.

Последние годы здесь бурно развиваются технические науки. В состав Отделения технических наук вошли организованные недавно институты горного дела, металлургии, прикладной химии и электрохимии, автоматики, телемеханики и электроники.

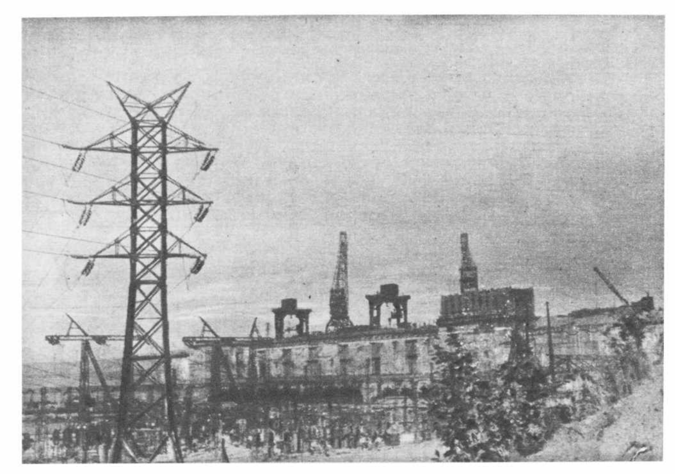
Научные работники этих институтов установили тесную связь с горняками Чиатуры, Ткибули, Ткварчели, с металлургами Закавказского металлургического и Зестафонского ферросплавного заводов, с машиностроителями Кутаиси и Тбилиси, химиками Рустави и Батуми. Грузинскими учеными успешно внедрены в производство способы, улучшающие добычу и обогащение руд, разработаны новые методы использования бедных марганцевых руд, производства новых сплавов, электролитического марганца, фермангананата калия, микроудобрений.

В республике выявляются все новые месторождения угля. Но грузинский уголь содержит много золы и плохо коксуется. Недавно Институт прикладной химии и электрохимии закончил очень важные для металлургического хозяйства республики работы: найдена новая технология получения из этих углей высококачественного кокса. На Закавказском металлургическом заводе в Рустави будет построена установка, поставляющая коксобрикеты.

В будущем Тбилиси получит природный газ из братского Азербайджана. Большие работы намечаются в связи с предстоящим переводом Руставского азотнотукового завода на природный газ. Это резко увеличит производство минеральных удобрений из синтетических материалов.

Р. АГЛАДЗЕ,
председатель Отделения технических наук Академии наук Грузинской ССР.

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ АНГАРСКОГО КАСКАДА

Иркутская ГЭС.

Фото М. Савина.

Начал работать, дает промышленный ток последний — восьмой — агрегат Иркутской гидроэлектростанции.

Величавая Ангара служит советскому человеку! Самая восточная в нашей стране крупная ГЭС теперь работает на полную мощность — 660 тысяч киловатт.

Самоотверженно работали строители Иркутской ГЭС в стужу и в жару, в суровых условиях сибирского климата. Подлинный трудовой героизм проявляли они, возводя огромную земляную плотину, здание гидростанции, подводящий и отводящий каналы и другие сооружения. Объем только земляных работ достиг 46 миллионов кубометров!

С пуском Иркутской ГЭС Восточная Сибирь получила источник дешевой электроэнергии. Народное хозяйство этого богатейшего края будет теперь развиваться еще быстрее. Вслед за Иркутской ГЭС — первой ступенью Ангарского каскада — сооружается вторая гидростанция в Братске, которая будет крупнейшей в мире.

«Интернационал»

Конст. ВИШНЕВЕЦКИЙ

Я был недавно в кино.
...Зал.
Полумрака туман.
И, будто бы в мир окно,
обыкновенный экран.

Обычные кадры.

Но вот
в Берлине, на площади Маркса,
собрался на митинг народ,
народу огромная масса.
Камеры повороты...
И вдруг
стал
экран
мал:
издали
запевает кто-то
«Интернационал».
Ветер знамена полощет...
И весь,
что там был, народ,
вся огромная площадь
в одно дыханье поет:

«Это есть наш последний
И решительный бой...»

Зал,
от волнения бледный,
смотрит перед собой.
И гордость в висках застучала,
я крепость в руках ощутил.

...Из маленького кинозала
тихо народ выходил.
Чиркали спичкой,
курили
и молча шагали домой...

Шумные автомобили,
рекламы над головой...
Есть песни,
которые пели,
учили, забыли
и вновь
в них слышать хотели
про жизнь,
про весну,
про любовь.

Но эту...
эту петь не устанем.
Эта — в сердце всегда:
и в тяготы испытаний
и счастье приходит когда.
Мы с ней расстоянья покроем
на спутниках новых систем!

«Мы наш, мы новый мир
построим,—
Кто был ничем, тот станет
всем...»

Еще одна победа на Волге

Сколько радостных, вдохновляющих вестей приносят нам эти дни, дни подготовки к XXI съезду партии! За одной трудовой победой — вторая, за второй — третья. Кажется, лишь вчера был торжественно отмечен пуск гигантской Волжской гидроэлектростанции имени В. И. Ленина. Вслед за этим сообщением с Волги, радующим всех советских людей, пришла новая весть: блестяще справились со своими обязательствами хлеборобы Сталинградской области, затем — Саратовской.

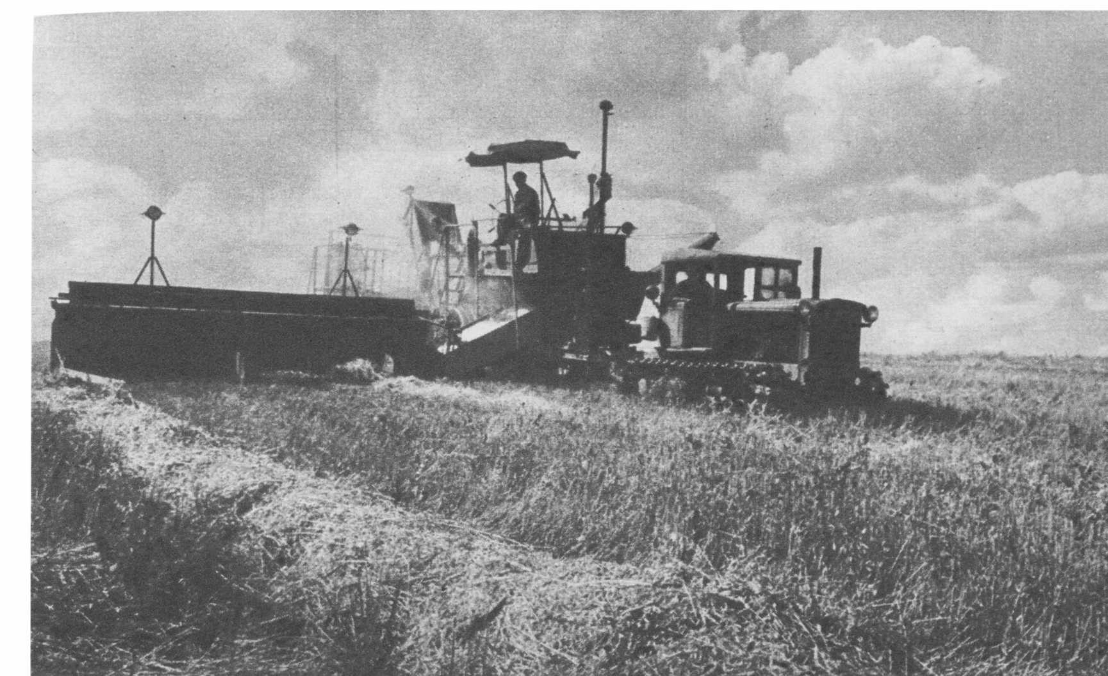
И вот снова с великой русской реки пришел рапорт Родине: Куйбышевская область выполнила свои обязательства по продаже хлеба государству. Продано 50 миллионов пудов хлеба — на 13 миллионов больше, чем намечалось по плану. Третья крупная победа хлеборобов, и где — в засушливом Поволжье! Никогда еще оно не видело таких урожаев.

В горячие дни уборочной страды самоотверженно потрудились механизаторы, шоферы, тысячи горожан, пришедших на помощь труженикам полей.

Куйбышевская область награждена орденом Ленина. «Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР,— говорится в приветствии, опубликованном в печати,— поздравляют колхозников и колхозниц, рабочих совхозов и РТС, специалистов сельского хозяйства, партийных, советских, комсомольских работников и всех трудящихся Куйбышевской области с крупным успехом — выполнением социалистических обязательств по продаже государству 50 миллионов пудов хлеба и награждением области орденом Ленина».

Уборка хлебов в Больше-Черниговском районе, Куйбышевской области.

Фото Б. Вдовенко.

23 сентября в Кремле состоялось вручение международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» выдающемуся борцу за мир и общественному деятелю Чехословакии, декану евангелическо-богословского факультета имени Коменского профессору Иозефу Громадке.

На снимке: супруга профессора — Надежда Громадкова прикрепляет Иозефу Громадке золотую медаль лауреата. Слева — Н. С. Тихонов.

Фото А. Устинова.

Медаль в честь сорокалетия ВЛКСМ

Монетный двор в Ленинграде приступил к выпуску бронзовой памятной медали в честь сорокалетия ВЛКСМ.

Фото В. Цапкина.

Памяти героических комиссаров

20 сентября 1918 года... Пески Закаспия... Эта дата и это место памятны всем советским людям. Сорок лет назад здесь, на 207-й версте от Красноводска, между станциями Ахча-Куйма и Перевал, были зверски расстреляны 26 бакинских комиссаров. Кровавая расправа была совершена под руководством и при непосредственном участии английских интервентов.

Враги Советской власти в Азербайджане совершили гнусное злодеяние, покрыв себя позором.

Имена 26 бакинских комиссаров — С. Шаумяна, М. Азизбекова, И. Фиолетова, П. Джапаридзе, Г. Корганова, М. Г. Везирова, Я. Зевина, И. Малыгина, Г. Петрова и их боевых соратников — вечно живы в памяти народной.

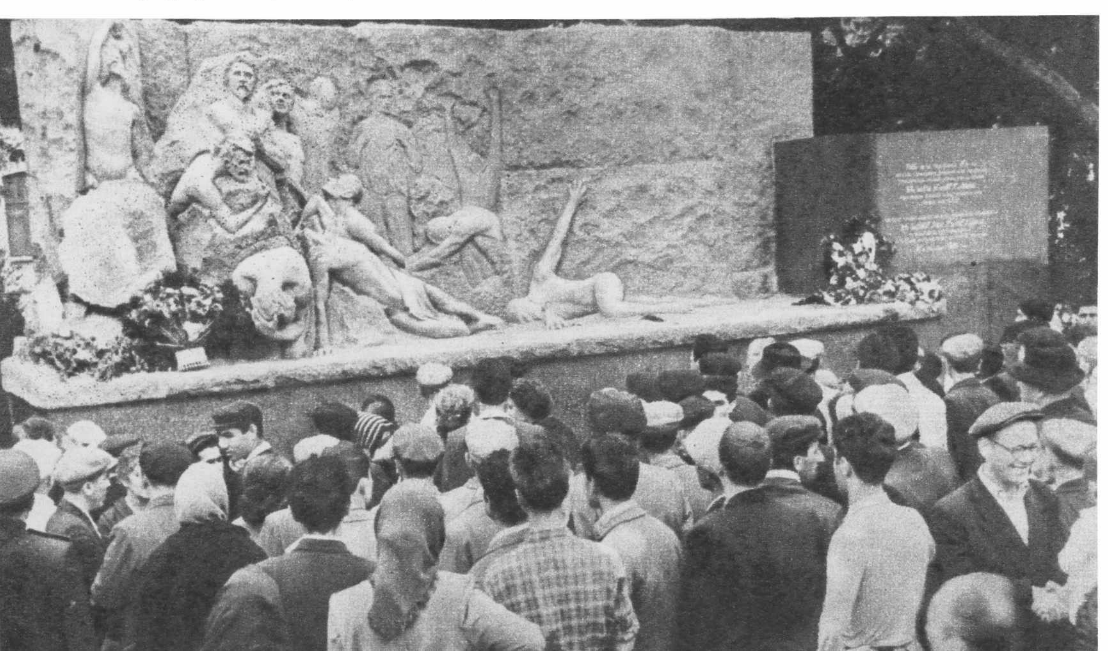
На днях в Баку, на площади, носящей имя 26 комиссаров, открыт памятник верным сынам Коммунистической партии.

На гранитном пилоне (его длина — двенадцать, высота — пять метров) высечен горельеф, запечатлевший героические образы бакинских комиссаров.

Монумент создан народным художником СССР С. Меркуровым.

На снимке: у памятника 26 бакинским комиссарам.

Фото М. Фришмана.

ВЫДАЮЩЕЕСЯ СОБЫТИЕ

Ферхат Аббас.

Советская общественность с чувством большой симпатии встретила весть о выдающемся событии в жизни алжирского народа — провозглашении Алжирской Республики. Создано Временное алжирское правительство в эмиграции, которое будет вести борьбу за освобождение родины. Ряд государств уже признал Алжирскую Республику.

Временное правительство молодой республики состоит из испытанных борцов за дело независимости Алжира. Газета «Эль Муджахид» — орган Национального фронта освобождения Алжира — рассказывает о них следующее:

Возглавляет правительство в качестве премьер-министра **ФЕРХАТ АББАС**, 58 лет, по профессии фармацевт. Еще в студенческие годы он создал и возглавлял Союз студентов-мусульман Северной Африки. В дальнейшем руководил организацией «Друзья Манифеста», поставившей целью объединение алжирского народа. После выхода из тюрьмы в 1946 году основал Демократический Союз алжирского Манифеста. В 1955 году вступил в ряды Национального фронта освобождения Алжира, неоднократно представлял Алжир за границей.

Заместителю премьер-министра и министру обороны **КРИМУ БЕЛЬКАСЕМУ** 38 лет. Преследования французских властей за патриотическую деятельность привели Крима Белькасема в ряды алжирских партизан. Одиннадцать лет вел он борьбу с оружием в руках против колонизаторов. Французские военные суды не раз приговаривали его к смертной казни по обвинению в «заговоре против безопасности государства». Приняв участие в руководстве национальной революцией 1 ноября 1954 года, он затем возглавлял освободительную борьбу в Кабилии и явился одним из организаторов конгресса 20 августа 1956 года, одобрившего платформу Национального фронта освобождения Алжира.

38-летний **АХМЕД БЕН БЕЛЛА**, заместитель премьер-министра Алжирской Республики, в настоящее время продолжает находиться во французской тюрьме. Он один из пяти руководителей Национального фронта освобождения, которых французские власти предательски захватили во время их полета с совещания в Марокко. Ахмед Бен Белла — активный борец за дело своего народа, возглавлял боевые организации алжирских патриотов, был видным деятелем Национального фронта освобождения.

МОХАММЕД ЛАМИН ДЕБАГХИН — министр иностранных дел Временного правительства Алжирской Республики. Ему 40 лет, он доктор медицины. С 1942 года и в последующие годы подполья он один из руководителей Народной алжирской партии. С декабря 1954 года Мохаммед Дебагхин — в рядах Национального фронта освобождения, возглавляет делегацию ФЛН за границей.

Создание Временного правительства Алжирской Республики, по свидетельству печати многих стран, знаменует провал политики французских империалистов в Алжире.

ТАК «ГОТОВИЛА» РЕФЕРЕНДУМ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕАКЦИЯ

Возрождая атмосферу, царившую в Германии перед приходом к власти гитлеровского фашизма, французские реакционеры перед референдумом 28 сентября пустили в ход полицейский террор, расправы и избиения на улицах, нападения фашиствующих молодчиков на помещения демократических организаций, травлю прогрессивной печати. Публикуемый здесь снимок показывает «подготовку» французской реакции к референдуму.

После разгона демонстрации.

КРУПНЫЙ УСПЕХ СВЕКЛОВОДОВ СТРАНЫ

Свеклы будет заготовлено на 100 миллионов центнеров больше, чем в прошлом году

Могучий подъем царит в советской деревне — XXI съезду КПСС готовят свои трудовые подарки миллионы колхозников и колхозниц, рабочих и работниц совхозов, МТС и РТС.

С большими успехами идут к историческому XXI съезду Коммунистической партии свекловоды Советской страны. Вот что рассказал корреспонденту «Огонька» старший специалист по сахарной свекле Министерства сельского хозяйства СССР тов. М. А. Лаврушин:

— В этом году выращен хороший урожай свеклы. Уже сейчас можно сказать, что никогда наша страна не получала такого обильного урожая свеклы, как в этом году.

— Это произошло за счет увеличения посевных площадей?

— Да, площади под посевами свеклы расширились более чем на 400 тысяч гектаров. Особенно далеко шагнули колхозы и совхозы Российской Федерации: они увеличили посевную площадь более чем на 50 процентов. На Украине, где посевная площадь свеклы превышает 1 300 тысяч гектаров, она также возросла.

Но не только за счет расширения посевных площадей страна получает много сахарной свеклы. Труженики сельского хозяйства добились высокого урожая своим упорным трудом, тщательным уходом за посевами, умелым применением техники, которой снабдила их страна.

Вот данные об урожае свеклы в этом году. В Краснодарском крае, например, на 117 тысячах гектаров колхозники получат, по всем данным, в среднем около 300 центнеров сахарной свеклы с гектара. В Курской, Воронежской, Белгородской, Тамбовской и других областях РСФСР сбор свеклы превысит 200 центнеров с гектара.

Велики успехи украинских свекловодов: урожай хорош по всей украинской земле. В Полтавской, Харьковской, Кировоградской и других областях свекловоды соберут по 230—250 центнеров с гектара, в то время как в прошлом году здесь было собрано 150—170 центнеров. Это средние цифры. Во многих колхозах и районах Украины урожай значительно выше.

— Есть ли урожаи в 500 центнеров с га?

— Сравнительно недавно урожая сахарной свеклы по 500 центнеров с гектара добивались на небольшой площади лишь выдающиеся новаторы-свекловоды. В этом году «пятисотниками» будут целые районы и колхозы на Полтавщине, Ровенщине и в других областях. Так, например, еще в прошлом году колхоз имени Кирова, Вербского района, Ровенской области, сдал государству с площади в 186 гектаров по 538 центнеров с гектара.

— Как проходит уборка свеклы?

— Она началась значительно раньше прошлогоднего и проходит успешно. По данным на 10 сентября, по стране накопано свыше 72 миллионов центнеров, или в среднем по 204 центнера с гектара.

Партия и правительство проявляют большую заботу о свекловодах. Свеклосеющие районы в достаточном количестве оснащены первоклассной техникой. На полях работают более 30 тысяч свеклокомбайнов, свыше 20 тысяч свеклоподъемников и более 10 тысяч свеклопогрузчиков, которые значительно облегчают труд колхозников.

— Сколько свеклы предполагается заготовить в этом году?

— По предварительным данным, ожидается, что ее будет заготовлено на 100 миллионов центнеров больше, чем в прошлом году. По самым осторожным подсчетам, из урожая свеклы этого года сахарники смогут выработать сахара на 75—80 миллионов пудов больше, чем в прошлом году.

Однако не во всех районах страны свеклоуборка хорошо организована. Многое предстоит еще сделать, чтобы бесперебойно доставлять сырье на приемочные пункты, на сахарные заводы. Создаются известные трудности для переработки выращенной свеклы на сахарных заводах. Впервые переживает страна такие «трудности». О них говорил товарищ Н. С. Хрущев при вручении Смоленской области ордена Ленина: «Но эти трудности более приятные, чем те, которые имели место ранее, когда не хватало сырья для сахарных заводов».

Партия и правительство приняли меры к ускорению строительства новых сахарных заводов, улучшению работы действующих заводов, а также рекомендовали проводить кагатирование свеклы вблизи дорог, с последующей вывозкой ее на сахарные заводы.

Нет сомнения в том, что свекловоды, работники сахарных заводов с успехом справятся со своими задачами и встретят внеочередной XXI съезд Коммунистической партии новыми производственными успехами.

«Если б были вишни, сварила б варенье, так сахару нет!» Эту присказку вспоминают на Украине, когда говорят о старине. В минувшем году свекловоды Украины собрали сахарной свеклы в два с половиной раза больше, чем было собрано на всей территории царской России в 1913 году. Никогда еще не давала столько свеклы украинская земля! Нынешний урожай еще выше.

Исполинская свекла выросла в звене Степаниды Демидовны Виштак, прославленной звеньевой, дважды Героя Социалистического Труда.

Вот оно, это знаменитое звено, на своем поле в колхозе «Радянська Україна», Гребенковского района, Киевской области. Впереди Степанида Виштак, за ней в ряд Александра Калиниченко, Мария Николаевская, Вера Зновяк, Мария Левченко, Мария Ротань, Мария Борейко, Прасковья Шелест и Александра Журбенко.

Фото Я. Рюмкина.

— От гарнесеньки бурячки: в одной руке держать тяжеленько! — смеется Евдокия Савчук, колхозница артели имени Ильича, Васильковского района, Киевской области.

Фото Я. РЮМКИНА.

Все новые и новые трудовые победы озаряют немеркнущим светом славы лазурно-алые знамена Украины.

В этом году на моей певучей родине небывалый урожай сахарной свеклы, почти в два раза больший, чем в Соединенных Штатах Америки! И все это сделали при могучей помощи армии машин социалистической индустрии смуглые руки румяных девчат и чернобровых хлопцев Украины, золотые руки моего бессмертного народа.

Вдохновленная гением нашей любимой партии, гигантскими шагами идет Украина вместе с братскими республиками в коммунизм. Горы сахара дает социалистическому отечеству Украина не только для того, чтобы наша жизнь с каждым годом становилась все веселей, но и все слаще.

Прекрасен свободный труд во имя вечного мира и счастья на земле! Он вдохновляет поэтов, художников и композиторов, сияет золотыми звездами на груди тружеников золотой земли Хмельницкого и Щорса, звездной земли Тараса Шевченко.

Ленинской дружбой народов сильна и могуча Украина, братской взаимопомощью в труде и любовью в творчестве. Под звездой Советской власти расцвела Украина, и нет преград для освобожденной Великим Октябрем творческой энергии миллионов, которая подчинила целям мирного труда энергию атома.

Царство света и правды распростерло свои крылья над нашими народами, и никакой злобной силе его не погасить во веки веков потому, что с нами партия, с нами бессмертный Ленин!

Владимир СОСЮРА

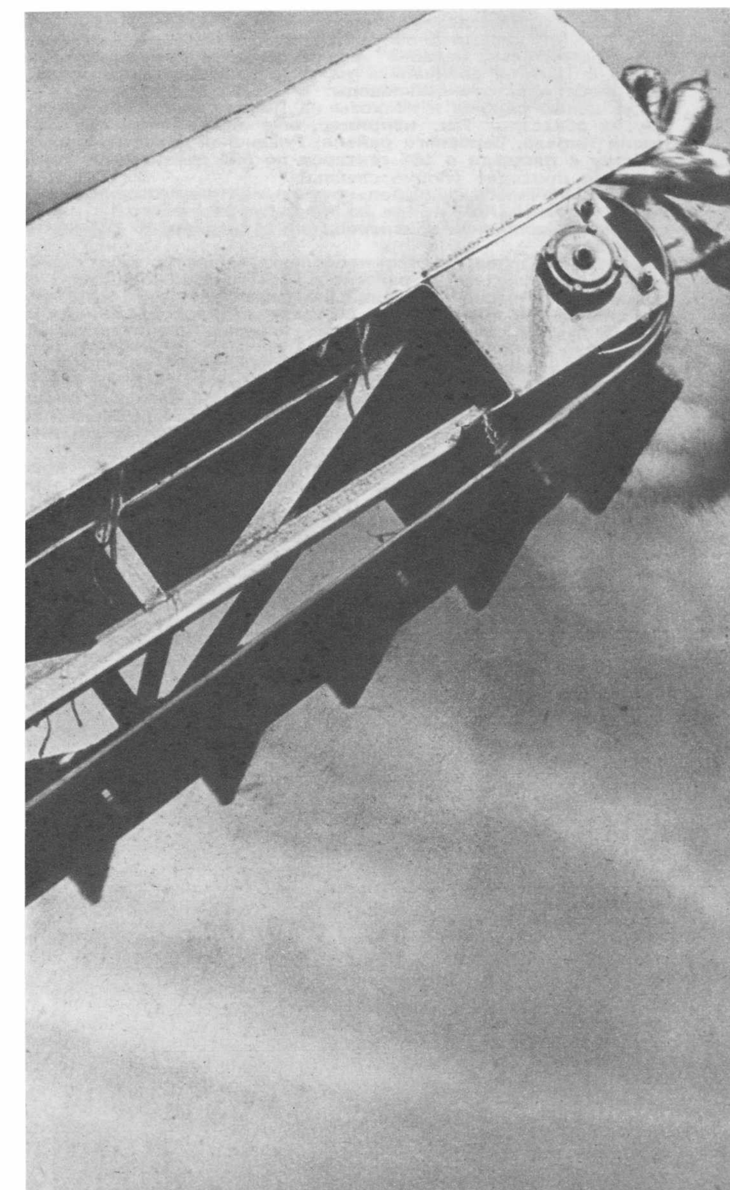
Киев.

ИДЕТ

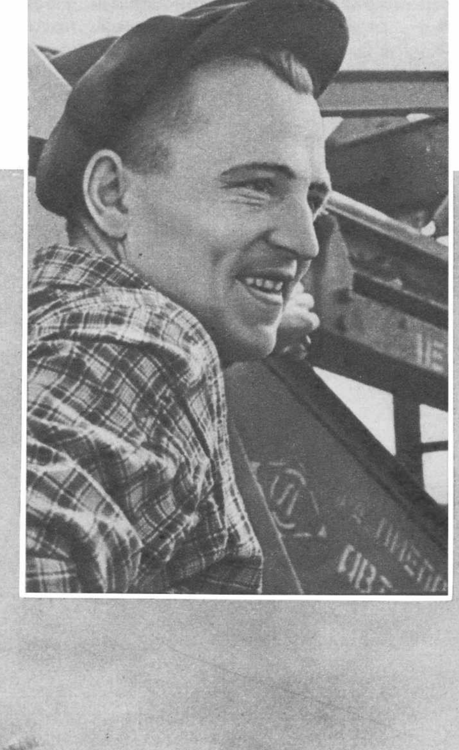
— У нас под свеклой уже триста гектаров,— сказал корреспонденту «Огонька» председатель колхоза имени Ильича, Васильковского района, Киевской области, Александр Сергеевич Васильченко, который руководит артелью почти полтора десятка лет.— Мы с каждым годом увеличиваем посевы. А с копкой задержки нет, идем по графику. И грузить вручную перестали. Нанимаем у РТС на сезон вот этот механизм...

К очищенной куче свеклы подкатил автосвеклопогрузчик, рядом стала грузовая машина; две — три минуты — и кузов наполнился.

САХАР УКРАИНЫ

Водитель автопогрузчика Михаил Жеребко (на снимке справа) кричит женщинам, чтобы побыстрей очищали свеклу.
— Сколько за смену грузите? — спросили у него.
— Сто тонн.

Саливонковский завод, а таких много на Украине, начал сахароварение. Теперь он стал центром безостановочного движения машин с трафаретными надписями на ветровом стекле или на раме: «Свекловозная». Свекла идет из Гребенковского района, а также из соседних — Васильковского и Белоцерковского.
И вот он уже струится по транспортеру — сахар из нового урожая. Радуется лаборантка Анна Гуренко: отличный сахар!

В. ШУМОВ

ШАГИ ВЕЛИКАНА

Николай ДРАЧИНСКИЙ

Специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Большой скачок

Всего час потратили мы с товарищем Ляном, чтобы пройти с площади Тяньаньмынь через живописный лабиринт Императорского города и подняться на пятиглавый холм Мэйшань к павильону с чудесным именем «Вечная весна». В нем под трехъярусной крышей, края которой приподняты к небу, сидит на постаменте, подогнув ноги и выставив сытый голый живот, огромный Будда и с благодушной улыбкой на золоченом лице смотрит вниз. Отсюда виден весь Пекин, по возрасту — Мафусаил, по энергии — юноша.

«Совершать прогулку после обеда лучше, чем держать в доме аптеку»,— гласит китайская мудрость. Мы отправились погулять по столице без всякой цели. Естественно, что вскоре оказались на широкой, будто поле, площади Тяньаньмынь, как в Москве оказались бы на Красной площади. Есть какое-то родство в исторической судьбе этих площадей, а ворота Тяньаньмынь стали таким же символом, как Спасская башня Кремля.

Мы остановились на белокаменном Мосту Золотой Воды, похожем на те кружевные изделия из слоновой кости, которыми славятся кантонские мастера. Товарищ Лян рассказывает, как в древности с этих ворот оглашались императорские указы. Шелковый свиток вкладывали в клюв золоченого феникса и торжественно спускали со стены вниз на площадь. Городская знать в парадных одеждах, стоя на коленях и склонив головы, встречала повеление «Сына Неба». Феникса ставили в паланкин с изображениями драконов и несли в министерство церемоний...

Сейчас на этой стене высечены девять золотых иероглифов: «Да здравствует великое единство народов мира!» А напротив ворот, в самом центре площади,— серебристая мачта с красным флагом республики. 1 октября 1949 года с балкона ворот Тяньаньмынь председатель Мао Цзэ-дун провозгласил рождение Китайской Народной Республики. Он включил электрический контакт, и на мачте взвился пятизвездный флаг. Долго гремела площадь сотнями тысяч голосов, приветствуя провозглашение народного государства на этой древнейшей земле...

За флагштоком взметнулся в высоту огромный обелиск. Это самый высокий монумент, воздвигнутый в Китае за всю его историю. Семнадцать тысяч брусков гранита и белого мрамора поют вечную славу героям, отдавшим жизнь за народное дело. Восемь барельефов, где каждая фигура в человеческий рост, запечатлели главные события революционной истории страны за последнее столетие. Огромные иероглифы на мраморе воспроизводят надпись, сделанную рукой председателя Мао: «Народные герои бессмертны».

Я видел эту площадь в день праздничной демонстрации. Пестрый радостный людской поток бурным паводком захлестнул ее широчайшие берега. Несколько часов шли демонстранты. Сто человек в каждом ряду, и у каждого букет цветов. Работницы текстильного комбината несут большой транспарант, извещающий, что они досрочно выполнили свое обязательство — по качеству ткани догнали лучшие мировые образцы. За ними следовала большая колонна католических монашек в черных сутанах с белыми крахмальными пелеринами. Они дружно скандировали: «Ваньсуй!», «Ваньсуй!» — и махали бумажными цветами. Над площадью проплывали макеты турбин, домен, станков. Над одной из колонн лозунг: «Во время Большого скачка ускорим свое идеологическое перевоспитание». Его несли промышленники и торговцы. И снова горы угля, нефтяные вышки, цифры славных трудовых побед. Шагали пионеры, родители несли детей на плечах, везли в колясочках.

Дети всюду прекрасны; в Китае они восхитительны. Милые, доверчивые, веселые, деятельные и трудолюбивые... Вот и сейчас рядом с нами, у высокой крылатой колонны с каменным львом наверху, три пионера: два мальчика и девочка в синей кофте в горошек. Приставив к губам бумажный рупор, они громко призывают прохожих соблюдать чистоту на улице и дома. Исчерпав записанную в тетрадке программу, пионеры двинулись дальше.

В это время на площади раздались аплодисменты. Прохожие остановились, хлопали в ладоши, слышались выкрики: «Дунфын!», «Дунфын!» В потоке рикш, велосипедистов, автобусов и машин площадь пересекал новенький автомобиль с изящными, динамичными формами. Прохожие приветствовали только что выпущенный первый китайский легковой автомобиль «Дунфын», что значит — восточный ветер. Имя заимствовано из популярной фразы Мао Цзэ-дуна: ветер с Востока одолевает ветер с Запада. Следует заметить, между прочим, что уже через месяц после рождения этого первенца различные предприятия страны выпустили еще три типа легковых машин.

Мы пошли дальше, но вскоре путь нам преградила небольшая шумная процессия. Оркестр состоял почти исключительно из ударных инструментов. Барабаны, гонги, цимбалы и медные тарелки отбивали сложный ритм, жаркие звуки разлетались по площади и возвращались многоголосым эхом. Один, самый большой, барабан везли на тележке и били в него палочками размером с топор дровосека. Две женщины впереди несли красное полотнище с большим золотым иероглифом в середине, который обозначает «двойное счастье». Вокруг него надписи. Товарищ Лян успел их прочесть. Поздравительная бригада несет на выставку достижений легкой промышленности известие, что их институт разработал технологию производства «нейлона-9» — лучшего синтетического волокна среди мировых образцов.

Пропустив процессию, мы свернули в ворота к востоку от Тяньаньмыня и оказались во Дворце культуры трудящихся. Несколько больших зданий с характерными золотистыми крышами стоят одно за другим в роще из кипарисов и туй. Здесь раньше был храм Таймяо, хранивший таблицы умерших предков императора. Плакат над одним из павильонов приглашает зайти на выставку «Как экономно и трудолюбиво вести домашнее хозяйство». На открытой эстраде в конце парка участники самодеятельности репетировали древнейший Танец львов. Над ними широкое полотнище лозунга: «За короткий срок перегоним Англию по производству основных видов промышленной продукции!»

Мы остановились на берегу канала Тунцзыхэ, любуясь чудесной гармонией воды, камня и неба. Голубой прямоугольной рамой канал обрамляет продуманное нагромождение Запретного города: пурпурные стены, а над ними — желтые крыши с изогнутыми краями повисли в синем небе, как золотистые шатры. Холодные туи недвижно стоят вдоль красных стен, и плакучие ивы полощут в воде зеленые космы.

Древние каменные плиты привели нас на площадь — двор перед главным входом в императорский дворец, где в старину выстраивалась на парад возвратившаяся из похода конница властителей «Небесной империи». Здесь всегда много людей. Туристы, гости из разных стран, крестьяне с берегов Янцзы, скотоводы-уйгуры и люди из племени мяо, студенты, бойцы народной армии при-

Старик взял за руки внуков, и они пошли по Запретному городу...

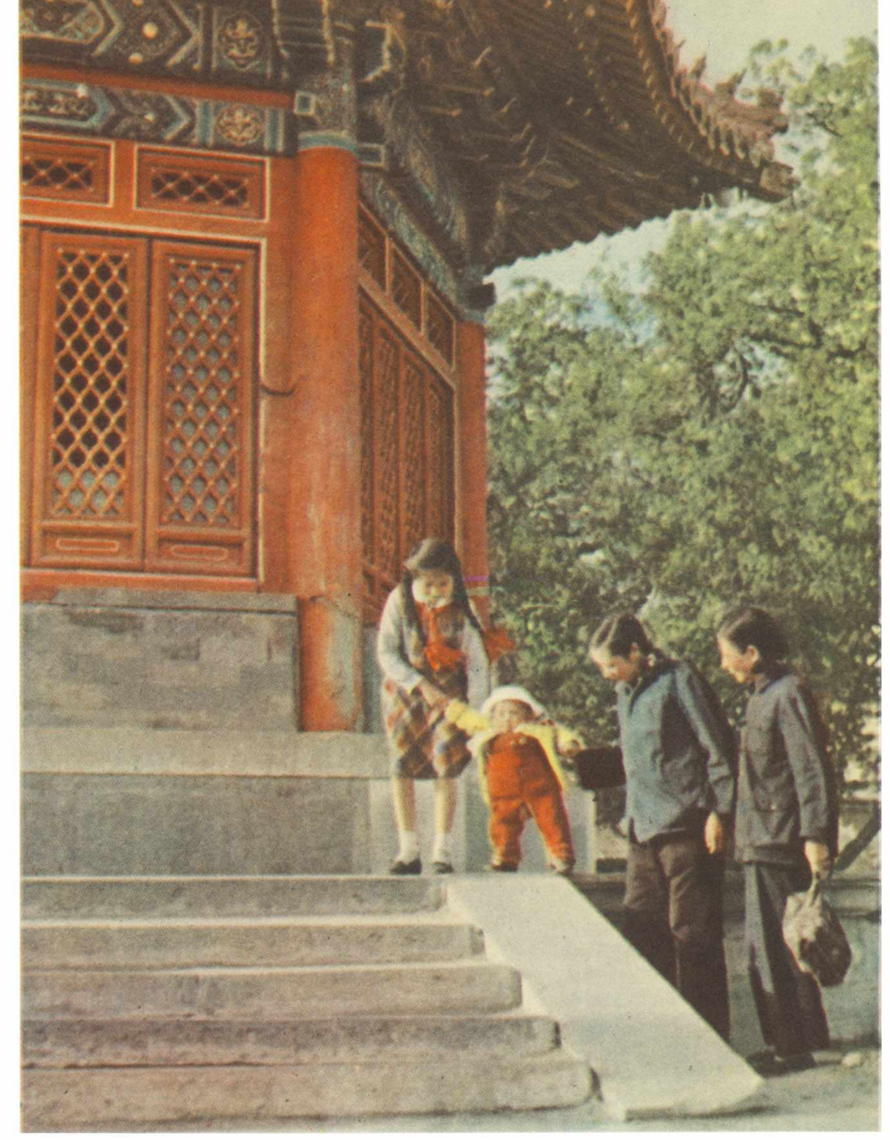

ПЕКИН. Улица Дианьмыньдацзе. Фото Н. ДРАЧИНСКОГО.

Советские и китайские специалисты А. Костандов, Хао Синь-хуа, И. Окон, Чжоу Юнь-шоу, Лян Дэ-юнь сообща обсуждают многочисленные проблемы строительства Уханьского металлургического комбината.

Чжао Лань работала в конторе шанхайского электромеханического завода «Синьань». Сейчас она перешла на производство и стала отличницей труда.

Пекин. Парк имени Сунь Ят-сена. Первые шаги у «Беседки обучения церемониям».

Кантон. Учиться можно в любой обстановке.

← Ученики средней школы в кооперативе «Радуга», около Шанхая, не только учатся, но и ежедневно работают на полях. На снимке: школьники и преподаватели отправляются на работу.

ходят посмотреть на бывшую обитель «Сынов Неба».

Название «город» дает правильное представление об этом дворце, с его лабиринтом улиц, большими дворами и вереницей зданий, ворот, храмов. Сегодня мы прошли его, почти не останавливаясь, лишь мельком взглянули на знаменитые творения китайского зодчества, с таким восторгом описанные всеми путешественниками начиная от Марко Поло. Правда, мы задержались на несколько минут близ покоев, где некогда жила императрица Цы Си.

У небольших ворот, облицованных цветной керамикой с чудесным орнаментом, возился старик. Рядом стояли маленькие мальчик и девочка. Девочка держала в руках синюю куртку деда. С помощью колышков и палочек старик пытался укрепить почему-то отваливающуюся керамическую плитку.

— Так все равно держаться не будет,— сказал товарищ Лян, глядя на усилия старика.

— Не будет,— согласился тот.— Нужно положить на цемент. Не то упадет и может разбиться. А вы посмотрите, какая красота! — Старик вытер рукавом плитку с голубым, желтым и пурпурным рисунком. — Будто вчера сделано... Вы не знаете, где бы взять цемент?

— Вы мастер, вам виднее...

— Я не мастер, я из Сычуани, сею рис в кооперативе,— улыбнулся крестьянин.

Оказалось, что он приехал в Пекин погостить к сыну, который учился в Советском Союзе, а сейчас работает на атомном реакторе. Сегодня дед с внуками пришел сюда погулять, посмотреть и заметил эту плитку, которая едва не упала. Крестьянин расспросил, как пройти в дирекцию, надел свою куртку, взял за руки внуков и пошел по ступеням, которых еще недавно могла касаться лишь державная нога «Сына Неба».

Мы вышли из ворот Шэньумынь. На коротком широком мосту, соединяющем дворец с улицей Цзыньшаньцяньцзе, вереница экипажей рикш-велосипедистов. Ожидая седоков, первый в очереди выполняет общественную работу: он следит за движением через улицу и предупреждает пешеходов об опасности.

— Эй, тетушка, осторожно! Слева идут машины! Да не мечись ты туда-сюда! Сначала нужно посмотреть налево, а на середине улицы смотреть направо! — кричал рикша в жестяной рупор.

Когда к нему подошли седоки— женщина с тремя детьми, — он передал рупор соседу.

Прежде чем пересечь улицу и войти в парк Цыншань, нам пришлось пропустить колонну автобусов, украшенных цветами и лозунгами. «В деревню, на трудовую закалку», — гласил плакат на передней машине. Это выпускники университета «Цинхуа» покидают столицу. На три года они станут рядовыми крестьянами. Квадраты окон заполнены молодыми, задорными лицами; студенты поют, а прохожие машут им вслед руками.

Когда-то давно император династии Юань, опасаясь, как бы в случае осады Запретный город не остался без топлива, приказал сложить здесь большую гору угля. На вершине горы и стоит павильон «Вечная весна» с трехъярусной крышей, к которому мы поднимались по крутой, посыпанной песком дорожке.

Неподалеку от павильона три девочки в красных галстуках продают прохладительные напитки. Открывая бутылки с лимонадом, перебивая друг друга, пионерки рассказали нам, что у них при школе есть мастерские и участок земли в пригороде и что они на свои собственные заработки уже на 37 процентов освободили свою школу от государственных ассигнований.

Приторный лимонад не утолял жажды, бутылочки остались недопитыми. Девочка с глазами, похожими на две черные вишни, укоризненно сказала:

— Ланфэй! (Расточительство!)

— Почему? — прикинулся непонимающим мой друг.

Девочка назидательно пояснила, что если мы не собирались выпить по целой бутылке, то нужно было взять по стакану, и что сейчас все должны быть экономными и бережливыми.

Через две минуты пионерки догнали нас на тропинке, и девочка с глазами, как вишни, сказала:

— Суляньжэнь. Мы вас очень просим, передайте это советским пионерам, скажите, что мы их очень любим и что они наши братья... — Она протянула мне красный галстук и белый значок школы. Их носят здесь все ученики и студенты.

Вот и павильон «Вечная весна». Мы присели отдохнуть на горячих каменных ступенях. Рядом — парень и девушка, оба в синих куртках и брюках. Он обнял ее за плечи и что-то тихо говорит, глядя на город, раскинувшийся внизу, под жарким ливнем солнечных лучей. За желтыми крышами Врат Чистой Прозрачности и Дворца Спокойствия высоко поднялись леса стройки.

От храма Шоухуандянь, который ныне стал Дворцом пионеров, ветер доносит звуки радио. Женский голос из рупора — нежный, воркующий, кажется, он говорит о любви и цветах или рассказывает дивную сказку. Товарищ Лян переводит: «Трехжелобковый выпуск стали из мартеновской печи, впервые внедренный в Тайюани, позволяет на 40 процентов увеличить производство металла. Тайюаньские металлурги добились большого успеха, ибо на практике осуществляют указания второй сессии восьмого съезда Коммунистической партии Китая: «Смело мечтать, смело говорить и смело действовать!» Затем грянул марш из старой оперы о Джуге Ляне, древнем мудреце и герое, имя которого стало символом смекалки и находчивости.

Час в китайской столице — ничтожная капля в океане времени, которое прожил великий город. В его окрестностях ученые нашли стоянку дальнего предка сегодняшнего человека — синантропа, или пекинского человека, который жил здесь 500 тысяч лет назад. Уже 2 200 лет Пекин упоминается в официальных документах. Казалось бы, что столь почтенный возраст располагает к дряхлости. Но никогда еще он не был таким бодрым и жизнедеятельным, как теперь. Чередовались эпохи долгой китайской истории, а нынешнее время войдет в историю под именем Большого скачка. Большой скачок — это стремительный взлет во всех областях жизни народа-великана: в экономике, идеологии, культуре. И для Китая настал период, который предвидел Маркс, когда писал, что один день будет равен 20 годам.

Мао Цзэ-дун на строительстве Шисаньлинского водохранилища.

Между самым глубоким океаном и самыми высокими горами мира живет самый большой народ на земле. Сказочно пробудилась исполинская энергия этого народа. Отсюда, со ступеней павильона «Вечная весна», мы видим, что с древней сторожевой башни, на крыше которой причудливо изогнулись драконы, свисает красное полотнище. На нем слова:

«Напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм по принципу: больше, быстрее, лучше, экономнее!» Это генеральная линия Коммунистической партии Китая.

Укрощение Лунвана

Ветер злой и горячий. Он дует из пустыни Гоби, несет пыль и мелкий песок, закрывает горизонт желтым маревом, из которого едва вырисовывается кривая полоса гор. Доносятся гудки машин, глухие раскаты взрывов. Туда ведет много дорог, но сейчас ни по одной из них не проехать. Тысячи людей бесконечным потоком движутся к стройке, они запрудили все пути и тропинки. Это очень похоже на массовое передвижение войск у линии фронта перед большим, генеральным наступлением. Сходство подчеркивают знамена впереди колонн, кирки и лопаты, которые люди несут на плечах, как ружья.

И это действительно армия. Сто тысяч строителей-добровольцев работают ежедневно на сооружении Шисаньлинского водохранилища! Все стремятся попасть сейчас в Шисаньлин: рабочие и служащие пекинских предприятий и учреждений, студенты, бойцы народной армии, крестьяне окрестных деревень поочередно приезжают сюда на определенный срок. Как раз сейчас к плотине двигалась очередная смена строителей. Пришлось оставить машину и пойти следом за колоннами к лиловым горам, где кипит стройка.

Полтысячелетия назад склоны этих вершин, которые называются «Горами небесного рождения», императоры Минской династии избрали для прямо противоположной цели: здесь они сооружали величественные гробницы своим царственным предшественникам. Тринадцать монументальных гробниц, украшенных позолотой и глазурью, стоят среди кипарисов и кедров. Это и есть Шисаньлин, что значит в переводе — тринадцать могил.

А ниже, в долине между хребтов, протекает небольшая речка Вэньюй с чрезвычайно скверным характером, как, впрочем, большинство китайских рек. Бо́льшую часть года русло ее вообще пересыхает, и остатки влаги сочатся под горячими круглыми камнями. Крестьяне с болью смотрят на пустое русло и чахнущие без влаги поля. Когда же хлынут ливни и потоки воды устремляются с горных склонов в узкую долину, река выходит из берегов, заливает нивы, уносит урожай. Крестьянин Вэньсян рассказывал, что этих бешеных и внезапных разливов они боялись больше засухи: в одну ночь посевы оказывались под во-

дой — и ничего нельзя было спасти.

На рыжем косогоре ряды палаток и легких строений, которые сооружаются почти мгновенно из бамбуковых шестов, тростниковых матов и глины. Здесь штаб строительства. Товарищ Юэ провел меня в фанзу, стены которой сильно прогибались при порывах ветра, принес два термоса с кипятком, ибо в Китае ни одна встреча и ни одна беседа не обходятся без традиционного чая, и стал рассказывать. Он сотрудник управления. Служебное удостоверение — лоскутик белой материи с иероглифами и красной печатью — висит у него на груди, приколотое к куртке английской булавкой.

Идея сооружения здесь водохранилища возникла еще несколько лет назад, рассказывает товарищ Юэ. По плану развития Пекина первоначально предполагалось завершить работы в третьей пятилетке и ассигновать на это дело 20 миллионов юаней.

— Но когда в стране началось всенародное движение за упорядочение стиля работы и за Большой скачок, население решило приступить к строительству теперь же, — продолжает товарищ Юэ, — и завершить его в самые короткие сроки.

21 января этого года к подножию Змеиной горы пришли первые десять тысяч строителей-добровольцев, и первые кирки ударили в мерзлый грунт. Запас питания каждый принес с собой. Так началась шисаньлинская эпопея трудового героизма и величайшего энтузиазма.

Только в главный объект строительства — плотину длиной 627 метров и высотой 29 метров — нужно было уложить около 2 миллионов кубометров земли, песка и камня. Большая часть этой работы проделана вручную: землю и камни носили в корзинах или подвозили на тачках.

— И вот, смотрите, — говорит товарищ Юэ, указывая за окно,— работы подошли к концу. Вместо предполагавшихся 6 лет водохранилище построено за 6 месяцев; вместо 20 миллионов юаней оно обошлось государству всего в 4 миллиона.

Писатель Ай У (справа) и герой его будущей книги — отличник труда Ли Ши-си.

Это и есть одно из проявлений Большого скачка, — добавил он в заключение.

Писатель Ай У, автор широко известного романа о строителях Аньшаньского металлургического комбината, сейчас тоже в Шисаньлине. Сказать, что он здесь собирает материал для новой книги, будет не совсем точно. Ибо товарищ Ай У здесь не наблюдатель, он живет и трудится вместе с героями своего будущего романа. Он заместитель начальника политотдела стройки. Дел у него тьма.

— Вчера огласили список героев стройки. Их более десяти тысяч человек! И о каждом можно написать великолепную книгу, — говорит писатель. — Характеры самые различные, но всех объединяет одно: боевой дух, самоотверженный порыв к переустройству жизни.

Мы идем по гребню плотины — широкой насыпи, соединяющей два горных кряжа. Тысячи людей работают справа и слева на откосах дамбы, на дне будущего озера. Трещат на ветру флаги, гремят радиорупоры, со всех концов слышатся песни. Ай У показывает, где будут посажены 10 миллионов плодовых деревьев. Помимо того, что вода озера оросит поля и позволит собирать дополнительно каждый год 25 тысяч тонн зерна, а гидростанция даст селам ток, район озера превратится в самый большой загородный парк китайской столицы. Здесь уже строятся санатории, дачи, водный клуб, ипподром, готовятся площадки для пионерских и комсомольских лагерей.

— Видите, вон там насыпают землю? Это делают искусственный остров, на нем соорудят беседку. Нужно, чтоб все было красиво...

— А вот и один из героев, — говорит писатель, обнимая за плечи коренастого человека с оливковым улыбчатым лицом. — Познакомьтесь, пожалуйста, товарищ Ли Ши-си. Вчера на митинге он произнес замечательную речь. «Плотина,—сказал он,—это палка, которой мы бьем по империализму!»

Бригадир землекопов Ли Ши-си прославился тем, что ежедневно переносил земли больше всех. Он носил не двумя корзинами на коромысле, как делают все, а четырьмя. На каждой корзине землекоп написал по большому иероглифу, которые вместе образуют фразу: «Китайско-советская дружба».

...Прежде, чем передать историю, рассказанную мне товарищем Ай У, я должен сделать небольшое отступление. Однажды в Пекине один из партийных работников много и интересно рассказывал о различных проблемах и явлениях нынешнего Китая. Переводчик, исправно переводивший беседу, вдруг запнулся.

— Я не уверен, можно ли так сказать по-русски... «колёсизация». Товарищ говорит, что колёсизация, которая проводится повсеместно, уже сама по себе в условиях Китая является технической революцией.

На любой китайской улице, на любой дороге вы непременно увидите людей с бамбуковым коромыслом на плече и двумя висящими корзинами. Тысячелетиями в Китае таким образом переносили грузы: землю и камни, удобрения и злаки, покупки и подарки. К некоторым деревням вообще нет дорог, только тропинки. В этом году по призыву партии в стране объявлен поход за усовершенствование орудий труда. Замена древнего коромысла тачками и повозками — составной элемент этой широкой кампании. Во многих деревнях я видел уже целые составы новеньких тачек. Их различные модели демонстрируются на многочисленных выставках. Вполне естественно, что тачки появились и в Шисаньлине, но здесь история их освоения вплелась в судьбы некоторых молодых людей...

На одном участке плотины трудились бригады из кооператива «Спутник», Чанпинского уезда. Крестьяне создали свой кооператив 3 ноября прошлого года, когда был запущен второй советский спутник Земли, и в честь этого события назвали его «Вэйсин», что и значит «Спутник».

На бугре под знаменами завтракали парень и девушка.

— Это тоже наши герои, — говорит Ай У. — У них сейчас медовый месяц. Сюй Ши-сяо — бригадир, Лян Су-чин — его супруга.

Здесь, на стройке, они полюбили друг друга, решили пожениться.

Штаб стройки, соответственно обычаям, предоставил им отпуск, и они отправились в деревню к родителям. Но уже на следующий день оба снова были в котловане.

— Что же это вы так быстро? — спрашивали друзья.

— Тачки ведь...—отвечал бригадир.

Действительно, в это время бригады осваивали перевозку грунта на тачках. Поначалу дело шло туго. Тяжело нагруженные тачки на высоком велосипедном колесе то и дело опрокидывались. Особенно не везло девушкам из звена имени Зои. Девчата до этого никогда тачек не видели. Энергичная, напористая звеньевая Ван Гуй-юнь анализировала ошибки:

— Девчата, почему у нас плохо получается? Мы много смеемся и все время оглядываемся. А тачка требует строгости: крепко держать рукоятки и смотреть только вперед. После смены пойдем перенимать опыт.

Но к концу смены к ним в звено пришел гость. Из города приехал жених звеньевой. Он служит в армии и получил отпуск для женитьбы. Неизвестно, о чем разговаривали молодые люди в этот вечер, только наутро жених пришел вместе со всеми на работу. Он помог девушкам овладеть строптивыми тачками и, проработав три дня, уехал назад. Перед его отъездом Ван Гуй-юнь и жених объявили друзьям, что сыграют свадьбу, когда закончится строительство.

Сутки на стройке исчисляются с трех часов дня. В это же время происходит смена рабочих. Пекинцы, приехавшие поработать в Шисаньлине, живут в бараках и времянках километрах в трех от котлована. В назначенное время, построившись в колонны, они идут со знаменами на работу в котлован.

В одном из бараков, где рядами стоят лежаки, в течение недели жили работники центральных государственных органов. Каждый день в три часа дня раздавался свисток дежурного, люди вставали и, выстроившись в колонны, с красным знаменем шли на плотину и возвращались в 11 часов вечера.

Когда группа впервые пришла на котлован, политрук участка встретил ее такими словами:

— Мы приветствуем руководителей...

Но он не успел договорить. Премьер Государственного совета республики товарищ Чжоу Энь-лай, несший знамя впереди колонны, сказал:

— Здесь нет руководителей, нет премьера, нет министров, нет начальников отделов. Все мы здесь рядовые труженики!

И они приступили к работе. А в свободные утренние часы товарищи проводили беседы, выпускали стенгазеты — «дацзыбао», некоторые в стихах.

Приезжали поработать на стройке сотрудники посольств Советского Союза и стран народной демократии, послы Индии и Объединенной Арабской Республики.

В один из воскресных дней в Шисаньлин приехал автобус. Из него вышли товарищи Мао Цзэдун, Лю Шао-ци, Чжу Дэ и другие руководители Компартии Китая, чтобы вложить свою лепту в народную стройку.

В этот день строители установили всекитайский рекорд, уложив в плотину 51 079 кубометров грунта за сутки.

Великий Лунван — царь драконов,— как говорит древнее поверье, повелевал дождем и водами. И хотя в китайской мифологии дракон — начало доброе и возвышенное, этот царь столь же мало заботился о народе, как и все остальные цари и короли на земле. Вот уже 2 162 года в Китае ведется статистика его неблаговидной деятельности. Из статистики явствует, что за это время в стране 1 031 раз случалось большое наводнение и 1 060 раз была засуха. Каждый год — бедствие.

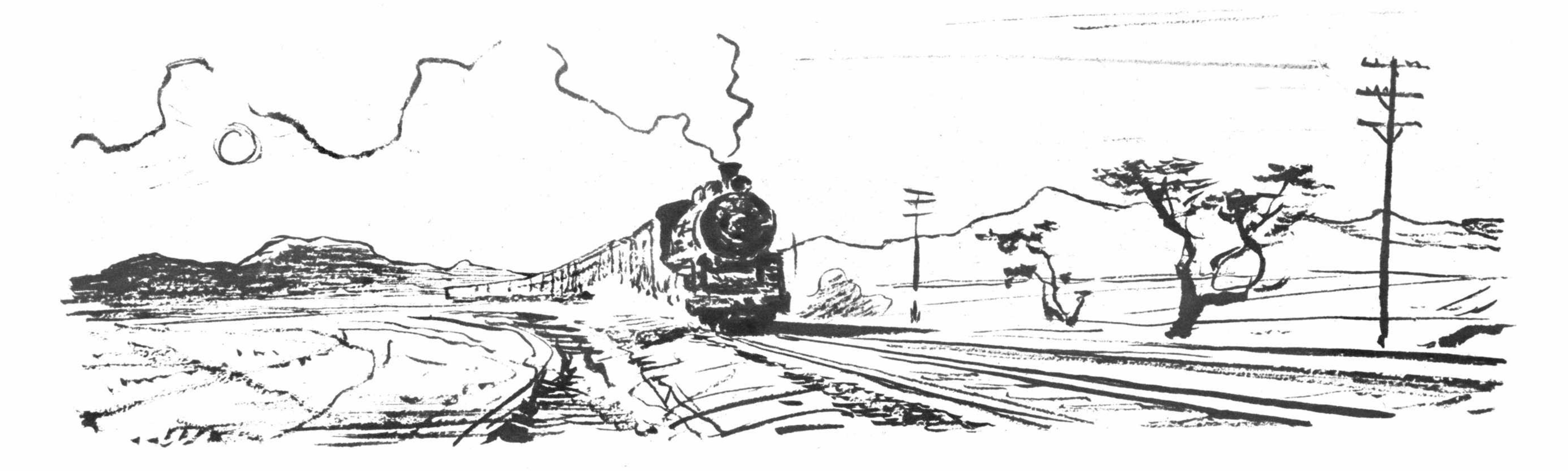
Издревле крестьяне пытались обуздать этого дракона, строили каналы, большие ирригационные системы. В исторических летописях записаны имена великих гидротехников Китая — Ли Бина, Ван Цзина, которые жили двадцать веков тому назад. Но история еще не знала такого размаха работ по ирригации, как в этом году. В начале года, до весенних полевых работ, сто миллионов китайцев ежедневно выходили на строительство оросительных сооружений.

За эти месяцы люди создали орошаемых полей больше, чем за предшествующие четыре тысячелетия китайской ирригации.

Сейчас, когда вы читаете эти строки, Шисаньлинское озеро уже заполняется водой. Но кроме него, тысячи таких же искусственных озер, хотя и меньших размеров, созданы по всей стране.

Народ пожинает первые плоды своего титанического труда. Этим летом, несмотря на засуху, во многих районах собран рекордный урожай озимой пшеницы — в полтора раза больше, чем в прошлом году. Китайская республика по производству этой ценнейшей зерновой культуры вышла на второе место в мире, после СССР, оставив позади Соединенные Штаты Америки.

В сегодняшнем Китае это тоже именуется Большим скачком.

Ясным утром

Рассказ

ЛЮ БАЙ-ЮЙ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Несколько лет назад в конце октября ехал я поездом из Пекина в Мукден. Вечером я великолепно уснул на своей полке в купе спального вагона и проснулся только утром от ослепительно яркого солнечного луча, упавшего мне на лицо. Я прикинул, что поезд в это время должен пересекать район Шанхайгуаня. Мне привелось вместе с войсками двигаться на Мукден из Цзиньчжоу и Ляоси, и я хорошо знал эти места. Я открыл глаза и огляделся. Мой сосед, занимавший противоположную полку, уже поднялся. По-видимому, это он раздвинул темно-зеленые шторки на окне вагона, через которые и проник разбудивший меня солнечный луч. Но где же сосед? Стоило мне только подумать об этом, как я услышал звонкий, веселый голос:

— Ван Шу-чжао! Ван Шу-чжао! Ты только взгляни на это обмундирование! Ну что мне с ним делать? Берешь маленький размер — живот выпирает, большой — ни рук, ни ног не видать! Нет, что там ни говори, а обмундирование даже солдатам надо шить по мерке!

Я слегка приподнялся и увидел своего соседа по купе. Он стоял в проходе. Улыбаясь во весь рот, то выбрасывая руки, то приплясывая на одной ноге, словно делая утреннюю зарядку, он примерял новенькое ватное обмундирование. Я подумал, что это, должно быть, один из той группы офицеров, что садились вчера в поезд вместе со мной. Они собрались вечером в одном купе и о чем-то оживленно болтали до глубокой ночи. Я так и не дождался, пока они лягут спать, а когда ночью проснулся, мой сосед уже спал, укрывшись белым шерстяным одеялом с зеленой каймой, и, должно быть, видел какой-то приятный сон: губы его слегка шевелились, лицо освещалось улыбкой. А сейчас, видно, по старой армейской привычке, в половине шестого он уже был на ногах.

Только теперь я мог разглядеть его как следует. Это был невысокий белолицый крепыш с умными и добрыми, улыбчивыми глазами. А сколько хитрецы и неподдельной веселости слышалось в его голосе! Руки его ощупывали подбитую ватой куртку, такую толстую и такую мягкую. Двумя пальцами он ласково поглаживал бумажную ткань, внимательно разглядывал ее, и сколько удовольствия чувствовалось в этом взгляде! Нередко мне приходилось слышать у нас в войсках такую вот, полную юмора манеру говорить. Кажется, человек критикует что-то, даже поругивает, а на самом деле сколько любви и даже восхищения слышится в его голосе!

В это время с верхней полки свесилась голова, по-видимому, того самого Ван Шу-чжао, к которому обращался крепыш. Взглянув на своего товарища, примерявшего обмундирование, и заметив, сколько комизма было во всех его движениях, он не мог удержаться от смеха.

Другие офицеры тоже вставали, одеваясь и переговариваясь друг с другом. И, сам не знаю почему, какое-то легкое волнение вдруг овладело мной, словно что-то нежное-нежное тихонько проникло мне в сердце, и на душе стало так удивительно хорошо. На минуту показалось, что я вновь в походном воинском эшелоне. А в вагоне между тем стало совсем светло от разом раздернутых шторок: как будто само ясное утро пожаловало к нам в гости.

Скоро Ван Шу-чжао уже сидел напротив меня, накинув на плечи шинель с желтыми медными пуговицами. Когда солнечный луч падал на них, они сверкали, как маленькие золотые звездочки. Человек этот, на вид ему было года тридцать два — тридцать три, сразу привлек мое внимание, и я чуть было не крикнул:

— Товарищ, как мне знакомо ваше лицо! На каком фронте мы с вами встречались?

Но я удержался, и то дружеское чувство, которое разом нахлынуло на меня, так и осталось невысказанным. Лицо Ван Шу-чжао было кирпично-красным от загара; черные, как вороново крыло, жесткие волосы, похожие на черную проволоку, непокорно поднимались над головой; из-под густых черных бровей, несколько приподнятых к вискам, сверкали острые, проницательные глаза.

Одного беглого взгляда было достаточно, чтобы определить, что он провел жизнь, полную лишений, не раз участвовал в жестоких битвах. Сталкиваясь с подобными людьми, я угадывал безошибочно, что две трети жизни провели они в непрерывных боях и походах, что не раз доводилось им испытывать острую радость победы, одержанной ценой собственной крови. Опыт, выработанный временем, и чутье подсказывали мне, что он, должно быть, участвовал еще в Великом походе[1]. Правда, он выглядел совсем молодым, но, если присмотреться к нему внимательней, легко было заметить, что лоб его прорезали глубокие морщины, а в глазах чувствовался большой жизненный опыт. Но стоило ему улыбнуться — и опять он выглядел совсем юношей.

Вместе со своим товарищем, примерявшим обмундирование, они присели молча наискосок от меня, затем тихонько подошли к окну. Я поднялся и тоже последовал их примеру. Что за чудесный пейзаж открылся перед нами! На светло-желтой безбрежной равнине, с которой уже успели увезти урожай, не осталось ничего, что привлекало бы глаз, и больше всего она напоминала в этот утренний час ровную гладь моря, даже невысокие холмы были похожи на волны. Подобно тончайшему газу, легкая пелена тумана окутывала это слегка взволнованное желтеющее море. Поезд стремительно несся сквозь туман, и вы ощущали на лице нежное влажное прикосновение. А у самого окна мелькали обрызганные росой и потому так ослепительно сверкавшие на солнце деревья, которыми было обсажено полотно дороги. Порой они совсем закрывали окна. Как все было прекрасно! Кажется, это ясное утро проникало в сердце каждого, кто находился сейчас в вагоне, и тихонько нашептывало ему: «Посмотри, посмотри, посмотри! Сколько раз ты шагал тут в походах, ходил в атаки! Так взгляни же сейчас снова на эти места!» Не знаю, какой отклик вызывало все это в сердцах ехавших в нашем вагоне офицеров, но в моем я слышал именно этот дружеский голос.

Но другой голос вернул меня к тому, что происходило в вагоне.

— Лао Инь! Ты слыхал, как здорово оборачиваются дела на фронте в Корее? — спрашивал один из офицеров своего товарища.

Судя по выговору, это был цзянсиец[2]: голос его звучал четко и отрывисто.

— Да-да! Если мы еще немного задержимся, то приедем к шапочному разбору.

— Не расстраивайся! Или ты боишься, что тебе и повоевать с американцами не удастся?

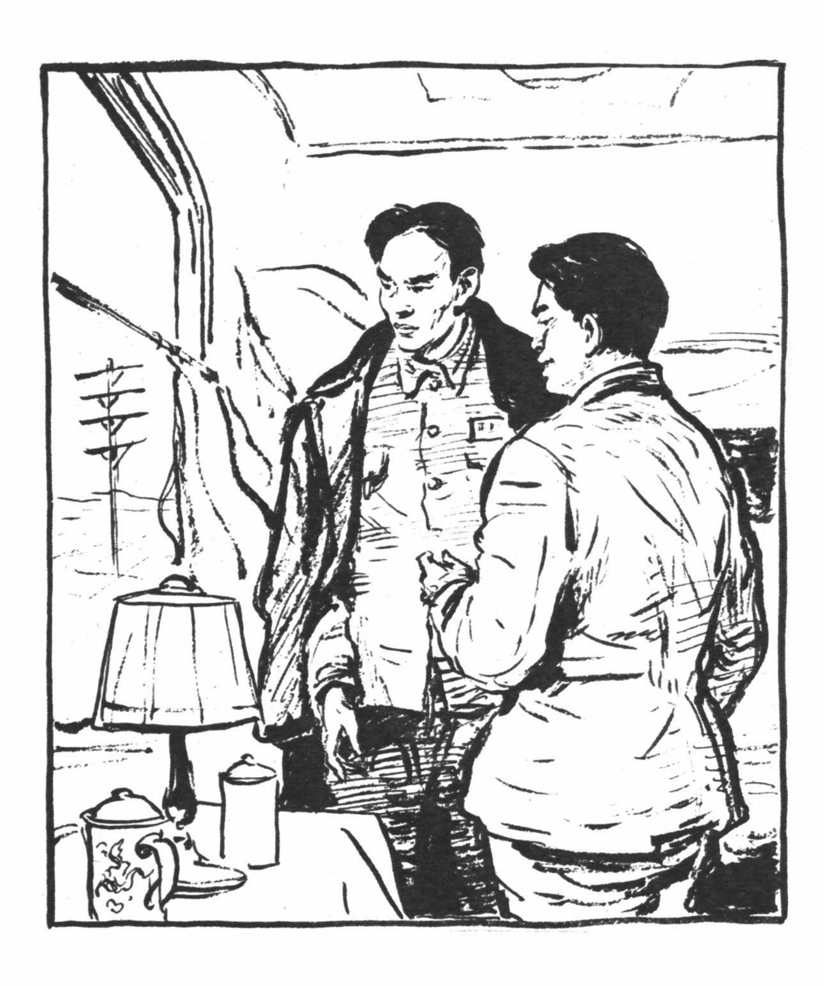
— Удастся, конечно, рано или поздно. Но хотелось бы пораньше, чтобы опыта современной войны поднабраться.

Было ясно, что оба они ехали в Корею. Но кто они такие? Может быть, из числа первых народных добровольцев, что пересекли Ялуцзян той памятной зимой 1950 года, а сейчас вновь возвращаются туда, и поэтому так естественно, что разговор у них зашел о Корее?

— Ты помнишь, — спрашивал между тем своего товарища офицер с красным, обветренным лицом, — в бою под Тяньлишанем противник выпустил больше четырехсот тысяч снарядов? Никогда еще с тех пор, как мы вступили в бой на горе Юэшань, не несли мы таких потерь. Да, пожалуй, это были самые крупные потери за всю историю нашей артиллерии! А как наши дрались! Сколько раненых и звука не проронило, чтобы только не уйти с огневых позиций! Помню, вражеский самолет-разведчик засек одно из наших орудий, и немедленно по нему был сосредото-

[1] Знаменитый северо-западный поход китайской Красной армии из центральных провинций в северо-западные районы страны (1934—1936 годы), во время которого армия прошла с боями более тридцати тысяч километров, преодолев бурные реки, горные хребты и пустыни на территории одиннадцати провинций.

[2] Цзянсиец — житель провинции Цзянси, на территории которой осенью 1927 года возникли первые отряды Красной армии и первые советские районы Китая.

чен огонь нескольких батарей. Я приказал прекратить огонь и подготовиться к смене позиций... Но бойцы и слышать об этом не хотели. В результате на их укрепление один за другим упало пять снарядов.

— Ай-я! Пять попаданий?

— Да, пять. Перекрытие блиндажа рухнуло. Но несколько раненых собственными спинами стали поддерживать обрушившееся перекрытие. «Ребята! — кричали они орудийной прислуге.— А ну, поддай им огонька! Поддай!» Артиллеристы выпускали по противнику один снаряд за другим, и нескольким десяткам вражеских орудий так и не удалось заставить замолчать нашу пушку!..

— Да-да! — подхватил крепыш.— Вот когда трудно, революционные войска и показывают, на что они способны. Что, разве не так? — И, проговорив это, он вновь быстро повернулся к окну.

Это был забавный человек. Облачившись в новенькое свое обмундирование, он стал круглым, как шар. Он любил пошутить, но нередко в его веселых, шутливых словах звучала серьезная, глубокая мысль. Каждый раз, когда он садился на свое место, он по-мальчишески подпрыгивал на пружинах дивана, приговаривая довольным тоном: «Ай-я! Ай-я!»,— словно с гордостью сообщая всему вагону: «Посмотрите, до чего же здорово мы теперь зажили!» Он был человек общительный, и я убежден, что, если бы поезд шел еще сутки, он успел бы подружиться с каждым пассажиром нашего вагона.

— Да! Как здорово изменилась теперь вся обстановка! — проговорил он и снова повернулся к окну.

Разговор двух приятелей незаметно для них самих привлек внимание других пассажиров. Это чувствовалось по тем взглядам, которые они бросали на беседовавших у окна офицеров. Среди пассажиров мне особенно запомнился юноша в запыленной шляпе, по-видимому, техник с какого-нибудь строительства, и молоденькая девушка с упакованным в черный ящик теодолитом, догонявшая, наверно, какую-нибудь изыскательскую партию. У девушки был румянец во всю щеку, слушала она с каким-то радостным волнением; там, где рассказ ее особенно захватывал, длинные брови ее поднимались вверх, а ресницы чуть вздрагивали. Мне показалось, что я слышу, как тихо и радостно стучит ее сердце. А поезд между тем плавно катился вперед. Солнечные лучи становились все ярче, и весь вагон словно прорезали бесчисленные золотые стрелы.

Я закурил сигарету и стал прислушиваться к беседе своих соседей. Разговор их, словно извилистый путь, петлял из стороны в сторону. Пустились в воспоминания. Начал их полный офицер в новеньком ватном обмундировании:

— А знаешь, дружище, не развивайся революция так стремительно, мы, наверно, так и остались бы в нашем артиллерийском полку. Кто бы поверил тогда, что у нас будет несколько артиллерийских полков, которые смогут обрушить на головы американцев тонны раскаленного металла сразу! В Яньани у нас и всего-то был один-единственный артиллерийский полк, а в нем несколько старых орудий!

Я посмотрел на его соседа. Губы его были крепко сжаты, глаза устремлены в окно. Луч солнца упал ему прямо на лицо, но он не переменил позы. Морщины, прорезанные на его лбу самой жизнью, проступили особенно отчетливо.

И я снова подумал: «До чего мне все-таки знаком этот человек!.. Где я видел его?»

А тихая беседа у окна продолжалась.

— Ты говоришь, в Яньани у нас был всего один артиллерийский полк? Это еще ничего! А ты знаешь, с чего мы начинали в Жуйцзине [1]? С одной батареи.

— Я слышал, что наш командующий тоже служил в этой батарее?

— Да, в то время он как раз и командовал батареей.

— А ты, ты сам?

Офицер не ответил. Медные пуговицы на его шинели опять сверкнули на солнце. Стало пригревать. Он скинул шинель, расстегнул ворот френча и продолжал:

— В то время у нас не нередко приходилось по одному снаряду на орудие. Ты представляешь, что это такое?

— А сейчас? Хм! Стоит только рукой махнуть, и сразу летит на врага сто, а то и двести снарядов.

— Но зато как любили мы свою родную, единственную пушечку! Мы верили: сейчас у нас одна пушка, а придет время — и будут десятки, сотни! На то и революция: сейчас ничего, а будет все!

— Вот все это и сбылось!

— Да, мы понимали, без нашей пушки победа революции невозможна. И мы берегли пушку эту пуще собственной жизни. Как-то раз окружили нас белые, они рвались прямо на нашу батарею...

Товарищ его распахнул ватник и впился в рассказчика загоревшимися глазами.

— Бой в тот раз был очень тяжелый. Наконец нам удалось оторваться от противника на каких-нибудь два — три часа ходу. Мы рвались вперед, не разбирая ни дня, ни ночи. Привалы были такие коротенькие, что мы не успевали даже согреть людям по глотку воды. Свои соломенные туфли мы изодрали в клочья, и нам пришлось забинтовать ноги обмотками, но и они не выдерживали, и мы шли босиком. По дороге за нами тянулся кровавый след. Но, как ни трудно приходилось, нашу пушку мы тащили с собой.

Воспоминание об этом давнем бое горело сейчас у него в глазах.

— В ту ночь мы добрались до какого-то горного ущелья, и вдруг разнесся слух, что нам удалось оторваться от противника. Теперь уж ничто не могло заставить товарищей двинуться дальше. Все кинулись наземь. Каждого так и свалил сон. Ущелье было глубокое и узкое, с двух сторон его стиснули высоченные горы, на горах — густые заросли леса. Мы расположились внизу на небольшой лужайке. Все бросились на траву, и какой мягкой и удобной она нам показалась! Честное слово, даже пружинная кровать в гостинице не привлекла бы нас больше. Через какое-то мгновение всюду слышен был храп спящих. Мы, конечно, расположились вокруг своей пушки. Во всей батарее у нас не спал только один человек...

Он на мгновение умолк, и я поспешил закурить сигарету. Рассказ заинтересовал многих пассажиров, и вокруг нас собралось немало народу. И даже поезд мчался вперед очень плавно, почти бесшумно, словно прислушиваясь...

— Он был еще совсем молод, этот человек. Ему исполнилось, пожалуй, в тот год...— рассказчик на мгновение задумался,— лет пятнадцать. Когда он становился в строй, то оказывалось, что он ниже винтовки.

Красное лицо рассказчика тронула едва заметная улыбка, так отчетливо он представил себе, наверно, сейчас эту маленькую, смешную фигурку.

— Вот он-то как раз и не спал. Не спал не потому, что устал меньше других. Он боялся уснуть. Сначала вместе с ним не спал еще политрук. Он все ходил вокруг батареи, смотрел, все ли в порядке, все ли на месте. А потом прислонился к стволу пушки, обхватил ее рукой — вот так,— и голова свесилась на ствол... Но он все говорил: «Все так устали... так и уснули разом... Ну ничего, пусть немного поспят... совсем ведь без сна невозможно... А вот нам с тобой спать нельзя... нельзя...» Он все говорил, говорил, но голос становился все неразборчивее...

Маленький боец подошел к политруку вплотную и увидел, что тот спит, обняв ствол пушки. Сначала он хотел сразу разбудить политрука: случись что, как ему быть? Но он удержался: пожалел политрука. Устали все, но политрук больше всех. С самого начала боев он не сомкнул глаз. Во время привалов бойцы отдыхали, а ему было не до сна. Пусть он немного поспит... Ну, пять минут. «Я его разбужу, сразу разбужу»,— думал мальчишка, хотя ему и было страшновато: кругом, куда ни посмотри, тьма, хоть глаз выколи!.. Не слышно ни звука, только ветер свистит в ветвях деревьев да где-то журчит по камням невидимый ручей. Только все обильней роса, да все ярче разгораются звезды на небе. И вдруг ему стало страшно, очень страшно, он схватил винтовку и вскочил на ноги, но ничего, решительно ничего вокруг. Он снова присел. Тогда усталость, страшная усталость придавила его, какая-то пудовая тяжесть тянет книзу веки; он старается сбросить ее, с силой прикусывает зубами язык... И в эту минуту замечает вдруг, что какая-то неясная тень мелькает впереди...

Разом он стряхивает с себя сон и усталость и, не смея пошевельнуться, сосредоточивает всю силу зрения на мелькнувшей вдали тени. Но что это? Вслед за первой тенью мелькает вторая, третья, четвертая... Это враг! Враг! Он вскакивает на ноги. Тень бросается прямо на него. Он стискивает зубы и, собрав все свои силы, стреляет.

Выстрел этот прозвучал в ночи, как сигнал. Положение было критическим. Едва проснувшись, бойцы хватали винтовки и бросались на врага. И сразу по всему ущелью разгорелась рукопашная схватка. Повсюду слышались сигналы к атаке. Кровавый бой продолжался до рассвета. Чуть брезжил рассвет, когда по ущелью на коне проскакал командующий. Скоро наши войска контратаковали противника по всему фронту. Кто бы мог подумать, что мы уничтожили в этом бою целую дивизию белых! И только, вот жалость, наш политрук... Когда совсем рассвело, мы увидели,

[1] Жуйцзинь — уездный город в провинции Цзянси, столица советских районов Китая.

что он так и остался у пушки, обвив ее рукой и прижавшись щекой к стволу. Казалось, он все еще спит. Мы подбежали, стали трясти его за плечи, но он не пошевельнулся, ствол пушки был залит его кровью.

Рассказчик умолк. На минуту печаль мелькнула в его глазах, но затем они приняли свое обычное, немного суровое выражение.

— Да, это была первая пушка нашей артиллерии,— проговорил он.

Пока он рассказывал, я внимательно следил за лицами окружавших нас пассажиров: они становились все взволнованней. Но особенно рассказ офицера подействовал на девушку-геолога: брови ее застыли, ресницы не вздрагивали, как прежде, вся она обратилась в слух. Порой ее глаза были полны слез, а иногда излучали какой-то удивительный свет. Рассказчик умолк, но девушка по-прежнему сидела не двигаясь, ожидая продолжения. Ей не терпелось узнать, что сталось с этим маленьким бойцом, защитившим нашу первую пушку. Казалось, она ждала, что вот-вот, сию минуту, он появится перед нами... И вдруг в ее глазах блеснула догадка. Вероятно, такое она испытывала в своих экспедициях, когда после многочисленных поисков обнаруживала какой-нибудь редкий минерал. Рот ее приоткрылся, на лице застыла улыбка, а глаза так и впились в это кирпично-красное лицо, закаленное годами боев и лишений.

— Смотри, смотри! — вдруг закричал офицер в ватнике.

Его товарищ стремительно поднялся, шинель с медными пуговицами соскользнула с плеч. Он распахнул окно, и резкий, холодный ветер ворвался в вагон. Но они прильнули к окну, казалось, совсем не замечая ветра. Я тоже взглянул в окно. Поезд мчался уже по равнине Ляоси. Солнце бросало свои лучи на подернутые инеем межи на полях, поля тянулись без конца и края, только далеко на горизонте одиноко стояли на осеннем ветру редкие деревья. Мне невольно вспомнилось, как в тысяча девятьсот сорок восьмом году в такую же вот осеннюю пору шел я с войсками этой широкой равниной на Мукден. И едва я вспомнил об этом, как сердце охватило волнение. Это так легко понять! Каждому, кому вновь приходится проезжать по местам, которые он проходил когда-то с боями, не терпится взглянуть, как они выглядят сейчас... Я тоже поднялся, подошел к приятелям вплотную и выглянул в окно из-за их спин. Поезд стремительно мчался по равнине. За окном мелькали речка, мост, деревья, какая-то маленькая железнодорожная станция с фонарными столбами на платформе, жиденькая рощица, светлая лента полевой дороги... Каждая травинка, каждое деревцо, мелькавшие за окном, служили для нас как бы сигналом, подобно молнии, прорезали они память, будили в ней бесчисленные воспоминания. И, вероятно, под влиянием этих воспоминаний, хотя я и двое артиллерийских офицеров и не обменялись друг с другом ни словом, чувства наши как бы слились воедино, словно мы давно знали друг друга и ехали сейчас вместе для выполнения одного и того же задания. Мы понимали любой мимолетный взгляд друг друга, каждое движение руки, каждое слово, каждый вздох. Да разве не шагали мы вместе по пыльным военным дорогам, освещенным солнцем той памятной зимы?! И как не понять мне было волнение этого человека, прижавшегося сейчас плечом к моему плечу, когда он говорил, не отрываясь от окна:

— Вот здесь, здесь шли моя артиллерия и танки на штурм Цзиньчжоу!

Цзиньчжоу! В то время я был на участке фронта южнее рек Нюйэрхэ и Сяолинхэ. Перед началом общего наступления я наблюдал из траншеи, как наша артиллерия проделывала проходы для атаки, как поднялись наши ударные части со вскинутыми ввысь красными стягами и под прикрытием артиллерийского огня форсировали Нюйэрхэ и Сяолинхэ.

— А я в то время был в Ташани [1],— произнес толстяк.

— Да, напряженный был тогда момент. Этот болван Чан Кай-ши приказал генералу Ляо Яосяну сделать огромный крюк на Чжанъу, а наши тем временем захватили Цзиньчжоу.

— Да, помню. В тот день в Ташани мы получили приказ расстрелять все снаряды. Я возмущался: ни в коем случае нельзя этого делать! Мы же артиллеристы! Какой же смысл таскать с собой без снарядов никому не нужные пустые стволы? Но кто же мог подумать, что командование знало положение у противника, как свои пять пальцев. На следующий день враг, поджав хвост, пустился наутек. А вы тем временем уже захватили Цзиньчжоу.

Они взглянули друг на друга и засмеялись, и этот смех разнесся по всему вагону. Мне тоже стало очень радостно, как будто я вновь перенесся в те полные напряжения дни.

— А после взятия Цзиньчжоу мы получили приказ главкома Линь Бяо стремительно продвигаться на Ляоси. Не задерживаться! — говорилось в приказе. Если в пути застрянут пушка или танк, не тратить времени на ремонт, просто выделить несколько человек для охраны, а самим двигаться дальше. Так, стремительным маршем мы и добрались до этих мест.— Он показал рукой на окно вагона.— Но бои к тому времени уже закончились. Только и видно было, как стелется дым над полями боя.

— Гляди-ка! Цзюйлюхэ! — воскликнул вдруг краснолицый, кивнув головой на показавшуюся за окном реку.

— Нет, это не Цзюйлюхэ! — с сомнением покачал головой его товарищ.

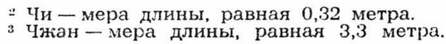
— Цзюйлюхэ! Цзюйлюхэ! — не выдержал я.

Краснолицый обернулся ко мне. Я видел его теперь совсем близко, вплотную, его густые, слегка приподнятые к вискам брови, скрытые под ними острые, проницательные глаза и что-то совсем неуловимое в манере держаться, что сразу выдавало в нем прирожденного военного, может, та все преодолевающая решительность, которая так и сквозила во всем его облике. И сразу в моей памяти встала та осенняя ночь тысяча девятьсот сорок восьмого года на реке Цзюйлюхэ.

Никогда не забыть мне этой ночи! Едва отгремевшая яростная буря сражения, только что одержанная огромная победа, стремительное продвижение вперед — все сливалось тогда воедино. Наши войска, овладев Цзиньчжоу, совершили молниеносный бросок и уничтожили войска генерала Ляо Яо-сяна в изрезанном озерами районе в окрестностях Ляоси. Все дороги, мосты, долины были забиты войсками, которые стремительно неслись вперед, одержимые одной только мыслью: вперед, на Мукден! Это был какой-то шторм, какое-то великое и волнующее состязание. По дорогам стремительно неслись наши войска. А по обочинам уныло брели разбитые части противника. Солдаты бросали оружие прямо на дорогах или тащили его, чтобы сдать нашим бойцам. Какой-то связной, сдав пакет, тащил на себе десяток подобранных в пути винтовок. И всюду, куда ни кинешь взгляд, идут люди, грохочут повозки, мчатся машины, вьются облака пыли, которая, словно дым, вздымается к небу. Если бы вы посмотрели на все это с какой-нибудь возвышенности! Еще яркое октябрьское солнце посеребрило покрытые инеем межи, пересекающие поля вдоль и поперек, стаи испуганных ворон кружат над полями, а по дорогам бойцы, не оборачиваясь, не обмениваясь ни словом, спешат вперед, только вперед. Ты идешь быстро, он еще быстрее, и все спешат на Мукден. И я несусь вместе со всеми в этом стремительном потоке. Так мы добрались тогда до Цзюйлюхэ, до того самого моста, по которому наш поезд пересекает сейчас эту реку. Тогда сгущались сумерки. Все мосты через реку были взорваны противником, оставался этот единственный железнодорожный мост. И тысячи, десятки тысяч людей, сотни и тысячи машин из Цзиньчжоу, Ташани, Чжанъу, спешивших на Мукден, столпились у этого узенького моста. Как их всех переправить? А тут еще расстояние между балками моста не меньше чи [2]! Уже совсем стемнело, люди пытаются посветить вниз, но лучики карманных электрических фонариков не достают до воды, и кажется, что под мостом пропасть в десять тысяч чжанов [3]. Кажется, оступись человек и упади вниз, даже всплеска воды не донесется оттуда.

Но нам нельзя задерживаться здесь, каждый полон решимости мчаться вперед. И воля людей находит выход. С ближайшей железнодорожной станции, из окрестных деревень тащат доски, двери, настилают все это на балки моста — и вот уже передовые части спешат по нему вперед. Но когда нам надо было подниматься на мост, там образовалась пробка. Машин с каждой минутой становится все больше. Наш шофер пошел выяснить обстановку. По его рассказам, до утра нам нечего рассчитывать на переправу, и он предложил заночевать в одной из ближайших деревень. Но я не мог задерживаться и решил забрать свои пожитки, чтобы пристроиться к какой-нибудь машине, которая пойдет на Мукден еще сегодня ночью.

Вскоре перед глазами развернулась удивительная картина: сотни машин, сгрудившихся у моста, разом зажгли фары, и все ожило, люди сновали взад и вперед, яркий свет осветил и мост, и реку, и небо над ними. Несколько вражеских самолетов с воем пронеслось над нашими головами, но на них никто даже не обратил внимания, и летчики, видимо, недоумевая, что случилось внизу, почему там

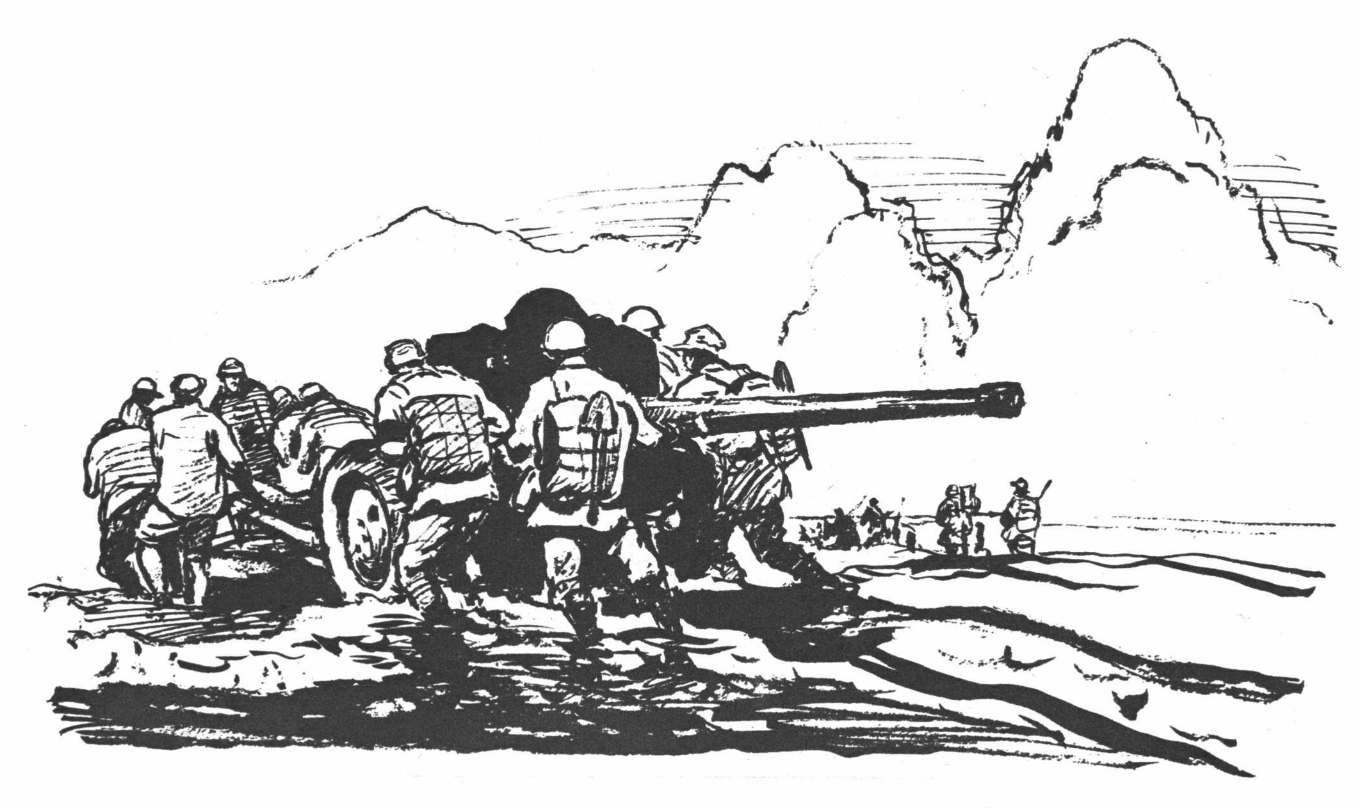

[1] Во время штурма окруженной в Цзиньчжоу вражеской группировки полк, обороняевший железнодорожную станцию Ташань, сдерживал натиск трех гоминдановских дивизий, стремившихся прорваться на выручку окруженным в Цзиньчжоу частям.

[2] Чи — мера длины, равная 0,32 метра.

[3] Чжан — мера длины, равная 3,3 метра.

— В кроватях, говоришь?.. Романы?..

— А оружие, стереотрубы, документы, планшеты — все свалено на полу. Берите, говорят, что вам надо, и уходите!

Поезд пересек гулкий мост через Цзюйлюхэ и снова тихо и плавно катился вперед по равнине.

Крепыш продолжал хохотать, слезы выступили у него на глазах, смеялся он так заразительно, что и я невольно засмеялся, да и другие пассажиры, глядя на него, тоже не выдержали.

Скоро разговор снова вернулся к Корее.

— Ты слыхал, что говорят сейчас пехотинцы в Корее о наших артиллеристах? — спрашивал краснолицый. Лицо его озарилось какимто мягким светом. — Могу рассказать тебе один эпизод. Пехотинцы получили приказ занять высоту. А она так исхлестана вражеской артиллерией, что вся голая, как темя у лысого человека. Так что на этой голой горе не только днем, но и ночью человеческая фигура — уже крупная цель. Тем более, что противник от этой высоты всего в каких-нибудь трехстах метрах и малейшее движение на ней просматривается как на ладони. И что же ты думаешь, забрались-таки смельчаки на высоту. Но вот как назло только появились они там, луна из-за туч выглянула. — Он показал руками в обхват: — Вот этакая! Цель видна как на ладони, а у них, понимаешь, нет времени даже индивидуальные окопчики себе отрыть. Неужели придется дожидаться, пока разорвет тебя снарядом на этой голой горе? Но как раз в это самое время, — он поднял руку, с силой вытянул ее вперед и произнес какой-то шипящий звук: «Ш-ш-шуа!», подражая звуку артиллерийского снаряда, рассекающего воздух, — наша артиллерия обрушила огонь на вражеские позиции. Ты можешь себе представить, как ликовали наши пехотинцы на этой высоте! Артиллерии противника не удалось произвести ни выстрела. И наши товарищи воспользовались моментом, чтобы приняться за окопы. Прошло с полминуты, только они подняли головы и опять — «Шу-ш-шуа!» — снаряды пронеслись над головой, и над вражескими позициями к самому небу взметнулось пламя. Нечего и говорить, что американские артиллеристы опять, словно немые, не произнесли ни звука. Ты и представить себе не можешь, как полюбили тогда наши пехотинцы свою артиллерию!

На лицах товарищей ни тени улыбки. Они предельно серьезны, и только по глазам видно, каким горячим чувством охвачены их сердца.

— Они называли нас своими любимыми ар-

не гасят огней, как обычно при их приближении, развернулись и улетели прочь, не сбросив ни одной бомбы, не выпустив ни одной очереди из пулеметов.

Вот в этот самый момент я и увидел его, этого человека, что стоит сейчас у окна рядом со мной, плечом к плечу, и волосы которого, жесткие, как стальная проволока, ветер относит в сторону, и они касаются моего лица.

Он появился как-то сразу из самой гущи толпы. Шел он с поднятой головой, в шинели, накинутой на плечи. Нахмурив брови и не произнеся ни слова, он направился прямо к мосту и пошел по нему ровным шагом. До него там прошло немало людей и повозок, доски, накинутые на редкий настил моста, большей частью были сломаны, разбиты или просто проваливались между балками в воду. В других местах они хотя и сохранились, но были такими тонкими, что качались или потрескивали под ногой. Но командир в накинутой на плечи шинели уверенно шагал вперед, словно шел по ровной дороге. Скоро он совсем скрылся из виду.

Но вот прошло немного времени, и он так же спокойно шагал назад, направляясь к разведенному у самого моста костру, вокруг которого расположились за ужином солдаты какой-то транспортной команды. Подойдя к ним, офицер спросил:

— Это ваша повозка застряла на мосту?

Человек, сидевший у костра, поодаль от остальных, медленно повернул голову и неторопливо ответил:

— Наша. А в чем дело?

Транспортная команда тоже пыталась проскочить через мост. Одной из ее повозок удалось кое-как добраться чуть не до середины моста, но там ноги лошади провалились между досками настила, и ее никак не удалось вытащить. А тут со всех сторон напирали люди, спешившие вперед во что бы то ни стало. Потные, выбившиеся из сил бойцы транспортной команды, кажется, перепробовали все, но ничего не получалось. Тогда, отчаявшись, они махнули рукой, развели костер у самого моста и принялись за ужин. Человек, который только что отвечал на вопросы офицера, оказался старшиной команды.

— Ах, ваша! Ну, так придется сбросить ее в воду!

— Как это сбросить? — встрепенулся старшина. Он вскочил на ноги и, склонив голову набок, возбужденно закричал: — Сбросить, сбросить! Что сбросить?

— Все: лошадь, повозку, груз!

Я прекрасно помню, как он стоял в шинели, накинутой на плечи, впиваясь своим строгим и спокойным взглядом в глаза старшины команды. Тот замахал руками и крикнул:

— Ну, из этого ничего не выйдет! Ничего не выйдет! — повторил он еще раз.

«И так-то на душе кошки скребут, — подумал он, — а тут еще выискался на мою душу какой-то дьявол!» И, не собираясь больше вступать в разговоры, он повернулся и пошел к костру, где сидели его товарищи.

И вдруг какая-то необычайная сила зазвучала в голосе командира в накинутой на плечи шинели. Он сказал совсем негромко, но как-то строго и властно:

— Стой! А ну-ка повернись, посмотри. — И, сам резко повернувшись, он указал рукой на скопление машин у моста. — У тебя на уме только своя лошадь, свой груз, а это ты видишь? Видишь, что это такое? Ты хочешь, чтобы все это тут и застряло? Чтобы наши передовые части, рвущиеся к Мукдену, остались без поддержки? Пошли!.. Надо сбросить вашу повозку в реку!

Заупрямившийся было старшина команды посмотрел минуту — другую, потом, не произнося ни слова, повернулся к своим товарищам и помахал им рукой. Те поднялись и без слов пошли вслед за ним на середину моста.

Через каких-нибудь полчаса обстановка на мосту совершенно переменилась. На балки его снова настлали доски. Машины, одна за другой, гудя моторами, поднимались на мост. Застрявшие здесь люди, уже повесившие было носы, повеселели. Всюду слышались оживленно перекликающиеся голоса. Каждый старался помочь своим случайным товарищам. Все были возбуждены. Крики сотен людей сливались в один многоголосый гул. Я поднял голову и стал оглядываться, стараясь разыскать того краснолицего командира в накинутой на плечи шинели. Но его нигде не было видно. Да и как его разыщешь вновь среди этого моря людей, лошадей, повозок, машин? Наверно, он был уже где-то впереди...

И вот сейчас невольно я поднимаю глаза на стоящего рядом со мной артиллерийского офицера и говорю себе с еще большей уверенностью: да, это он!

А он между тем рассказывает, как той же ночью они вступали в Мукден.

— Ворвались в Мукден, на улицах еще гремят выстрелы, а мы — прямо к штабу вражеской артиллерии. И ты можешь себе представить: эти господа лежат себе на кроватях и почитывают романчики!

Его полный товарищ весело, заразительно хохочет:

тиллеристами. А когда, случалось, ранят, они спешат не на перевязочный пункт, а к нам, на артиллерийские позиции.

— Как? Почему?..

— Да-да! К артиллеристам! Прибегут, у самих кровь хлещет, а они разорвут рубаху, протрут снаряды до блеска, подают заряжающим и приговаривают: «Только уж вы бейте без промаха!»

Два товарища у окна умолкли, и сразу стало отчетливо слышно, как колеса стучат на стыках рельсов.

— Ты не видал последних сообщений американских корреспондентов? — спросил толстяк.

Его товарищ повернулся и выжидающе посмотрел из-под своих густых бровей.

— Ты, может быть, подумаешь, что они опять обливают нас клеветой и грязью? Ничего подобного! На этот раз они нас даже превозносят! — Он широко улыбнулся.— Пишут, что такую огневую мощь, какую наша артиллерия обнаружила в Корее, они видели только во время второй мировой войны где-то в Бельгии. Наше командование, по их оценке, находится на должной высоте. — Он хлопнул своего товарища ладонью по колену и повторил: — Слышишь? На самом высоком уровне! — Он засмеялся так, что от глаз остались только узкие щелочки, и всем, глядя на него, сразу стало как-то весело и светло.

Я заметил на лицах окружающих, хотя они и не были знакомы друг с другом, одно и то же выражение общей веры и какого-то общего счастья, словно это были путники, которые мрачной ночью пробились сквозь дремучий лес, вышли на поляну, подняли головы и вдруг заметили, как на востоке занимается заря. Я посмотрел на девушку-геолога. Она сидела прямо, слегка вскинув голову, и смотрела куда-то вдаль. В черных необычайно строгих ее глазах светилась мечта, словно она пересекла много пустынных гор и опасных круч, лесов и рек в поисках сокровищ и теперь вдруг нашла эти сокровища, нашла их в душе людей.

Я уж давно не смотрел в окно и, когда сейчас повернулся к нему, заметил, что солнце светит особенно щедро; вероятно, было уже часов десять, и, значит, поезд приближается к конечной станции. В вагоне все примолкли и приникли к окнам. Я тоже выглянул в окно и увидел небо — голубое, без единого облачка. На взлетной дорожке аэродрома, расправив крылья, как птица, готовая к полету, стремительно скользил реактивный истребитель. Два других уже взмыли в небо, крылья их поблескивали на солнце, словно отлитые из серебра. Как вольно и стремительно неслись они в небесах!

Наш поезд тоже спешил вперед, набирая скорость. Я снова взглянул на девушку-геолога. Она сидела все так же неподвижно, слегка закусив губу, погруженная в раздумье. На лице ее было такое выражение, словно она только что приняла какое-то важное решение, от которого зависела вся ее жизнь.

Скоро на горизонте появился целый лес заводских и фабричных труб. Все они дымили, из одной вырывались в небо почти черные клубы дыма, из другой — золотисто-желтые. Если вы впервые подъезжаете к Мукдену, вас невольно поражает эта картина — словно весь город дымится. А ночью, будто звездное небо, сверкают на земле бесчисленные огни его заводских районов. Но сейчас было утро, ясное, солнечное.

Поезд въезжал в город. Из окна вагона были видны уже не бескрайние поля, а кирпичные стены заводских корпусов, телеграфные столбы, сверкающие провода, усеянные воробьями, стены заводских оград, заклеенные яркими плакатами и афишами, реющие на солнце яркие флаги. Пассажиры готовились к выходу. Подхватив чемодан, я тоже направился к двери и, уже сойдя на платформу, еще раз посмотрел на Ван Шу-чжао. Он стоял в дверях вагона и смотрел на раскинувшийся перед ним огромный город. Его обветренное и обычно несколько суровое лицо и острый взгляд сейчас были ласковыми и мягкими, как при встрече с любимым человеком.

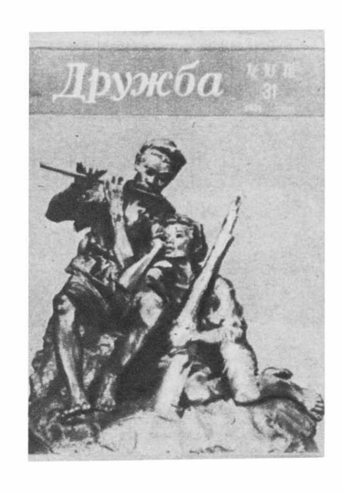
Перевел с китайского
В. КРИВЦОВ.

Хороший друг

По страницам журнала «Дружба»

Каждый день в двухэтажный кирпичный дом на улице Бэймыньцан в Пекине почтальон приносит целые охапки писем. На конвертах — штемпеля почтовых контор многочисленных городов и сел Советской страны и один адрес: «Пекин, журнал «Дружба». Уже сам этот обширный поток корреспонденции — с вопросами, пожеланиями, откликами — яркое свидетельство большого интереса наших читателей к журналу, издающемуся Обществом китайско-советской дружбы.

Здание, где помещается редакция, до второго этажа густо завешено большими листами бумаги, испещренными вязью рукописных иероглифов. Такие же листы сплошь покрывают стены коридоров, лестничных клеток, висят на шнурах под потолком. Советские читатели «Дружбы» уже знают, что это за листы. Это «дацзыбао» — «газеты больших иероглифов». Журнал посвятил несколько материалов этому характерному явлению в общественной жизни сегодняшнего Китая. На фабриках, заводах, в сельскохозяйственных кооперативах, в учреждениях и учебных заведениях трудящиеся пишут и вывешивают огромное количество «дацзыбао». В них они бичуют недостатки и ошибки, вносят деловые предложения, широко обсуждают все проблемы жизни государства, партии, своего коллектива. Эта новая форма критики и самокритики высоко подняла активность масс, помогает народу осуществлять генеральную линию Коммунистической партии Китая: «Напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм по принципу: больше, быстрее, лучше, экономнее».

Сотрудники «Дружбы» широко используют «дацзыбао» в своей практической работе. В тысячах «газет больших иероглифов», которые написали и вывесили сотрудники, они горячо говорят о том, как сделать еще лучше свой журнал, посвященный высокой и благородной цели — укреплению и развитию братской нерушимой дружбы двух великих народов. И советский читатель еженедельно с благодарностью берет в руки свежий номер «Дружбы». Каждая его страница рассказывает нам о богатырской воле народа, строящего социализм, о том, как простые люди нового Китая вершат великие дела, как люди Китая претворяют в жизнь лозунги коммунистической партии, как с каждым днем растет трудовая активность и творческая инициатива 600 миллионного народа.

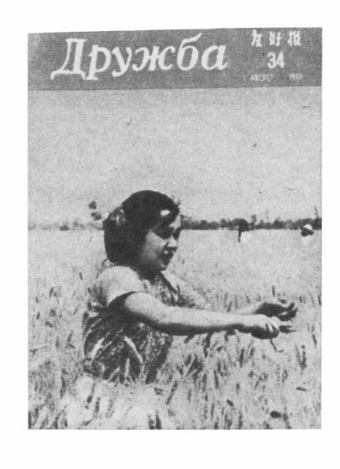
«Результаты работы нашей угольной промышленности в первой половине нынешнего года позволяют предположить, что уже в будущем году Китай по добыче угля догонит Англию»,— сообщает «Дружба» в своем 33-м номере, рассказывая о величайшем трудовом подъеме среди угольщиков страны.

Сталевар Хань Вэй-юй спешит поделиться с советскими друзьями успехами своих товарищей на Аньшаньском металлургическом комбинате. «Сейчас все у нас вспоминают замечательного молодого советского сталевара Колесникова, — пишет он в 32-м номере «Дружбы». — Нам никогда не забыть того дня, когда он в 1955 году производил в нашем мартене показательную плавку стали. В те времена на одну плавку нам требовалось 11 часов, Колесников же сварил сталь всего за 7 часов 55 минут. Можно представить, как это всех поразило! На следующий день наш сталевар Ли Шан-чжун, применив метод Колесникова, сварил сталь еще быстрей — за 7 часов 20 минут... Самый последний из установленных нами в этом году рекордов скоростной варки стали — 5 часов 25 минут».

В рассказах и очерках, в статьях рядовых тружеников и руководящих работников, в информационных заметках журнал повествует о необычайном взлете во всех областях жизни освобожденного народа.

Мы узнаем о грандиозных проектах гидротехнических сооружений на реке Янцзы; о выпуске новых станков, машин, синтетических материалов, которых еще вчера не изготовляли в Китае; об успехах науки, о первом атомном реакторе; о несметных богатствах недр, ныне открытых для народа; об изменении облика городов и сел, о культурной и технической революции в стране. Все эти большие успехи стали возможны благодаря руководству коммунистической партии, умело сочетающей всеобщую истину марксизма-ленинизма с конкретными условиями китайской действительности. Журнал рассказывает о всенародном движении за упорядочение стиля работы и борьбе против правых элементов, в результате чего была завоевана победа социалистической революции на идеологическом и политическом фронтах. В ходе массовых дискуссий, широкого и полного высказывания мнений, развернутой критики и самокритики решительно улучшились отношения между людьми, раскрепостилась исполинская энергия масс. «В наши дни, когда народные массы уже обрели освобождение в экономическом, политическом и идейном отношении, когда они проявляют смелость в мечтах, в словах и в действиях, роль личной инициативы и людей в преобразовании природы возросла в сотни и тысячи раз...» — пишет в «Дружбе» тов. Чжан Дэ-шэн, первый секретарь комитета КПК провинции Шэньси.

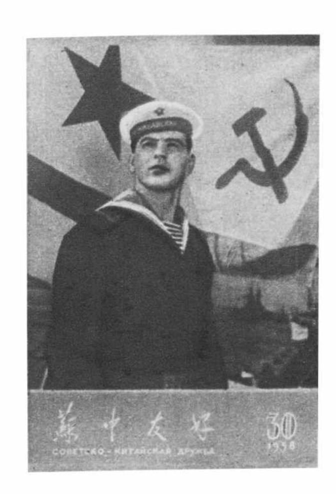
Круг тем журнала «Дружба» широк и многообразен. Он рассказывает о жизни различных народностей Китая, о новинках литературы и искусства, знакомит с древним и новым народным творчеством. Он раскрывает глубокие новые процессы, происходящие в среде рабочих, крестьян, интеллигенции, рассказывает о большой работе партии по подготовке человека к вступлению в социализм, воспитанию коммунистических черт в характере людей, в их быту, труде, общественной деятельности.

36 страниц каждого номера журнала — это повесть о славных делах и победах великого освободившегося народа. Сейчас империалисты бряцают оружием у ворот его дома. Но им не запугать поднявшегося великана, не остановить его неудержимого порыва к свету и счастью. Советские люди радуются успехам своих китайских братьев, наш народ всегда с ними и сердцем и силой своей.

Общество советско-китайской дружбы, в свою очередь, издает для китайских читателей иллюстрированный журнал, рассказывающий о достижениях Советской страны, который пользуется в народном Китае широкой популярностью.

И сегодня, поздравляя наших друзей с девятой годовщиной провозглашения Китайской Народной Республики, советские читатели говорят:

— Да здравствует дружба на вечные времена!

ПО РУССКОЙ ЗЕМЛЕ

ВОСЛЕД СОЛНЦУ

Лайнер «Советский Союз» в бухте Золотой Рог.

С. МОРОЗОВ

Фото О. КНОРРИНГА.

Владивосток — «город нашенский»

— Вам с Камчатки привет от товарищей ваших, корреспондентов «Огонька»! — Так встретил нас на пороге своей каюты Серафим Порфирьевич Мышевский, капитан лайнера «Советский Союз».

Капитан лайнера С. П. Мышевский.

Огромный пароход, прибывший очередным рейсом из Петропавловска, только что ошвартовался во Владивостоке. Не знаем, как выглядело судно там, в Авачинской губе, но здесь, в бухте Золотой Рог, с его появлением стало заметно тесней. Точно высотный дом вырос вдруг по соседству с двумя вокзалами: морским и железнодорожным.

Примечательный рубеж суши и моря! Тут обрываются рельсы величайшей в мире Транссибирской магистрали. Волнистыми, змеящимися следами гребных винтов уходят отсюда в океан корабельные трассы. Каждый день поезда из Москвы, Харькова, Иркутска встречаются с пароходами из портов Сахалина, Охотского побережья, Чукотки. Днем и ночью бурлит толпа на причалах и перронах, звучит басовитая перекличка паровозных и судовых гудков.

Прошагав по виадуку над рельсами, мы поднялись на борт лайнера по трапу, проехали несколько этажей в лифте, едва не заблудились в лабиринте коридоров и вестибюлей плавучего дворца, пока не разыскали капитана.

Высокий ростом, подвижной Мышевский — черноморец по выучке и повадкам, дальневосточник по тридцатилетнему стажу плавания. Показывая нам свое обширное хозяйство, он на ходу поясняет:

— Вот купальный бассейн, вот особая каюта для беременных пассажирок, вот салоны, библиотека — хотите, книгу читайте, хотите, кино смотрите или концерты слушайте. Вот радиотелефон — звоните, пожалуйста, домой из океана.

А мы, слушая капитана, думаем: «Это справедливо, разумно, заслуженно, что именно дальневосточников, людей суровой жизни и тяжелого труда, возит самый крупный, самый комфортабельный в нашем флоте лайнер! Вот как дорог Родине Дальний Восток и его люди!»

Как задушевно, как по-русски звучат ленинские слова: «...Владивосток далеко, но, ведь, это город-то нашенский»!..

Да, за тридевять земель отсюда лежала Москва в ноябре 1922 года, когда Владимир Ильич приветствовал окончание граждан-

Супутинский заповедник Дальневосточного филиала Академии наук СССР в Уссурийской тайге. Научные сотрудники и студенты-практиканты, работающие на плантации женьшеня, готовят обед на костре.

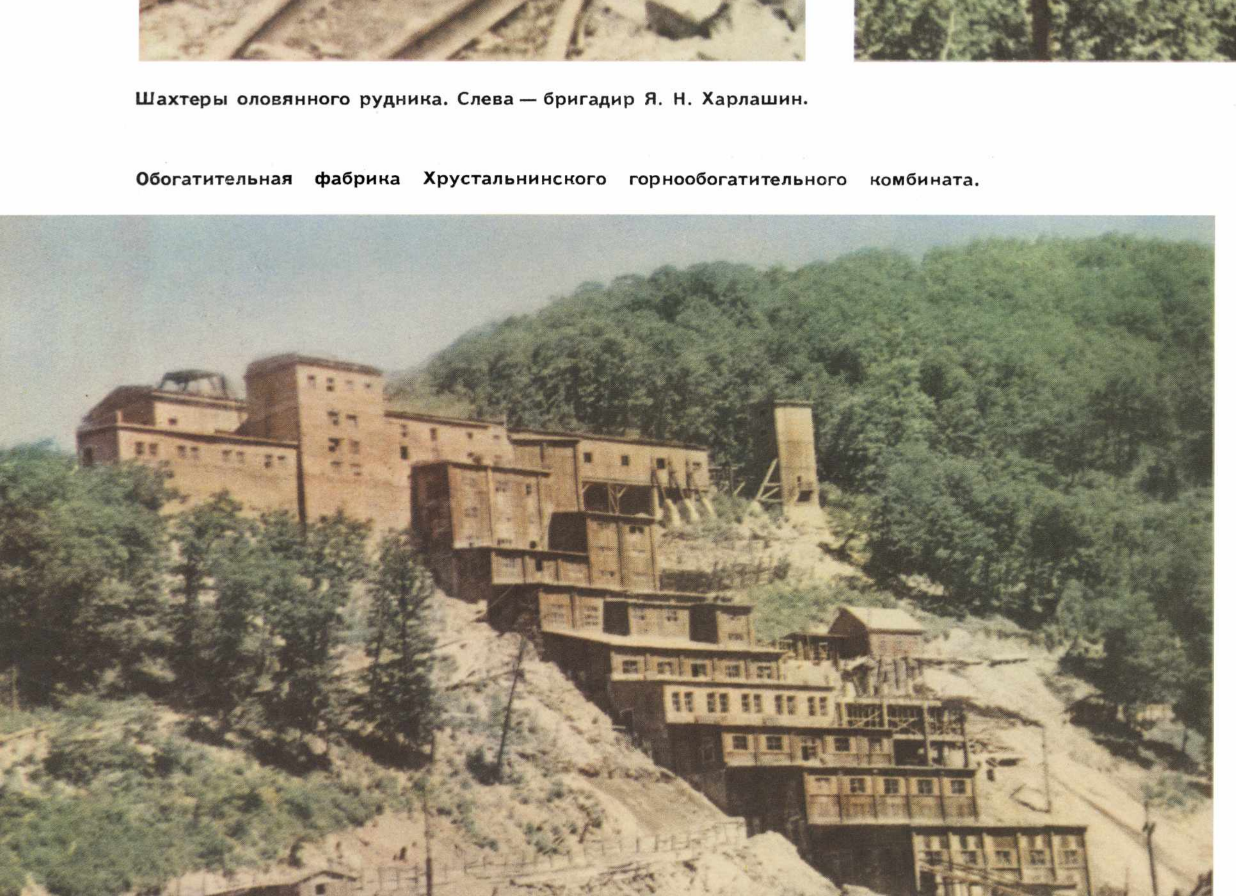
Фото О. КНОРРИНГА.

Шахтеры оловянного рудника. Слева — бригадир Я. Н. Харлашин.

В горах Сихотэ-Алиня.

Обогатительная фабрика Хрустальнинского горнообогатительного комбината.

Автомобильная дорога через тайгу.

Служба солнца
Дальневосточного филиала Академии наук СССР. →

На берегу Амурского залива. В курортной зоне близ Владивостока.

Амур перед грозой.

ской войны на Дальнем Востоке и воссоединение его с Российской Социалистической Советской Федерацией. А нынче, в 1958-м, рейсовый самолет доставляет москвичей к Тихому океану всего за полсуток, в стремительном движении навстречу солнцу, «обгоняя время» на семь часов.

Утром, когда мы встречали прибывший с Камчатки лайнер, из радиорупоров звучал полночный бой кремлевских курантов. Внезапно задуло с моря, разошлись облака, и после нудно моросившего дождя особенно ярко засветило нам высокое и горячее солнце сороковых широт.

В самом деле, ведь мы сейчас примерно на параллели Сухуми! Но как переплетаются тут приметы севера и юга! В один и тот же день можно загорать на пляже, как в Крыму, и ежиться от пронизывающей сырости, как в Заполярье. Точно в Севастополе, море круто врезается в каменистую сушу множеством бухт, и, словно в Мурманске, городские кварталы сбегают террасами по склонам сопок. Мачты и портовые краны видны с главной улицы, совсем как в Архангельске. И, будто в Батуми, порой льет как из ведра. В уличной толпе услышишь и окающий говор волгарей, и степенную речь сибиряков, и забавный жаргон одесситов. Но таблички на перекрестках улиц уточняют: «Китайская», «Пекинская», «Тигровая», «Океанский проспект»...

Знакомясь с памятными местами, как бы читаешь недолгую по времени, но богатую событиями летопись города. С холма Морского кладбища, от братских могил матросов «Варяга» и красноармейцев Особой Дальневосточной четко, как на аэроснимке, вырисовываются извивы полуострова, на котором расположен Владивосток, очертания острова Русского — «Тихоокеанского Кронштадта». Тут не только географическое сходство, но и родство историческое. С Балтики вслед за гончаровским фрегатом «Паллада» пришел сюда отряд кораблей, и русские гидрографы впервые дали европейцам точные сведения о восточном побережье Азии. В 1860 году по Пекинскому договору с Китаем расширились дальневосточные владения России, и пост, основанный моряками транспорта «Маньчжур», принял имя Владивосток.

На благодатной земле Приморья завершился двухвековой путь русских Колумбов к Тихому океану — путь, начатый Москвитиным, продолженный Дежневым, Хабаровым, Невельским.

Имена первооткрывателей, запечатленные на картах, звучат теперь как синонимы городских кварталов. Нередко можно услышать:

— Живу на Эгершельде, работаю на Чуркине.

Близ полуострова, описанного капитаном Эгершельдом, за причалами торгового порта высятся дома моряков. Плавучие заводы — краболовы, рефрижераторы, старейшая в СССР китобойная флотилия «Алеут» швартуются у холодильника, в рыбном порту, расположенном на мысе, который нанес на карту штурман Чуркин.

По обилию садов, окружающих приземистые одноэтажные домики на мысе Чуркина, место это напоминает пригород. Но полоса асфальта, связывающая его с центром, предвещает: скоро и здесь будут строиться большие каменные здания, такие же точно, как и те, что вырастают сейчас в низине, за бухтой, рядом со стадионом. Недавно еще звали это место Гнилым Углом, а теперь тут новая Спортивная улица. На сопку Голубинку начинают строить фуникулер. Когда-то, во время оно, почтовое ведомство держало там голубиную станцию. Сегодня на еще более высокой сопке — Орлиной — поднимается мачта телевизионного центра.

Вот уже четвертый год весь город в строительных лесах.

И жизнь в городе — это отмечают все — за последние три года серьезно изменилась. Гораздо больше стало продуктов и товаров в продаже. В магазинах и на рынках много картофеля и свежих овощей. Их поставляют горожанам колхозы и совхозы Южного Приморья. Вовсе не редкость на прилавках и яблоки и ягоды.

На улицах рядом с полосатой тельняшкой моряка встречаешь и запыленную спецовку строителя и распахнутую на груди клетчатую рубашку студента. Во Владивосток едут работать и учиться парни и девушки не только со всего Приморья, не только из Хабаровского края и Амурской области. На заводах и стройках, в аудиториях Дальневосточного университета, Политехнического института, Дальрыбвтуза, Высшего инженерного морского училища, мединститута и многочисленных техникумов немало молодых читинцев, магаданцев, иркутян, красноярцев.

Молод, строго говоря, и сам «город нашенский». Рядом с трехвековым Охотском и двухвековым Петропавловском-Камчатским Владивосток, не справивший еще и столетнего юбилея, выглядит младшим братом. Но, рано возмужав, он стал отцом для соседней Находки — большого торгового порта, выросшего в послевоенные годы, принимающего теперь корабли из Китая, Японии, Индонезии, Канады, Аргентины...

Стоит проехать с полчаса по шоссе на Хабаровск, и лесистый хребет Богатая Грива надежно защитит вас от надоевшей во Владивостоке дождливой мороси. С яркой до боли в глазах небесной синевы на буйную земную зелень почти отвесно падают обжигающие лучи. Стеклянно-спокойна теплая, как парное молоко, морская вода Амурского залива. Бархатисто-ласков песок на пляже.

Недаром зовется «Садгородом» большой санаторий. В тени ветвистых дубов и кленов, под серебристыми елями прячутся простенькие, но очень уютные домики. Куда наряднее, шикарнее их белокаменная здравница «Океанская»! И тут и там отдыхают, купаются, загорают, лечатся целебными грязями.

Среди курортников мы встретили не только жителей Приморья, но и металлургов из Комсомольска, железнодорожников из Свободного, шахтера из Кузбасса, девушку-агронома с кустанайских целинных земель...

И нас очаровал солнечный уголок на самой таежной опушке, на границе Тихого океана с «морем лесов», как называл В. К. Арсеньев Уссурийский край.

Потянуло окунуться в его зеленую пучину, побродить арсеньевскими тропами.

Тропами Арсеньева

Давно нет в живых рыцаря науки и художника слова, человека, которому, как сказал Горький, «удалось объединить в себе Брэма и Фенимора Купера». Но попрежнему зовут к странствиям его книги, его пионерные маршруты на старых, поблекших картах.

Одним из таких маршрутов едем мы из Владивостока. Радует глаз яркий луговой ковер, расцвеченный пунцовыми маками, алыми огоньками, лиловыми ирисами, манят вдаль зеленые холмы на горизонте.

Деревья, перевитые лианами, плотной стеной подступают к дороге, и прогретая солнцем чаща обжигает горячим дыханием, дурманит пряными ароматами. У мостика через ручеек надпись: «Ключ Медвежий». Но за поворотом слышен не медвежий рев, а пыхтение моторов. Два массивных катка утрамбовывают дорогу, и мягкий черный гудрон пышет, пожалуй, жарче, чем таежные дебри.

Дорога петляет по лесистому склону над крутым обрывом. Внизу пенится по камням бурная Даубихэ. На галечных отмелях громоздятся толстенные, в три обхвата стволы кедров. Отсюда к слиянию Даубихэ с Улахэ лес сплавляют молем, чтобы оттуда везти в плотах вниз по Уссури.

Дальше сверяться со старой картой бесполезно. Шоссе, вновь спускающееся на равнину, переходит в улицы города Арсеньева. Нарядно белеют каменные двухэтажные дома, новый Дворец культуры. Спасительной прохладой веет от молодого парка на берегу просторного водоема.

За городом Арсеньевом, за Варфоломеевкой, тупиковой станцией железной дороги, на шоссе, уходящем в горы, в тайгу, мы часто обгоняем автопоезда — грузовики с прицепами.

Наш спутник, хлопотливый и непоседливый директор «Приморголовотранса» Виктор Иванович Манасов, нередко останавливает шоферов и записывает что-то в свой карманный блокнот. Но когда мы просим затормозить у одного из редких придорожных домиков, чтобы утолить жажду, Манасов отмахивается:

— На жаре пить вредно. Потерпите маленько!

Лишь свернув с магистрали на проселок, он останавливает машину у одинокой избушки с лаконичной надписью на дверях: «Нарзан — с обратной стороны». Да, самый настоящий нарзан ледяной струей бьет из чугунной трубы, опущенной в глубокую артезианскую скважину.

— То-то,— торжествующе подмигивает Виктор Иванович, — будет здесь со временем наш дальневосточный Кисловодск.

После крутого подъема въезжаем на перевал Сихотэ-Алинь, так описанный Арсеньевым:

«Самый перевал представляет собой широкую седловину, заболоченную и покрытую выгоревшим лесом... Его следовало бы назвать именем М. Венюкова. Он прошел здесь в 1857 году, а следом за ним, как по проторенной дорожке, пошли и другие. Вечная память и вечная слава первому исследователю Уссурийского края!

На самом перевале около тропы... стоит небольшая кумирня... С другой стороны лежало несколько листочков табака и два куска сахара. Это жертва богу лесов. На соседнем дереве была повешена красная тряпица с надписью: ...«Господину истинному духу гор (тигру)».

В наши дни это место декорировано более современно, но не менее забавно. На дорожном знаке «Перевал Сихотэ-Алинь» лихо намалеван серпантин, вьющийся над обрывами. Путник,

В горах Сихотэ-Алиня. Новый стадион близ рудника Хрустальный.

только что любовавшийся отличной дорогой, теперь от души смеется над такой назойливой документацией природных красот.

Позади горный водораздел, на котором рождаются реки. Вместо Фудзина, текущего в бассейн Амура, вдоль шоссе журчит Тадушу, впадающая в Тихий океан. Кавалерово в долине Тадушу — таежная столица горняков и автодорожников. По улицам мчат автобусы, а во дворе ребятишки играют с черным, белогрудым медвежонком. Высоко над крышами и телеграфными столбами поднимается Ян-тун-лаза — «скала в виде печной трубы», описанная Арсеньевым. Но о самом Кавалерове мы не находим у Владимира Клавдиевича ни строчки. Он проходил здесь в 1906 году, а первые поселенцы — георгиевские кавалеры, ветераны русско-японской войны, — появились в долине Тадушу лишь спустя два года. Живых свидетелей того времени мы не нашли, но узнали много интересного из районной газеты «Авангард». Полувековой юбилей поселка кавалеровцы справляли в конце июля, приурочив дату к столетию со дня посещения долины Тадушу Михаилом Ивановичем Венюковым — первооткрывателем Сихотэ-Алиня.

Трагично сложилась судьба этого выдающегося географа, общественного деятеля и публициста. Сотрудник герценовского «Колокола», ставший политическим эмигрантом, он умер в нищете в одной из парижских больниц. «Нет силы, которая могла бы исключить меня из числа преданных сынов русской земли», — писал Венюков, и в изгнании оставаясь патриотом.

Сколь радостно, что имя его памятно и дорого советским людям!

Газета «Авангард» не единственный печатный орган в Кавалерове. Хрустальнинский горно-обогатительный комбинат издает здесь ежемесячник «Новатор». Да, да, технический журнал! Еще во Владивостоке, в Приморском совнархозе, знакомясь с ним, мы узнали, что кавалеровские горняки дают самую дешевую в нашей стране оловянную руду, что за последние четыре года добыча ее возросла втрое, а количество рабочих, занятых на добыче, заметно сократилось.

Еще во Владивостоке стали нам известны имена кавалеровских мастеров скоростной проходки: Дмитрия Уваровича Морозова, Якова Никифоровича Бескончина. А приехав в Кавалерово, мы встретили в Хрустальнинском комбинате горняков из Тетюхе.

— У младшего брата учиться не зазорно, — сказали нам тетюхинцы. — Хрустальнинский комбинат хоть и вчетверо моложе нашего, но славится образцовой организацией труда.

На рудник Центральный мы приехали в ночную смену. В распадке меж гор было очень тихо, очень темно, и россыпь электрических огней на крутом склоне, упирающемся в черный небосвод, сливалась с близкими звездами. В штольне, просторной, как тоннель метро, нас ослепили зеленые вспышки разрядов на троллейных проводах, оглушил грохот вагонеток с рудой, бегущих по рельсам.

Шагая вместе с нами к забою с добрый километр, молодой инженер А. М. Ландарь рассказывал:

— Штольня пройдена за семь месяцев вместо полутора лет. Вот они, скоростные методы!

Недавний солдат, Ландарь, отслужив в Приморье действительную, поехал учиться в Кривой Рог и снова, уже с дипломом, вернулся в полюбившиеся края.

— Оседает тут народ, — говорил он, — заработки богатые, места привольные... Вот мы сейчас в подземном цеху, а там, над головами нашими, лес шумит...

Я невольно представил себе рядом с нами в штольне таежного следопыта, спутника Арсеньева Дерсу Узала. Он, наверное, посчитал бы божеством погрузочную машину, которая так смачно чавкает стальными челюстями. Точно голова сказочного зверя, опускается зубчатый ковш, загребая породу...

Путешествие наше по бесконечному лабиринту горных выработок продолжалось не один час и закончилось только к рассвету на противоположном склоне хребта. Под землей пересекли мы Сихотэ-Алинь, новой трассой, неведомой ни Арсеньеву, ни Дерсу!

После промозглой сырости шахты утренний воздух тайги воспринимается, как теплая бодрящая ванна. И снова любуемся зеленым разливом хребта, расплескавшегося гигантскими волнами сопок. Как дополняют пейзаж крутые изломы подвесной дороги, то сбегающей в распадки, то устремляющейся ввысь! По стальным воздушным путям ползут вагонетки к обогатительной фабрике, расположенной террасами по горному склону.

Там, в дробилках, мельницах и грохотах, в магнитных сепараторах и флотационных машинах, громоздкие каменные глыбы превратятся в мельчайшую серую муку — богатый оловом концентрат. А отходы — «хвосты» — образуют в низине озеро, мрачное и по цвету и по названию — «хвостохранилище». Немало драгоценного олова будет дополнительно извлечено оттуда со временем, когда техника обогащения усовершенствуется.

Можно еще долго рассказывать о кавалеровских горняках, восхищаться благоустройством рудничных поселков, перечислять новые и новые школы, клубы, стадионы. Но я ограничусь лишь упоминанием одного странно звучащего названия: Лудье. Слово это встречается у Арсеньева. Описанная им Лудевая фанза стояла в тайге близ изгороди, окруженной ямами. Такой нехитрой ловушкой звероловы промышляли оленей. Теперь Лудье — крупный поселок при обогатительной фабрике.

Нет, как, в сущности, мало знаем мы о современном Приморье! Из края «нехоженых троп» оно превращается в обжитый экономический район, в сложный индустриальный комплекс.

Недаром геологи зовут Приморский край «Уралом в миниатюре». Год от году новые и новые разведки умножают эту кладовую богатств. И год от году с возникновением новых промышленных очагов все более разносторонним становится народное хозяйство Приморья.

И нам вспомнилась недавняя беседа во Владивостоке. Вот что рассказывал заместитель председателя совнархоза Павел Иванович Галченко, инженер-горняк, ветеран освоения края:

— Добыча цветных металлов развивается не только в горах Сихотэ-Алиня, но и на степной равнине, простирающейся отсюда на запад, в сторону озера Ханка. Молодой Ярославский комбинат, строящийся в Хорольском районе, наряду с оловянной рудой скоро будет давать и другое рудное сырье.

Патриоты Советского Приморья — современные землепроходцы и неутомимые разведчики недр — проникают своим пытливым взором все дальше в глубь уссурийских дебрей, столь поэтически воспетых Арсеньевым. Десятки новых месторождений полезных ископаемых обнаружили в последние годы в верховьях Имана и Бикина — притоков Уссури. Там над непроходимой тайгой реют самолеты и вертолеты, а вдоль охотничьих арсеньевских троп прорублены сквозь чащобу просеки, прокладываются автозимники — пионерные трассы для автомобилей. Пройдет год — другой, и эти временные дороги превратятся в благоустроенные шоссе, не уступающие тому, по которому мы так быстро доехали до Кавалерова из Владивостока.

Любуясь сбегающими с гор массивными опорами рудничной канатной дороги, мы невольно вспоминали широкие просеки вдоль шоссе, которые часто попадались нам на пути сюда. Сегодня эти просеки еще пустынны, а завтра по ним протянутся стальные шеренги мачт высоковольтной электропередачи. Сегодня горнорудные предприятия Приморья и рабочие поселки питаются энергией небольших местных электростанций. А завтра сюда помчится по проводам ток высокого напряжения от мощных тепловых ГРЭС Сучана и Артема, работающих на угле. Единая энергосистема Приморья, которая создается сейчас, более чем в два раза удешевит снабжение энергией предприятий цветной металлургии.

Большое развитие получает и угольная промышленность края. В помощь шахтам Сучана и Артема — двух старейших кочегарок Дальнего Востока — будут сооружены угольные разрезы Назаровский и Липовецкий. Там добыча будет вестись открытым способом. Много, очень много угля — этого «хлеба промышленности» — потребует мощная, сегодня уже проектируемая электростанция на севере Приморского края, станция, призванная обеспечить электрификацию Дальневосточной железной дороги.

Быстрыми темпами развивается в крае и промышленность стройматериалов. Новыми цехами, современным оборудованием пополняется завод Спасска-Дальнего, снабжающий цементом весь Дальний Восток.

Обо всем этом — о близком и реальном завтрашнем дне огромного края — в дни подготовки к XXI съезду партии думают и в Москве, и во Владивостоке, и на рудниках, и на стройках, и в экспедициях, работающих в горах и тайге. Сотни тысяч людей — рабочие, инженеры, экономисты, ученые — отдают свою энергию и инициативу освоению богатств края, преображают вчера еще пустынную землю, нашенскую землю, обильно политую потом и кровью отцов и дедов.

Как и весь наш народ, дальневосточники уверены, что в величественной программе построения коммунизма на шестой части мира их чудесный край займет достойное место.

Новые хозяева тайги

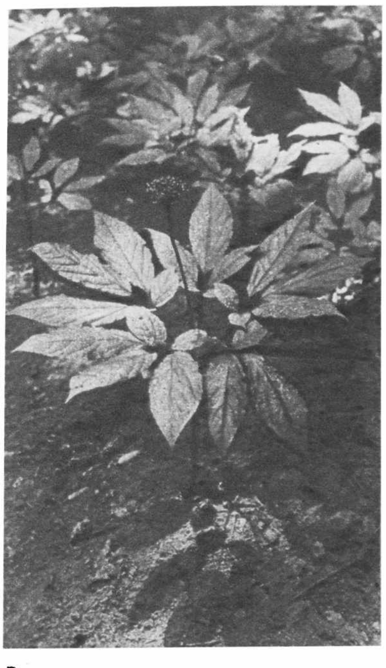
— Двести восемьдесят наблюдений в году! Вы понимаете, что это значит? — сказал заведующий службой солнца Валерий Гаврилович Банин, показывая нам трубу, нацеленную на ослепительный диск в безоблачном небосводе.

— Солнышко движется, а мы за ним, — продолжал молодой астроном, объясняя устройство уникального телескопа, фотографирующего свечение водорода в солнечной атмосфере. — Все, что происходит там, фиксируется тут на кинопленке.

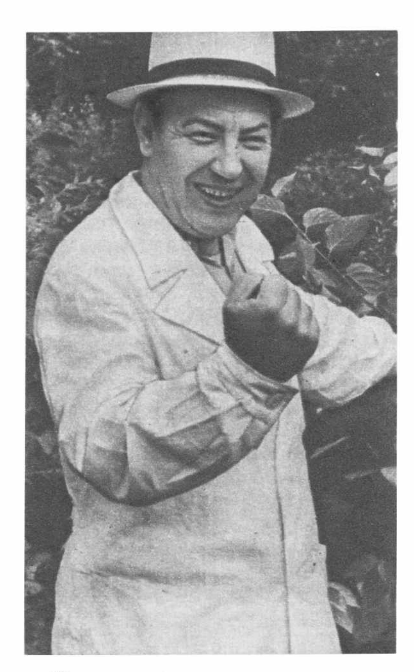
Не случайно для наблюдений по программе Международного геофизического года избрана именно эта невысокая сопка неподалеку от Уссурийска. Когда на Дальнем Востоке уже утро, по гринвичскому времени еще только полночь, и европейским астрономам солнца не видно. Кроме того, по обилию безоблачных дней редкое место сравнится с северными склонами Дадяньшаня — отрога Сихотэ-Алиня.

Щедрость солнца воплощена и в богатстве растительности, таежной и субтропической. Не случайно именно здесь много лет работал выдающийся советский ботаник В. Л. Комаров, чье имя носят теперь Дальневосточный филиал Академии наук СССР и его Горнотаежная станция.

Залюбуешься золотистой мичуринской смородиной, столь нарядной в цветении, такой сочной, вкусной. Богато плодоносит и войлочная вишня. Ветви невысоких кустов ее с темно-зеленой ворси-

Эта неприметная с виду трава глубоко уходит в землю разветвленным корнем. Это женьшень — «корень жизни».

— Богатырское зелье растет у нас,— говорит кандидат сельскохозяйственных наук А. А. Титлянов.

стой листвой усеяны красными ягодами.

Горнотаежная станция стала родиной многих сортов клубники, малины, яблок, айвы, амурского винограда, сортов, которые возделываются теперь в колхозах и совхозах Дальнего Востока. Все это результат кропотливой работы большого коллектива ученых во главе с директором станции Т. П. Самойловым.

Супруги Самойловы, Тит Петрович и Таисия Васильевна, уроженцы Приморья, начавшие научную деятельность еще под руководством академика Комарова, особенно гордятся дендрарием.

В густой чаще, где с ветки на ветку прыгают крохотные пестрые бурундуки, встретишь и железную березу, из древесины которой — она тяжелее воды — делают ткацкие челноки, и амурский бархат, чья мягкая и упругая кора идет на изготовление пробок, и гибрид маньчжурского ореха с грецким.

Тут и любимые лакомства таежных медведей — черемуха Маака и корейский кедр с мохнатыми, похожими на метелки ветвями, на которых зреют огромные, с кулак шишки. Толстые и узловатые, как мускулистые руки, лианы обвивают стволы хвойных деревьев, образуя над темно-зелеными иглами причудливо-яркий лиственный шатер. Это актинидия и китайский лимонник, на первый взгляд очень похожие. Но зеленые крупные ягоды актинидии по вкусу напоминают инжир, а мелкие красные ягоды лимонника оставляют во рту странный привкус ароматной кислоты и горьковатой смолы.

— Только у нас в Приморье растут одревесневшие лианы — выходцы из далекой геологической эпохи, — говорит кандидат сельскохозяйственных наук Антонин Андреевич Титлянов.

Он может часами рассказывать и о замечательных свойствах этих растений как тонизирующих средств, и о том, куда рассылаются отсюда черенки, и о сотнях мичуринцев, с которыми станция поддерживает переписку. Большое будущее у этих реликтов! На Украине и в Грузии они нашли вторую родину.

В дендрарии растет и женьшень — «корень жизни», со времен глубокой древности применяемый для изготовления многих лекарств.

— Тут неинтересно, тут женьшень дикий, — заметил Т. П. Самойлов и посоветовал: — Поезжайте-ка лучше в Супутинский заповедник.

Еще километров тридцать в глубь тайги вдоль горной речки Супутинки. На прибрежном песке — отпечатки копыт пятнистого оленя и кабарги, а близ плантаций женьшеня на лесистом склоне директор заповедника К. Н. Константинович показал нам свежий след тигрицы.

— Значит, и впрямь спокойно у нас, если киса с котятами пожаловала.

Огромный кедр, недавно свалившийся от старости, наискось перегораживал склон. И сколько еще высилось вокруг таких богатырей-ветеранов! Под тенью их широких ветвей привычно чувствует себя женьшень, растение прихотливое, капризное.

— С такими питомцами намучаешься,— говорила научная сотрудница Зинаида Ивановна Гутникова, показывая крохотные, едва заметные растения.— Только нынешней весной дали всходы семена, посаженные два года назад. Известно, что иной раз уже взрослые, 8—10-летние корни женьшеня вдруг «засыпают» в земле, несколько лет не дают побегов. Сборщики дикого женьшеня запоминают такие места в тайге и терпеливо ждут, пока женьшень «проснется».

В культурных условиях женьшень растет и созревает быстрее, — продолжала Зинаида Ивановна ,— уже на 5—7-м году он образует товарные корни. Средний вес корней, выращенных в Супутинском заповеднике, достигает 40—60 граммов вместо 20 граммов у дикого женьшеня такого же возраста.

Семенами, которые получают здесь, снабжаются ботанические сады. Тысячи корней идут в лаборатории для исследований, в фармацевтическую промышленность и, конечно, на экспорт. Показателем качества, своеобразным «гостом» служит степень сходства корня с фигурой человека. Недаром старожилы тайги переводят слово «женьшень» как «корень-человек».

Дося Петрович Бильды, бригадир колхоза «Вперед».

У рыбаков Амура

Мы в рыболовецком колхозе «Вперед», Нанайского района, Хабаровского края.

Сутки езды от Уссурийска поездом, несколько часов на пароходе вниз по Амуру — от Хабаровска до села Троицкого,— и моторный баркас доставляет нас в деревню Дáда.

Географические сюрпризы подстерегают на каждом шагу. Когда от Троицкого мы начали подниматься вверх, знакомый фарватер исчез за лесистыми островами. Вместо желтой теплой воды, принесенной с верховьев великой реки, за бортом баркаса плещут прозрачные и прохладные струи. Оказывается, неподалеку отсюда устье Анюя, текущего с гор Сихотэ-Алиня. Впадает Анюй в Найхинскую протоку Амура — широченную, под стать Оке или Днепру.

Стоило ступить на берег в Дáде, и тотчас мы увидели любопытную сценку. Рядом с правлением колхоза стоит грузовик с «разутыми», освобожденными от шин колесами. В тени кузова дремлет мохнатый пес ростом с хорошего теленка.

— Зимний транспорт на приколе, — с улыбкой комментирует наш спутник, инструктор райкома партии Матвей Михайлович Гейкер.

Невысокий, смуглый и черноволосый, как все нанайцы, он очень похож на арсеньевского Дерсу Узала. Но ни в речи Гейкера, ни в костюме нет ничего экзотического. Одет Матвей Михайлович просто, по-городскому, говорит по-русски настолько правильно, что ему может позавидовать любой москвич. Кстати, москвичом-то он назвать себя вправе: воевал за Москву, был разведчиком в лыжном батальоне.

— Не удивляйтесь, — объясняет он, поглаживая заворчавшего было пса, — грунтовые дороги летом раскисают, и километра не проедешь на автомобиле. И собачки только зимой у нас работают — тянут нарты по снегу. А сейчас все наши дороги — вот они...

И Гейкер обернулся к отлогому берегу, где приткнулись огды — плоскодонные лодки из толстых досок.

Вскоре целая вереница огд потянулась на буксире за нашим баркасом по водным проселкам Амура. Из Найхинской протоки мы вошли в сливающийся с ней рукав, петляющий меж зеленых островов. Вплотную к воде подступает густой тальник — тенистые и сырые речные джунгли.

Ловля рыбы «гоном» более напоминает охоту, чем промысел. Побороздив протоки часа полтора, мы заплываем в залив, постепенно переходящий в болота. От Найхина тут километров двадцать. Когда глядишь на бесчисленные острова и речные джунгли, сомневаешься: да существует ли гденибудь поблизости еще что-либо, кроме этого девственно чистого, безмятежно тихого микромирка?..

Рыбаки перегораживают выход из залива капроновой сетью, заплывают на огдах к самому болотистому берегу и начинают грести, производя оглушительный шум: стучат веслами по бортам, хлопают по воде.

Но вот по знаку рослого, бронзово-смуглого бригадира Доси Петровича Бильды все стихает. Начинаем выбирать заметно по-

тяжелевшие сети. Серебром и золотом мокрой чешуи трепещут пойманные рыбы в переплетах капроновой нити. Некоторые рыбаки тут же, в лодке, на веслах, разделывают ножами сазанов: готовят талу — национальное лакомство нанайцев. Но бригадир решает попотчевать гостей в более торжественной обстановке — дома. И часа через два, сидя за столом в чистой светелке, мы уписывали эту самую талу за обе щеки. Нет на свете ничего вкуснее сырого сазана, приправленного зеленым луком, посыпанного перцем!

Не одна рыба в эти дни занимает колхозников. Артель «Вперед» занята стройкой, подготовкой к зиме. При ежегодной добыче двух — двух с половиной тысяч центнеров рыбы, при годовых доходах в семьсот — восемьсот тысяч рублей можно обзавестись и собственной пилорамой и новой электростанцией!

Когда к вечеру у крыльца школы собралась молодежь, мы узнали, что среди наших спутников по рыбалке немало студентов, приехавших сюда, домой, на каникулы. Тут и Сергей Оненко, и Петр Бильды из Николаевского педучилища, и будущий фельдшер Михаил Киле. Алла Оненко, студентка-медичка из Хабаровска, рассказывала про свою подружку-однокурсницу Лилю Бильды из соседнего села Найхина, про Лилиного брата Мишу, химика, поступившего в аспирантуру Ленинградского университета.

— Все они грамоте учились у меня! — с гордостью сказала учительница Анна Григорьевна Бильды. — У нас, в Да́де, на триста шестьдесят жителей шестнадцать студентов...

На реке дружбы

В нашем путешествии с востока на запад, вослед солнцу, уже давно остался позади Тихий океан. Но и в Хабаровске ощутимо влажное дыхание муссонов. Из кабинета З. Г. Захватова, начальника Амурского пароходства, видны мокрая листва городского парка, пелена реки, затянутая сеткой дождя. Из-за дождя и укрылись мы в доме, продолжая беседу, начатую в речном порту.

— Превосходный порт, — сказал Ван Чжэнь-шань, представитель Хэйлунцзянского пароходства. — К этим причалам подходят и китайские караваны с Сунгари. Наши суда с цементом из Цзямусы выгружаются всегда досрочно. Стараемся и мы хорошо принимать в Харбине советские суда с сахалинской нефтью. Бассейн Хэйлунцзяна — важный транспортный узел наших двух стран.

Хэйлунцзяном — рекой Черного Дракона — называют китайцы Амур.

В кабинете Захватова мы долго путешествовали по голубым линиям на карте.

Товарищ Ван говорил:

— Председатель Мао Цзэ-дун поставил задачу разгрузить железные дороги, максимально использовать речной транспорт. В северо-восточных районах республики наряду с промышленным строительством идет освоение новых земель. Крестьяне переуплотненной Шаньдунской провинции начали переселяться на плодородные, ранее пустовавшие земли Хэйлунцзяна. Скоро там будут снимать богатые урожаи сои, и речные перевозки значительно возрастут.

Еще недавно новые грузовые теплоходы, нефтеналивные баржи, рефрижераторы встречались мне только в ваших журналах. Теперь я часто вижу их на Хэйлунцзяне и Сунгари. Строим новые суда и мы по советским проектам и чертежам.

— Скоро догоните нас, — поддержал Захватов. — Ваш «Цяньшань» — первоклассный буксировщик!

— Правильно, — согласился Ван, — наш «Цяньшань» — близнец вашего «Донбасса». Харбинский завод спустил недавно со стапелей еще два пассажирских судна.

— Общими усилиями мы улучшаем условия плавания, — сказал Захватов. — Был на Амуре такой перекат — «Союзный». Не одну зиму трудились китайские и наши путейцы, уничтожая эту преграду. Подводная плита убрана со дна реки...

— Теперь этот участок пути зовется «Каналом дружбы», — с улыбкой добавил Ван Чжэнь-шань.

— Все это вы увидите, когда поплывете по реке. Кстати, нам пора торопиться, — заключил Захватов, кивая в сторону окна.

Дождь, начавшийся в Хабаровске, как бы продолжал ураганные ливни, пронесшиеся по верховьям Амура и северным его притокам. Тревожные вести поступали оттуда. В тот же вечер вместе с начальником пароходства мы выехали в Благовещенск.

Мы прошли по Амуру почти полторы тысячи километров. Видели его и с палубы катера, плывшего то залитой луговой поймой, то в горных теснинах Малого Хингана, и с борта вертолета, когда высотомер показывал 100 метров, а в уровень с окном кабины тянулись отвесные медно-красные скалы. Нам встречались в пути и дома, снесенные паводком, и джонки под парусами из циновок, точно сошедшие со старинных гравюр, и пароходы с задними колесами, — ну, точь-в-точь «Севрюга» из фильма «Волга-Волга», и белоснежные двухпалубные речные экспрессы, и новейшие грузовые теплоходы типа «Большая Волга».

Нам светили огни рейда Ленинского, близ устья Сунгари, где встречаются караваны под красными флагами СССР и КНР. Мы любовались конвейером механизмов в угольном порту Поярково. В палатке геологов слушали рассказы о новых кладах приамурских земель. А вдали, на китайском берегу, над равниной стлался дым костров, белели палатки переселенцев, осваивающих целину Хэйлунцзяна.

Не в обиду будь сказано волгарям: бледнеют Жигули рядом с амурскими пейзажами, не уступит Жигулевскому «морю» амурское половодье. Но, вспоминая оживленную Волгу, мы поражались малолюдности великой дальневосточной реки. Редко встречаются караваны. Далеки друг от друга населенные пункты. Мало еще используется Амур как транспортная магистраль, а величайшее его богатство — изобилие воды — не только пропадает впустую, но и приносит неисчислимые бедствия.

После беседы в Хабаровске мы готовились к еще более интересной встрече в Благовещенске. Туда приехали в эти дни участники комплексных экспедиций Академии наук СССР и Академии наук КНР. Вот уже третий год они совместно изучают проблемы Амура.

...У полузатопленной Благовещенской пристани стоял пароход «Сергей Лазо», готовясь отойти экспедиционным рейсом в низовье.

— Здравствуйте. Присаживайтесь, пожалуйста.

Рослый и грузный, с густой проседью в волосах Фэн Чжунь-юнь, заместитель министра водного хозяйства и электроэнергетики КНР, свободно говорит по-русски. Вместе с ним в салоне парохода начальник Амурской экспедиции Академии наук СССР профессор С. В. Клопов.

— В наших преданиях Черный Дракон олицетворяет не только силу, он служит и символом счастья. Ход истории подтверждает народную мудрость. — Улыбнувшись, товарищ Фэн показал на берег, где из-под воды проглядывали развалины железобетонного дота. — Так оборонялся советский берег многие годы, пока японцы оккупировали Маньчжурию. Но и тогда Амур не был для китайцев рубежом двух враждебных миров. Мои товарищи, маньчжурские партизаны, да и сам я не раз переправлялись через него, находя кров и защиту на советском берегу. А сегодня пограничная река не разъединяет, а объединяет наши народы.

Начальник Хэйлунцзянской комплексной экспедиции повернулся к советскому коллеге:

— Интересные у нас с вами цифры, Сергей Васильевич, а?

И Клопов назвал цифры, способные ошеломить любого собеседника:

— Подсчитано, что со временем в бассейне Амура может быть сооружено свыше семидесяти гидростанций общей мощностью порядка двадцати миллионов киловатт! Вы спросите, найдутся ли потребители для такого огромного количества энергии. Найдутся!

— Да, — подтвердил Фэн, — уже сегодня на северо-востоке Китая действуют станции общей мощностью в миллион семьсот тысяч киловатт, а в ближайшей пятилетке в связи с усиленной индустриализацией наша потребность в энергии возрастет в пять-шесть раз. Уже сегодня наряду с работающей на Сунгари Фынманьской гидростанцией, немногим уступающей Днепрогэсу, начинает строиться еще одна, более мощная станция — на Второй Сунгари... В реальности наших планов убеждает жизнь. Знаете, сколько земли перекопали китайские труженики только в нынешнем году, сооружая новую ирригационную сеть?.. Тридцать пять миллиардов кубометров! Сразу вдвое увеличились орошаемые площади в республике... А если говорить о технике, то кто в мире может сравниться с Советским Союзом по опыту гидростроительства!..

— Вы видели Сухотино, Малый Хинган? — обратился к нам Клопов. — Не правда ли, самой природой там созданы наилучшие условия для будущих плотин? Подобных гористых берегов немало и в верховьях Амура, и на Шилке, и на Аргуни, и на Зее...

— Не будем забывать и о каналах, — снова заговорил Фэн. — Сейчас мы отправляемся на север, в низовья, где советские гидротехники ищут для Амура новый выход в море, минуя мелководный лиман. А на юге, в Китае, в эти дни уже строится канал, который соединит верховья рек Сунгари и Ляохэ, оросит огромные площади, станет удобным и дешевым водным путем между бассейном Амура и Желтым морем.

— Возможен еще и новый водный путь во Владивосток, — добавил Клопов и рассказал о проекте канала, который через Уссури, озеро Ханка, реки Лефу и Суйфун может соединить Амур с Амурским заливом.

Уже стемнело, когда мы покидали пароход. Над черной водой разлива светили далекие огни на дамбах, ограждающих Благовещенск и Хэйхэ.

— Много таких огней зажжется скоро в тайге и горах, на амурских стройках, — произнес Клопов, глядя вдаль.

— Да, миллионы, — согласился Фэн Чжунь-юнь и вновь вспомнил о наводнении, которое уже шло на убыль. — Страшен в гневе своем Хэйлунцзян! Но и люди поразному ведут себя в дни невзгод. У слабых мутится разум, иссякает воля. Сильные, наоборот, крепнут духом, умудряются опытом. Наши два народа очень сильны. Они сумеют обезвредить не только Черного Дракона, но и других драконов, опасных для человечества...

Провожая глазами уплывавший вдаль пароход, мы стояли на пристани рядом с развалинами дота. Вот и кончился наш маршрут по дальневосточным землям с востока на запад, вослед солнцу, от Амурского залива к верхнему течению Амура.

Изумительно богаты, обильны дарами природы эти земли. Замечательна их историческая судьба. Сколь зримо, ощутимо с этих берегов счастливое завтра!

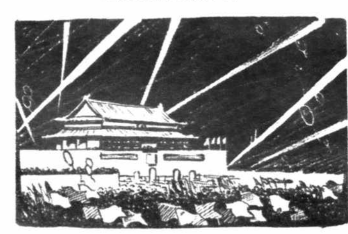
Заместитель министра водного хозяйства и электроэнергетики Китайской Народной Республики тов. Фэн Чжунь-юнь (справа) и профессор С. В. Клопов на борту парохода «Сергей Лазо».

Восток зарей пылает

Стихи о Китае

Максим ТАНК

ВАНЬСУЙ!

Казалось, больше нечего прибавить,
Какие там красоты ни рисуй,
К тому, что было днем,— к волшебной яви
Народных шествий в красочной оправе,
К двумстам орудий, что, отчизну славя,
Гремели с демонстрантами:
— Ваньсуй! [1].
Ваньсуй свободе,
миру,
дружбе нашей!
Улыбки и цветы со всех сторон.
Ваньсуй!
И площадь становилась краше
От зарева развернутых знамен.

Но вслед за днем и ночь пришла такая,
Что каждому запомнилась навек!
Весь небосвод от края и до края,
Как молния, прожектор пересек.
Застыл.
И сразу
взрывом
фейерверк
Неудержимо устремился вверх.
Как будто извержение вулкана!
Сверкающие россыпи ракет,
Мильон созвездий новых и планет.
Одни цветут, как яркие тюльпаны,
Другие — пчелок золотистых рой,—
Снижаясь, долго вьются над землей.
А третьи, как медузы в океане,
В зените плавают... Стоцветное сиянье
От них исходит, льется яркий свет.
Вселенная танцует и смеется.
Гремят литавры гулких площадей.
От песен,
смеха,
грома батарей
Земное сердце учащенно бьется.

И с каждым залпом ширится размах
Феéрии на улицах бессонных.
Скопление светил, в ночи рожденных,
Качается на огненных лучах
Прожекторов, как на сквозных колоннах.
Ваньсуй!
И так до раннего восхода
Висит во тьме неугасимый мост
Из радуг, и комет, и пестрых звезд.
И все поет
хвалу тебе,
свобода!

ЦИ БАЙ-ШИ

Могила Ци Бай-ши из Сянь-Таня.
Надпись на плите.

Не плачьте над могильною плитой,
Как эти вербы, что грустят в тиши.
Вы думаете, тут закончил свой
Житейский путь великий Ци Бай-ши?

И я так думал, алых роз венок
На этот вечный принеся порог,
Где мрак таинственный у ног
Прилег.

Но вслушайтесь — возникнет перезвон
Тех птиц, что нам на радость создал он,
И шорох туй, что устремились ввысь,
И лепет крон, что ветками сплелись.
Цветы, что он принес отчизне в дар,
Пылают нежно, как зари пожар.

Живет он в соловьиных голосах,
Он в лотосе цветущем, в плеске вод,
В сиянье снеговых вершин, в лесах,
В сердцах мильонов земляков живет.
И знай, когда глядишь на белый свет,
На скалы, на вишневый вешний цвет,
Ты видишь кисти вдохновенной
След.

ПЛАТОК

Девушка из рода мяо платок вышивала,
Вскинув тонкую иголку, нитки подбирала,
Нитки яркие, как солнце утреннею ранью,
Синие, как полог неба над землей Юньнани.
Нитки звонкие, как звуки тэна или гонга,
Серебристые, как волны бурного Меконга.

Пестрый вышила орнамент, нитку откусила
И как гостю мне платочек этот подарила.
Ах, как жаль, что, возвратившись
в Беларусь родную,
Показать подарок милый людям не могу я,
Оттого что не из ниток был подарок этот,
А из танцев, песен мяо,
трепета браслетов.
Но глаза прикрывши, вижу
день, что свеж и ярок,
Девушку из рода мяо
и ее подарок.

ЛАЯН

Десять династий тебя угнетало.
Ты это помнишь, Лаян?
Множество страждущих тут голодало.
Ты это видел, Лаян?
Грустную песню Лахэ колыхала.
Ты это слышал, Лаян?
Было все это и не воротится, к счастью,
Потому что владычество алчных династий
Сокрушил настоящий владыка — народ.

Ныне первое тысячелетье идет
Нашей власти. И даже великий поэт
Не опишет, каким через тысячу лет
Будет мир, коль сумел превратиться Китай
Лишь за несколько лет в расцветающий
край.

...Месяц джонкой полночной над ивами
плыл,
Я с друзьями всю ночь по Лаяну бродил.
Бо Цзюй-и мне читали. Я Купалу читал,
Запах листьев осенних с наслажденьем
вдыхал.
Эта полночь звучала, словно песня без слов.
Уезжать было тяжко от Лахэ берегов.

Жаль, что краток наш век — мало жизни
моей,
Чтобы песни услышать всех рек и морей,
Чтоб проехать по всем незнакомым краям,
Чтобы руки пожать всем на свете друзьям.

ЗАСТОЛЬНАЯ БЕСЕДА

Чай, арахис, бананы... Дарами земли
Этот стол, перед фанзой накрытый, пропах.
Мы беседу о шерсти, о рисе вели,
О пшенице и прочих насущных вещах.

— Говорить я не мастер,— сказал
Чен Фын-шань,—
Я батрачил, всю чашу страданий испив.
А теперь на меня, на семью мою глянь
И увидишь, как вырос кооператив.

Гость, прости за нескладные речи меня:
Рису много имеем, везем на базар.
Одеяло у каждого есть, простыня,
И белья, как положено, несколько пар.

Вашу дружбу прибавь, о могучий мой брат,
Наши планы и жизни грядущей зарю.
Как никто на земле, я сегодня богат!..
Жаль, что так неуклюже с тобой говорю...

ЗАСУХА В ПРОВИНЦИИ ХЭНАНЬ

Четвертый месяц над Хэнанем
Живительных не слышно гроз.
Ни вечером, ни утром ранним
Земля не пьет студеных рос.

Пройдет машина по проселку —
И потемнеет небосвод.
Пережидать придется долго,
Покуда пыль не опадет.

Сквозь желтый сумрак не пробьется
Расплавленного солнца диск.
И вóрота привычный визг
Давно не слышен у колодца.

Томятся рощи, нивы, горы,
И даже птичий гомон стих.
Земля уж не земля, а порох,
Что может вспыхнуть каждый миг.

Но с песнею по бездорожью,
Вздымая стяги над собой,
Идут отряды молодежи,
Ведущей с засухою бой.

На их плечах — кувшины, жбаны,
Меха, канистры, черпаки.
Уже в полях бурлит нежданно
Вода, что взята из реки.

Так от рассвета до заката,
Пока не меркнет неба край,
Они, как бы сойдя с плаката,
Отстаивают урожай.

Хэнань, ручьи бурлят, ликуя!
О, сколько вложено тобой
Любви народной в гроздь любую
И пота в колос налитой!

Перевел с белорусского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

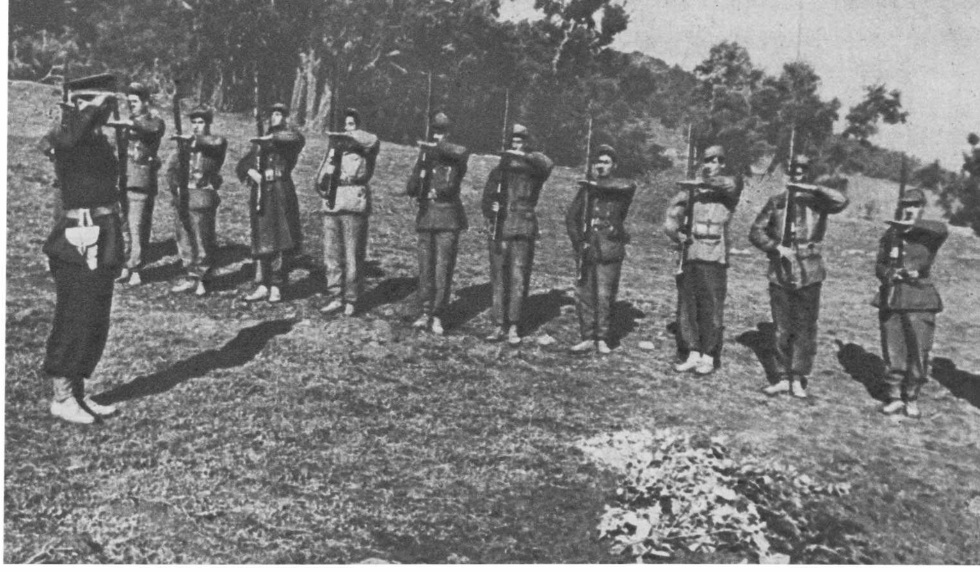
Рисунки Ю. ЗАЛЬЦМАНА.

[1] Да здравствует!

Эти военные трофеи захвачены у французской армии.

Специальные инструкторы обучают алжирских солдат военному искусству.

СРАЖАЮЩИЙСЯ

Отряд Армии национального освобождения в походе.

Командование Армии национального освобождения готовит военную операцию.

В. ИОРДАНСКИЙ

Общее дело всех североафриканцев

В Сфаксе, крупном портовом городе Туниса, арабский квартал занимает городской центр. Мы прибыли в этот город поздно вечером, после захода солнца. Редкие фонари вырывали из темноты то белую стену усыпальницы святого — марабу,— то украшенный пестрым орнаментом подъезд, то затянутое ажурной металлической решеткой окно. На перекрестке под открытым небом были расставлены столики кафе. Я сел у одного из них и заказал чашку такого кофе, который у нас называют турецким, а в Тунисе — мавրским, густого и душистого. Кафе быстро наполнялось людьми. Вскоре только у моего столика оставалось несколько свободных мест.

— Здесь не занято? — обратился ко мне высокий пожилой человек в белой джебба (национальный костюм).

Разговор завязался легко. Узнав, что я из Советского Союза, собеседник охотно назвал свое имя и рассказал, что работает грузчиком в порту. После традиционного вопроса о моих впечатлениях он заговорил об Алжире. Эта тема волнует здесь каждого.

— Ваша страна сама испытала тяжелую войну. Советскому народу легко представить страдания наших алжирских братьев. Но для нас, тунисцев, борьба алжирского народа — это наша борьба. Мой родной брат работал в Оране. Во время забастовки в 1956 году французы его убили. Он погиб за свободу Алжира...

К нашей беседе стали прислушиваться люди, сидящие за соседними столиками. Молодой красивый парень лет двадцати пяти прервал моего собеседника:

— И тунисцы, и марокканцы, и алжирцы составляют один народ. Мы говорим на одном языке, у нас одни и те же обычаи. Марокканца не отличить от тунисца, не отличить и от алжирца.

Справа от меня раздался новый голос:

— Когда вы вернетесь в Советский Союз, расскажите, что и тунисцы, и марокканцы, и алжирцы — граждане одной страны — Магреба. Тунис и Марокко уже завоевали свою независимость, но только после освобождения Алжира станет независимой вся наша родина, весь Магреб.

Эта ночная встреча с рабочими, ремесленниками, мелкими торговцами Сфакса живо напомнила мне долгие беседы, которые несколькими днями раньше я вел с участниками первого съезда североафриканских студентов.

Съезд проходил с 20 по 23 августа в одном из пригородов Туниса, в Ла Марса. В небольшом зале кафе «Зефир» собрались тридцать представителей национальных студенческих союзов Северной Африки. Всех их объединяла одна большая идея — идея национального единства народов Магреба. Мне выпала честь быть гостем этого съезда от Студенческого совета при Комитете молодежных организаций СССР.

От лица североафриканского студенчества съезд потребовал предоставления независимости борющемуся Алжиру. В единодушно принятой резолюции делегаты резко протестовали против планов французского правительства использовать Сахару как полигон для испытаний атомного и водородного оружия.

Студенты Северной Африки ясно и отчетливо сказали, что борьба за свободу Алжира — общее дело всех североафриканцев.

Национально - освободительная война началась в Алжире около четырех лет назад. Разумеется, борьба алжирского народа против французских колонизаторов насчитывает гораздо более долгий срок. Десятилетиями накоплялась справедливая ненависть к французским монополиям и банкам, к крупным землевладельцам-колонам, захватившим богатства страны и обрекшим алжирский народ на нищету и бесправие.

История алжирской революции сейчас совершается, а не пишется, но в Тунисе ни у кого из людей, с которыми я встречался, нет и тени сомнения, что рано или поздно определится ее последняя дата — День освобождения Алжира.

Рассказ бывших парашютистов

В Ла Марса я познакомился с журналистом Жаком Фаврелем. Он помог мне встретиться с Роже Генего и Мишелем Шормрё, бывшими солдатами летучего эскадрона 8-го полка парашютистов.

Рассказывал Мишель. Он родил-

В Тунисе и Марокко собралось уже до 300 тысяч алжирских беженцев.

Представители Национального фронта разъясняют крестьянам цели алжирской революции.

Фото Бюро печати и информации Национального фронта освобождения Алжира.

АЛЖИР

Французская армия ведет в Алжире истребительную войну против мирного населения.

Французским жандармам и парашютистам не хватает автомашин для перевозки всех задержанных. Так транспортируют арестованных алжирцев.

ся во Франции, в городке Мулен, недалеко от Виши. Родители его были убиты немцами. Ему 22 года. Волнуясь, он медленно подыскивал слова:

— После призыва я шесть месяцев проходил подготовку в лагере для будущих парашютистов. Там офицеры вели яростную пропаганду против алжирцев. Характер и цели алжирского движения тщательно от нас скрывались.

В январе 1957 года меня и Роже перевезли в Алжир. Несколько дней мы находились в казармах в Боне, а затем были переведены в Филиппвиль, где участвовали в первых операциях. То были облавы на мирное население. Людей задерживали часто без всяких причин. Среди них бывали и женщины и дети. «Подозрительных» нередко поднимали над горами на геликоптерах и сбрасывали на камни. Других пытали электричеством, а потом расстреливали. Иногда пытки и казни производились публично, на площадях концлагерей, чтобы каждый алжирец знал, что ждет повстанца...

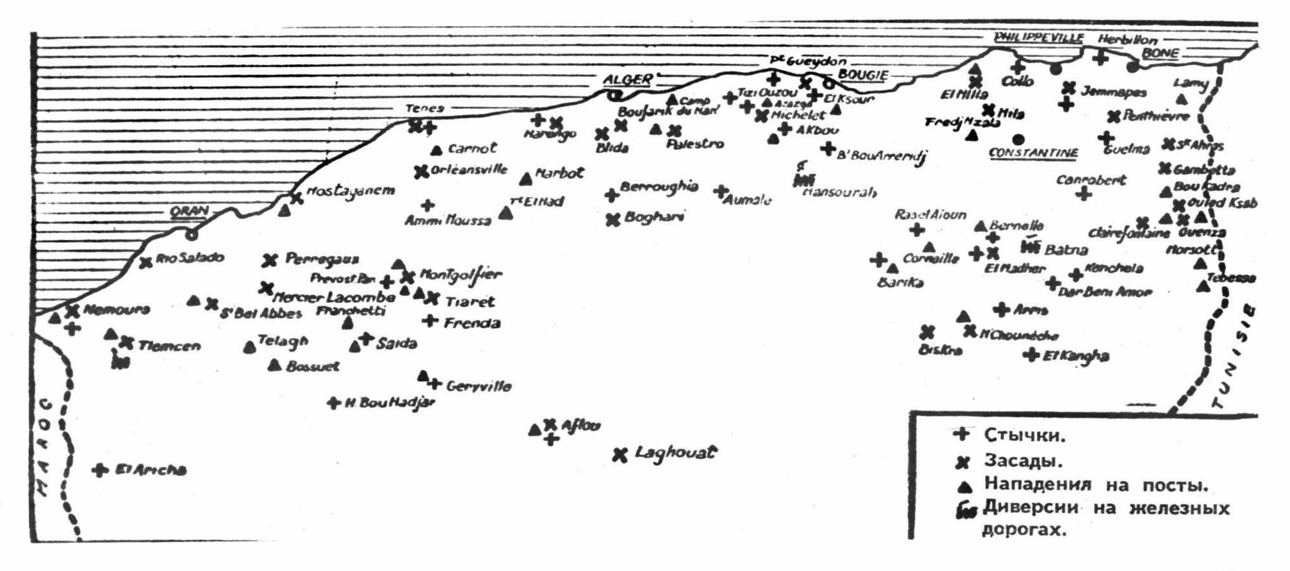
Чувствовалось, что Мишелю горько и больно говорить о «подвигах» своих соотечественников. Но он продолжал:

— В долине Шария подразделение французского Иностранного легиона столкнулось с отрядом Армии национального освобождения. Встреченные сильным огнем, легионеры вызвали на помощь взвод танков и парашютистов-«краснoберетчиков», среди которых был и я. Мы окружили деревню, где укрылись алжирские солдаты. Авиация и артиллерия не оставили камня на камне от деревушки, хотя командование знало, что под бомбами и снарядами гибнут ни в чем не повинные мирные люди.

Когда мы пошли в атаку на развалины деревушки, некоторые из алжирцев сдались, подняв руки. Все они были расстреляны. Тяжелораненые, среди которых были и дети, не подбирались. Их оставили умирать под палящими лучами солнца. А солнце в Алжире безжалостно...

Недалеко от Таира французский отряд попал в засаду и поте-

Газета Национального фронта освобождения Алжира «Эль Муджахид» («Боец») регулярно публикует карты военных действий. Вот одна из последних карт (операции с 1 по 19 июля).

рял убитыми десять солдат. Мстя, солдатня разрушила деревню и уничтожила весь крестьянский скот. Были задержаны три человека, среди них мальчик лет двенадцати. Его пытали электричеством больше трех часов, но так и не заставили говорить. Остальных также пытали, пока они не потеряли сознания. В конце концов их расстреляли...

Простой и страшный в своей простоте рассказ Мишеля нельзя было слушать без волнения. Спросив у него, почему он и Роже перебежали на сторону алжирцев, я уже предвидел ответ.

— Среди солдат многие выражают недовольство и возмущение тем, что их заставляют делать. Таких арестовывают, отправляют в лагеря во Францию,— сказал Мишель.— Я пробовал помогать молодым алжирцам. Потом мы с Роже решили перейти в алжирскую армию. После трех попыток это нам удалось. Алжирцы нас приняли дружески и помогли перебраться в Тунис.

Революция совершается народом

В большой, слабо освещенной комнате меня радушно приняли два человека — представители бывшего (до образования Временного правительства Алжирской Республики) Координационно-исполнительного комитета Национального фронта освобождения (ФЛН). Придвинутый к окну письменный стол был завален бумагами. Как видно, за этим столом только что работали.

Беседу начал пожилой человек с живыми темными глазами. Мне было известно, что всего несколько месяцев назад он перенес мучительнейшие пытки во французской тюрьме и спасся чудом. Густая седина напоминала о пережитых им испытаниях. Сначала он заговорил о ходе военных действий.

— Война в Алжире носит особый характер. Здесь не ведутся регулярные бои. Но партизанская война развертывается все шире. Засады, мелкие стычки, выступления в крупных городских центрах... Враг рассматривает наши действия как «террористические», мы же — как спасительные для алжирского народа. Впрочем, это слово не совсем точное, просто я не могу сейчас подобрать другого...

Лето,—продолжал мой собеседник,— неблагоприятное время для нашей народной армии. Летние ночи коротки, и бойцы располагают всего четырьмя — пятью часами для подготовки операции и для того, чтобы исчезнуть после ее завершения. Но этим летом мы сделали много, и боевая активность оставалась высокой. Это было нашим ответом на референдум, который французские власти намерены проводить в Алжире. Мы решительно протестуем против попытки втянуть алжирский народ в антинародные планы французских реакционных политиков.

Мы успешно осуществляем прорыв «линии Мориса», сооруженной французами вдоль границы с Тунисом с целью изолировать алжирский народ. Бои на линии носят серьезный характер. Она регулярно пересекается нашими боевыми группами. Вы спрашиваете, что она собой представляет? Ее ширина — 50—60 метров. С двух сторон железной дороги протянуты по три нити колючей проволоки и обнаженный провод с током высокого напряжения. Пространство между рядами проволоки минировано. Вдоль всей линии через каждые пять километров расположены сторожевые посты, радарные установки. По железной дороге постоянно курсирует бронепоезд, в небе дежурят геликоптеры.

Группа, пересекающая линию, располагает максимум тридцатью минутами для того, чтобы уйти от преследования. Сейчас мы начинаем использовать новое оружие для прорыва линии. Мы надеемся с этим оружием достичь больших результатов...

Я спросил, какую роль играет в борьбе молодежь.

— Молодежь делает все. Мы, старики,— шутливо добавил он,— служим лишь дополнением. К тому же весь наш народ молодой. Свыше пяти миллионов наших граждан — люди моложе двадцати пяти лет. Это больше половины нации! С пятнадцати лет многие включаются в борьбу. И не только юноши, но и девушки...

В ходе беседы был затронут вопрос о работе ФЛН среди населения. Мой собеседник рассказал:

— Горные районы, недоступные для французов, управляются Национальным фронтом освобождения. Там были проведены всенародные выборы в органы местного самоуправления. Нами организована администрация, созданы школы. Еще в 1938 году французское правительство дало указание рассматривать в Алжире арабский язык как... иностранный. Но в наших школах это постановление не имеет силы. Эти школы занимаются в палатках, в хижинах, но занятия проходят регулярно. Наша администрация нелегально действует и в районах, занятых французскими войсками.

Семьи бойцов Армии национального освобождения получают помощь со стороны ФЛН. Мы организуем переброску семей, которым угрожают репрессии колонизаторов, через границу. Армия взяла на себя задачу снабжать продовольствием районы, подвергнутые французскими властями голодной блокаде. К этой жестокой мере, направленной против самых широких народных масс, французские власти прибегают часто.

...Каковы цели нашей революции? Алжирская революция совершается народом и для народа. Наша цель — разрушить колониализм и сломать устаревшую общественную структуру. Освобождение народа, его благосостояние — ось алжирской революции. Сейчас уровень жизни алжирца в шесть раз ниже жизненного уровня европейца. Поэтому нет таких трудностей, которые могли бы остановить наш народ.

Уже сейчас,— продолжал мой собеседник,— начинает осуществляться нечто вроде аграрной реформы, среди крестьян возникают кооперативы.

В Алжире вы могли бы часто наблюдать, как французский самолет-истребитель преследует крестьянского мула. Мул — это основное средство передвижения в горах, и кто-то из французских министров однажды сказал, что «войну в Алжире выиграет тот, у кого останется последний мул». В деревнях мулов осталось немного — часто пять — шесть вместо прежних тридцати — сорока. И крестьянам приходится совместно использовать эту рабочую силу...

На границе

Ранним утром 2 сентября мы выехали из Туниса по дороге, ведущей к тунисско-алжирской границе. Меня пригласили в эту поездку алжирские и тунисские студенты. В Сук-аль-Арба, небольшом белом городке на перекрестке двух дорог, наш автобус остановился у одноэтажного незаметного дома. Там всю нашу группу провели в комнату, украшенную большим, во всю стену, алжирским знаменем.

В комнате уже собрались несколько человек. Один из них, с суровым крестьянским лицом и руками землепашца, был капитаном пограничной зоны алжирской армии. Он и отвечал на наши многочисленные вопросы.

— Большая часть вооружения шестисоттысячной французской армии прислана из Америки. Но и западноевропейские державы помогают французской армии оружием. В Алжире «испытываются» новые виды вооружения всего Североатлантического блока.

На вопрос о вооружении алжирской армии капитан ответил:

— Не так важно оружие, как воля его использовать.

Далее капитан рассказал: сейчас в алжирской национальной армии насчитывается 130 тысяч солдат; армия располагает хорошо подготовленными офицерскими кадрами, имеет специальные училища для подготовки офицерского состава из молодежи. Командиры, в своем большинстве прошедшие французскую муштру, хорошо знают стратегию и тактику французской армии, психологию французского офицера и солдата.

— В связи с приближением референдума в Алжире чрезвычайно усилился нажим на население со стороны французских военных властей,— продолжал капитан.— Возросло число беженцев. Сейчас в Тунисе и в Марокко их около трехсот тысяч человек. Эвакуация семей из Алжира — одна из важнейших наших задач.

Помимо солдат регулярных войск— муджахидов.—в борьбе за независимость участвуют десятки тысяч нерегулярных бойцов — муссебелинов.

Относительно референдума капитан заявил:

— В условиях военной оккупации референдум является незаконным.

...В Сусе мы поднялись на башню-минарет местного рибата — крепости. Море исчезало вдали, сливаясь где-то за горизонтом с небом. Еле маячили прижавшиеся к побережью дома Монастира. Наш проводник рассказывал:

— Когда сторожевой замечал в море вражеский флот, он зажигал огонь. Через несколько часов сигнал тревоги от рибата к рибату доходил до Багдада и Феса. Цепь крепостей — рибатов — соединяла все арабские земли.

Вот уже четыре года сигнал тревоги несется из Алжира. Миллионы людей во всем мире слышат его. И наступит день, когда действенная солидарность этих миллионов поможет Алжиру стать независимым.

УНИКАЛЬНЫЕ РАБОТЫ

В начале нашего века были вывезены из Китая уникальные рукописные иллюстрированные альбомы новелл выдающегося китайского писателя Пу Сун-лина.

Драгоценные альбомы были привезены во Владивосток. Позже они были переданы для хранения в Ленинградское отделение Института востоковедения.

Пу Сун-лин жил в эпоху острых социальных потрясений — в XVII — начале XVIII века.

Пу Сун-лин — автор стихотворений, народных песен и нескольких сот новелл. Произведения этого популярного в то время писателя еще до публикации ходили по рукам, привлекая внимание самых широких народных масс.

Писатель очень остро высмеивал злодеяния помещиков и деревенских богатеев, возмущался мрачными сторонами политической жизни тех времен, разоблачал чиновников, взяточников.

Пу Сун-лин отличался умением тонко изображать человеческие чувства. Классик китайской литературы Лу Синь в своем «Очерке истории китайской художественной прозы» отмечал эти его качества.

Неизвестный художник (а может быть, группа художников) с большим вкусом и мастерством иллюстрировал классические произведения Пу Сун-лина.

В этих акварельных работах видно высокое мастерство китайского искусства тех времен.

Несколько рисунков публикуются на вкладках этого номера «Огонька».

Уникальные альбомы, занимающие 46 ящиков, недавно в торжественной обстановке были переданы чрезвычайному и полномочному послу Китайской Народной Республики товарищу Лю Сяо и отправлены в Китай.

М. МЕРЖАНОВ

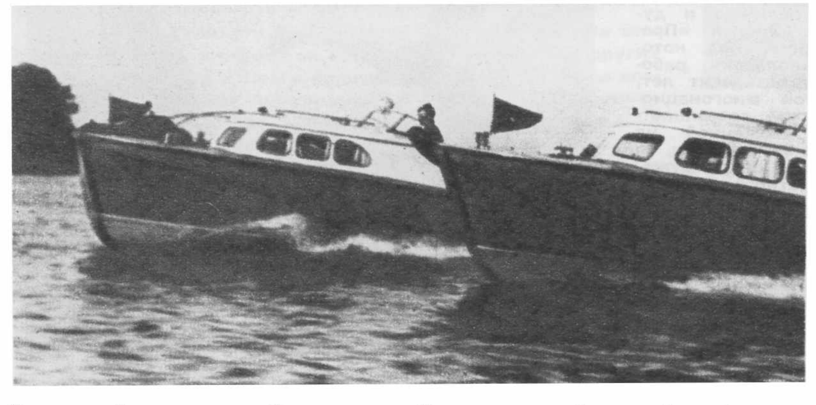
Иллюстрации к новеллам китайского писателя Пу Сун-лина.

Иллюстрации к новеллам китайского писателя Пу Сун-лина.

Глиссирующий теплоход «Экспресс». Снято с самолета.

ЭКСПРЕСС

Разъездной катер-автомобиль на воде. Его корпус, рубка и пайолы (полы) цельно выклеены бакелитовым водоупорным клеем из пенопласта и шпона. Окна из пластмассы.

ИЗ ПЛАСТМАССЫ

В. ЗВОНКОВ,
член-корреспондент Академии наук СССР

В. ГАРТВИГ,
инженер-конструктор

Быстрейший в мире

Теперь всем известно: прогресс новой техники невозможен без пластмасс! Они все шире применяются в машиностроении, станкостроении, без них не обходится современная авиация.

И только в судостроении, где, казалось бы, эти легкие и прочные материалы давно должны были завоевать законное место, они пока не получили должного признания. Между тем еще в сороковых годах был построен с применением пластмасс глиссирующий стотридцатиместный теплоход «Экспресс», разрушенный, к сожалению, во время войны. До сегодняшнего дня ни одно пассажирское судно в мире не превзошло его в скорости. На линии Сочи — Сухуми, где он эксплуатировался, «Экспресс» ходил со скоростью 70—72 километра в час.

На международных Парижской и Нью-Йоркской выставках, где демонстрировались модель, а потом и фотографии теплохода на ходу, нашим товарищам не раз пришлось вступать в споры с зарубежными специалистами, которые никак не хотели поверить в быстроходные качества этого судна. Ведь многие из восемнадцати с половиной тысяч пассажиров, путешествовавших на «Экспрессе», могли бы подтвердить, что скорость его они проверяли по часам: 1 час 35 минут шел он от сочинского маяка до сухумского, а расстояние между ними— 135 километров.

В ту пору пассажиры теплохода и не догадывались, что «Экспресс» стал экспрессом лишь потому, что обшивка днища была выполнена из текстолита.

Лучше стали, алюминия, дерева

Текстолит! Не все знают, что некоторые сорта этого пластифицированного материала из стеклянного или другого волокна и бакелита или иной пластмассы прочнее стали и легче алюминия.

«Экспресс» не развил бы и половинной скорости, имей он обшивку из стали: она в 5,5 раза тяжелее текстолита. Сталь ржавеет, и ее надо красить, а текстолит всегда имеет блестящую, как бы лакированную поверхность. И дело тут не только в красоте: резко снижается коэффициент трения обшивки о воду.

Выигрывает текстолит и в сравнении с легким, прочным дюралем, из которого строятся самые быстроходные самолеты. С морской водой дюраль не в ладу: он подвержен коррозии.

Текстолит имеет много преимуществ и перед деревом. Дерево — легкий материал. Но вот беда: оно намокает, и воду, пропитавшую волокна, приходится «возить» ненужным грузом. Дерево гниет, им питаются морские древоточцы. Смотришь, и в толстом бревне за два — три месяца появились такие ходы, что оно ломается, как труха. Деревянную обшивку тоже нужно старательно красить. А текстолит не намокает, не гниет (бакелит сродни карболке), древоточцы его не тревожат (карболка им не по вкусу), красить его не надо.

Судно «Экспресс», проектированием и строительством которого одному из авторов этой статьи посчастливилось руководить, имело не только обшивку из пластмасс. Корпус был впервые склеен бакелитовым лаком-клеем. Он и водоупорен и дает стекловидное твердое покрытие. Склеенные им деревянные детали так прочно соединены, что разрушаются не по клею, а лишь по дереву.

Подшипники гребных валов теплохода были изготовлены из синтетической резины, и они не требовали другой смазки, кроме воды. Привальные брусья, кранцы и спасательные нагрудники были пневматические и тоже из синтетической резины. Надводную часть корпуса окрасили пластмассовой нитрокраской.

Вот и нужно сегодня спросить конструкторов и инженеров Государственного комитета Совета Министров по судостроению: почему у нас не использован опыт «Экспресса»?

Следует учесть, что «Экспресс» строился в тот период, когда еще не знали, как надо правильно обращаться с пластмассами. В предвоенные годы пластмассовые детали сложной формы прессовались и цена их была очень высокой, потому что определялась их малым «тиражом».

Неиспользуемые возможности

Сейчас мы знаем способы изготовления пластмассовых деталей любых форм, гладких, красивых, любого цвета, не нуждающихся в окраске, в любом количестве. А если потребуется, то даже одну деталь можно сделать в гипсовой, грошовой по цене форме.

Появились новые виды пластмасс с такими замечательными свойствами, о которых судостроители раньше не могли и мечтать. Взять хотя бы легчайшие твердые пенопласты и мягкие, гибкие поропласты. Таких материалов мы до последних лет просто не знали. Они в три — четыре раза легче пробки, прочны и не намокают. Из них легко построить судно, которое нельзя потопить. Разломайте его на несколько частей, и каждая из них по-прежнему будет плавать да еще сможет поддерживать на плаву вес, составляющий 90 процентов водоизмещения обломка. Какие неограниченные возможности открываются перед конструкторами, имеющими в своем распоряжении такие материалы!

А ведь теперь лишь начальный период развития пластмасс. Несомненно, будут созданы новые их виды, которые откроют более широкие области применения. Но и то, что уже известно, пока используется недостаточно. По-прежнему из спасательных кругов высыпаются куски пробки, тогда как и спасательные круги и нагрудники гораздо лучше делать из пенопласта: он легче, а главное, ведь пробка-то импортная!

Не в ходу у нас и мягкие поропласты для звукоизоляции, а эффективность их как шумоглушащих материалов очень высока. До сих пор у судостроителей в почете экспанзит (особенно любят его ленинградцы), изготовляемый из пробковой крошки и смолы. Его применяют в качестве теплоизолирующих плит. А на заводах, поставляющих пенопласты, в частности Владимирском, лежат горы обрезков, которые с гораздо большим эффектом, чем пробка, могли бы быть спрессованы на той же смоле, что экспанзит, и для тех же целей.

Хочется еще упомянуть о замене пластмассовым текстовинитом намокающей от брызг и дождя кожи для мягких сидений; о замене обычного, изготовляемого из пробковой пыли линолеума пластмассовым: это негорючий, неломкий и ненамокающий пластмассовый линолеум... Таким примерам нет конца.

Теплоходы, катера, лодки...

Из пенопластов — они прекрасно клеятся бакелитовыми клеями — целесообразно делать целиком корпуса спасательных судов, к которым предъявляют очень высокие требования по непотопляемости. Их с успехом можно применить на строительстве корпусов таких быстроходных судов, как теплоход на подводных крыльях «Ракета». Сейчас их делают из дюраля.

На водной станции «Динамо» в Москве, на Химкинском водохранилище двенадцатую навигацию плавают цельновыклеенные гребные лодки. А дощатые лодки на той же водной станции пришлось уже трижды заменить. Выклеенным лодкам нет износа. Так же хороши в эксплуатации и выклеенные катера. Они плавают по восемь лет и не текут, не рассыхаются. Их не надо конопатить: корпус очень прочен. Особенно легки и прочны в них каюта и полы, сделанные из пенопласта. Весь процесс сборки и выклейки корпуса занимает лишь несколько часов. Особенно важно, что производство малых судов легко механизировать, а ведь это производство поглощало громадное количество ручного труда. Этим, собственно, и определялось такое малое количество у нас катеров, небольших теплоходов.

Пора уж, давно пора наладить хотя бы на Охтинском заводе производство полиэфирных смол, отвердевающих на воздухе и позволяющих получать корпуса, целиком выполняемые за один раз. И не такие маленькие, как показанные на Всесоюзной промышленной выставке 1958 года лодочки из пластмассы. Это могут быть катера по крайней мере длиною в 12—15 метров, нужные народному хозяйству. Их могли бы делать заводы Московского и Ленинградского совнархозов. Другие же высокопрочные и нехрупкие пластмассы позволят строить крупные пластмассовые суда большой грузоподъемности. А суда для бестарной перевозки многих химических продуктов, и в частности кислот, вызывающих быстрое разрушение стальных корпусов? И они могут быть построены из пластмасс.

Широкое применение пластмасс должно ознаменовать собой дальнейший прогресс в советском судостроении. Слово за Государственным комитетом Совета Министров по судостроению.

В ДОМЕ ШКОЛЬНИКА

На Ново-Московской улице, в Рижском районе столицы, выросло новое нарядное здание. Это Дом школьника, первый в Москве.

— Открылся наш Дом недавно, в начале учебного года,— рассказывает директор Татьяна Мартьяновна Панченко.— Пятьсот ребят, ученики первых — пятых классов, приходят сюда и до школы и после занятий, в зависимости от смены. Они готовят уроки, играют, занимаются спортом, читают, завтракают и обедают. В первую очередь сюда принимаются дети, за которыми дома некому присмотреть. Четырнадцатью группами Дома школьника руководят опытные педагоги.

Для родителей это, конечно, большое облегчение. Уходя на работу, мать спокойна: ребенок будет вовремя накормлен, день его разумно распланирован. Плата за пребывание в Доме школьника незначительная. Матери-одиночки и семьи инвалидов от платы освобождены.

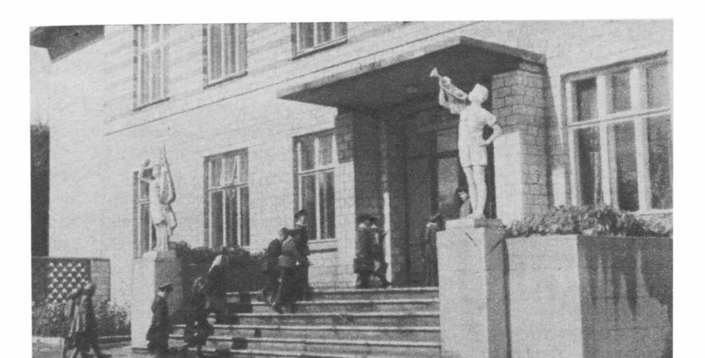
Вместе с Т. М. Панченко мы обходим комнаты. Удивительно тихо, спокойно в Доме. Оказывается, все «население» в столовой.

После обеда — игры. Каждому находится интересное занятие: заводные машины, куклы, удобные столики для шахматистов. Любители спорта идут в спортзал. В библиотеке Нина Егоровна Рязанцева всегда подберет юному читателю интересную книжку. Часто вбегают сюда первоклассники, просят почитать им сказку.

Но вот наступает время готовить уроки. В больших, светлых комнатах у каждого есть свой удобный столик.

Быстро проходит день. Окончены занятия в кружках, приготовлены уроки, после прогулки — ужин. А там пора и домой. Уходим и мы, побывав в гостях в большой и дружной семье.

Р. ЛИХАЧ

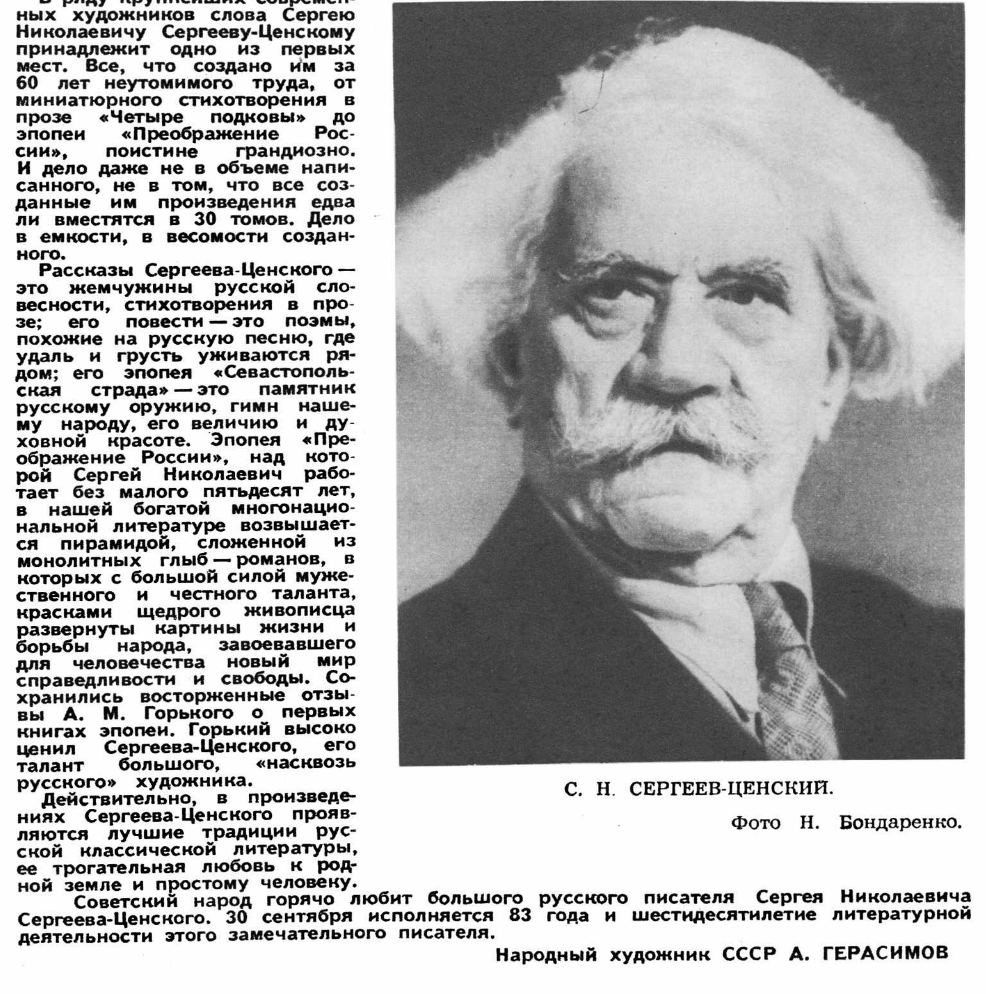
Вот он каков, Дом школьника!

ХУДОЖНИК СЛОВА

В ряду крупнейших современных художников слова Сергею Николаевичу Сергееву-Ценскому принадлежит одно из первых мест. Все, что создано им за 60 лет неутомимого труда, от миниатюрного стихотворения в прозе «Четыре подковы» до эпопеи «Преображение России», поистине грандиозно. И дело даже не в объеме написанного, не в том, что все созданные им произведения едва ли вместятся в 30 томов. Дело в емкости, в весомости созданного.

Рассказы Сергеева-Ценского — это жемчужины русской словесности, стихотворения в прозе; его повести — это поэмы, похожие на русскую песню, где удаль и грусть уживаются рядом; его эпопея «Севастопольская страда» — это памятник русскому оружию, гимн нашему народу, его величию и духовной красоте. Эпопея «Преображение России», над которой Сергей Николаевич работает без малого пятьдесят лет, в нашей богатой многонациональной литературе возвышается пирамидой, сложенной из монолитных глыб — романов, в которых с большой силой мужественного и честного таланта, красками щедрого живописца развернуты картины жизни и борьбы народа, завоевавшего для человечества новый мир справедливости и свободы. Сохранились восторженные отзывы А. М. Горького о первых книгах эпопеи. Горький высоко ценил Сергеева-Ценского, его талант большого, «насквозь русского» художника.

Действительно, в произведениях Сергеева-Ценского проявляются лучшие традиции русской классической литературы, ее трогательная любовь к родной земле и простому человеку.

С. Н. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ.

Фото Н. Бондаренко.

Советский народ горячо любит большого русского писателя Сергея Николаевича Сергеева-Ценского. 30 сентября исполняется 83 года и шестидесятилетие литературной деятельности этого замечательного писателя.

Народный художник СССР А. ГЕРАСИМОВ

СЛОНЫ ПУТЕШЕСТВУЮТ МОРЕМ

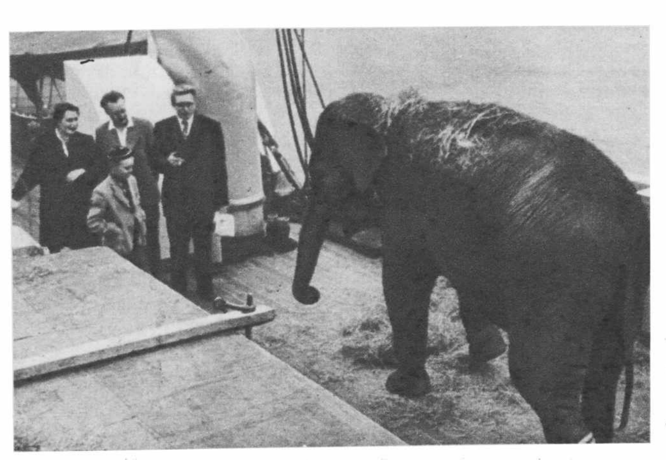
Над причалами Ленинградского порта раздался однажды мощный «трубный глас». По силе он напоминал пароходный гудок, но тембр был совсем иным. Звуки шли с теплохода «Пулково», мирно стоявшего у причала в ожидании разгрузки.

Судно только что пришло из Лондона. На палубе в клетке трубил огромный индийский слон. Ему вторил другой слон, несколько меньших размеров и, видимо, более кроткого нрава: он свободно разгуливал по палубе.

Десять лет назад, будучи еще слонятами, они резво бегали по джунглям — один на Цейлоне, другой в долине Ганга. Но звероловы накрыли их сетками. Из Калькутты и Коломбо слонята совершили свое первое морское путешествие до Лондона. Там их поселили в предместье Вибстей, где Лондонское зоологическое общество выращивает и приручает диких зверей. У Дамбо — индийского слона — вскоре проявились музыкальные наклонности: под музыку он вставал, ложился, двигался, танцевал. Малани же — уроженка Цейлона,— наоборот, оказалась равнодушной к музыке, но зато быстрее привыкала к людям. В рейсе из Лондона в Ленинград матросы приносили ей фрукты и сласти. Малани не осталась перед моряками в долгу. В Ленинграде, когда надо было раскрывать трюмы, она хоботом стянула тяжелый брезент, отряхнула его за бортом, а потом аккуратно положила на палубу. В ожидании железнодорожного вагона, в котором предстояло ехать из Ленинграда, она перекладывала тяжелые доски, закрывающие люки, и другие предметы.

Путешествие морем окончено. Скоро в зоологических садах Минска и Ростова можно будет увидеть Дамбо и Малани.

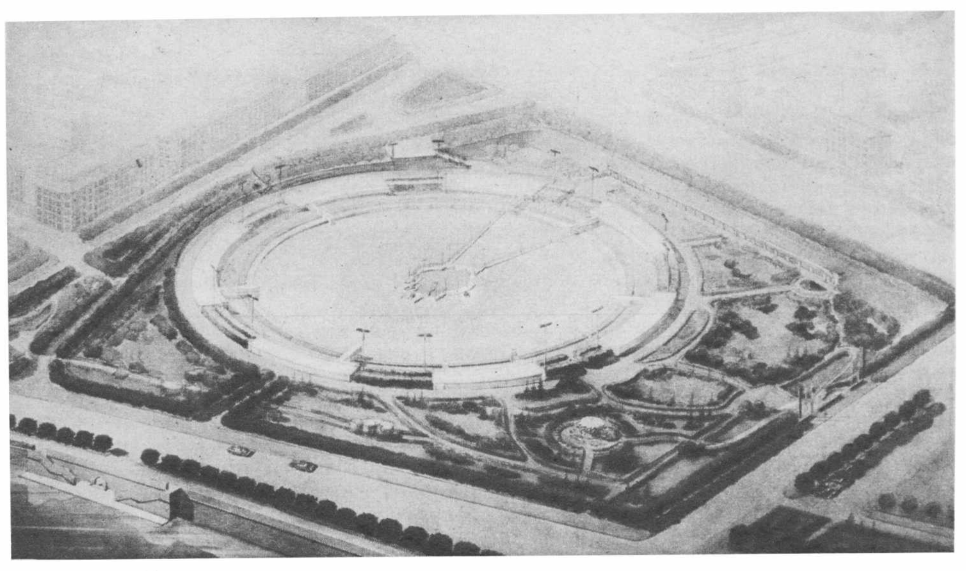
А. БРОДСКИЙ

Малани на палубе теплохода «Пулково».

Фото автора.

Водный стадион

Проект плавательного бассейна на Кропоткинской набережной.

Это будет необычный плавательный бассейн. Его скорее можно назвать водным стадионом. Он расположится по соседству с популярным сейчас открытым бассейном «Москва», на той же тихой Кропоткинской набережной. А будущим летом он составит серьезную конкуренцию пляжам на Москве-реке: попасть туда будет куда проще, чем, скажем, в Серебряный бор.

...Из подземного вестибюля метро «Кропоткинская» эскалаторы поднимут вас к выходу. И вы сразу попадете в обширный парк, о котором прежде и не слышали. Среди красавиц лип, зелени кустарников, мозаики цветников вы увидите водное зеркало. Вы, конечно, сразу отметите необычность размеров и очертаний этого сооружения. Новый бассейн будет круглым, а из центра водяного круга (диаметром 130 метров) вознесется ажурная вышка для прыжков.

И в большом и в малом новый бассейн отличается от своих столичных собратьев. По кольцу бассейна раскинутся купальни под стать черноморским пляжам. Вокруг открытого искусственного водоема расположатся павильоны с раздевалками, душевыми. Сколько же пловцов, ватерполистов, прыгунов в воду, мастеров фигурного плавания и просто желающих отдохнуть у воды побывает за день на этом стадионе? Более двадцати тысяч билетов сможет ежедневно продавать касса.

Над проектом крупнейшего в Европе открытого плавательного бассейна работает большой коллектив архитекторов, инженеров, конструкторов под руководством действительного члена Академии строительства и архитектуры СССР Д. Н. Чечулина.

Б. БАЗУНОВ

ИМЕНИ ДЖОРДЖЕ ЭНЕСКУ

В Румынии закончился первый Международный музыкальный фестиваль и конкурс имени Джордже Энеску. Имя и творчество этого замечательного дирижера, композитора, скрипача давно и хорошо известны советским слушателям. Восторженно принимали его концерты москвичи несколько лет назад.

На большом музыкальном празднике-фестивале присутствовали прославленные музыканты мира. В центре фестиваля был конкурс скрипачей и пианистов, в котором принимало участие около 80 молодых музыкантов. Жюри, в которое входили виднейшие музыкальные деятели различных стран, присудило две первые премии по конкурсу скрипачей С. Снитковскому (СССР) и Ш. Рухе (Румыния). Среди пианистов первой премией отмечен Ли Мин-чан (Китайская Народная Республика).

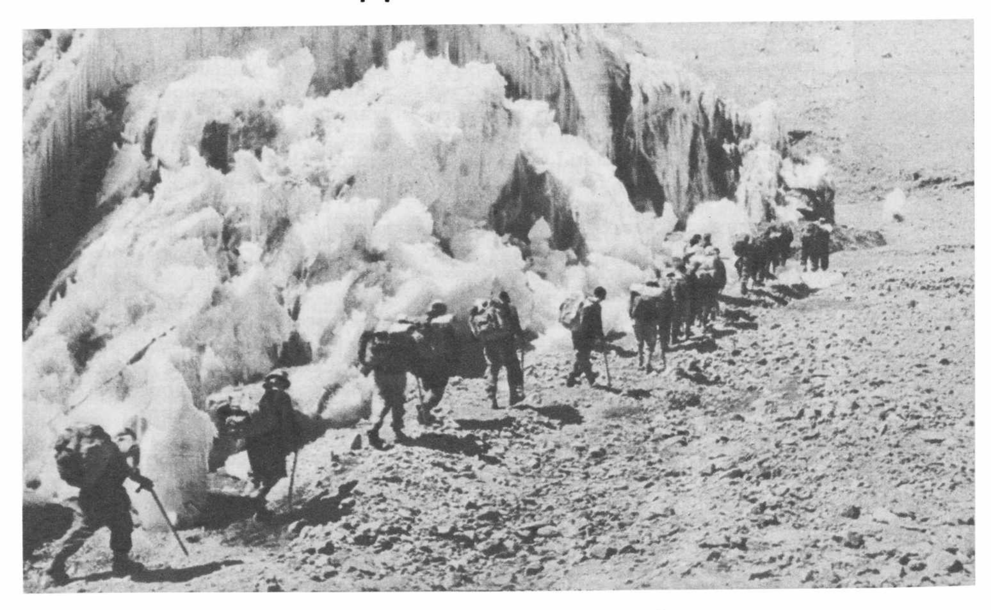
Студент Московской Государственной консерватории С. Снитковский впервые участвовал в международном конкурсе. Талантливому румынскому скрипачу Ш. Рухе еще на Международном конкурсе имени Чайковского была присуждена III премия.

Китайскому пианисту Ли Мин-чану 21 год, но он уже вторично меряется силами со своими коллегами из других стран. В 1957 году в Праге на конкурсе имени Сметаны воспитанник китайской консерватории получил III премию. Вдумчивый, необычайно работоспособный юноша тщательно готовился к новому состязанию и вышел победителем.

Китайского пианиста Ли Мин-чана, получившего первую премию, поздравляют друзья.
Фото А. Ловинеску.

В одной связке

Колонна альпинистов на пути к пику Ленина.

У альпинистов есть такое выражение: идти в одной связке. В горах на трудных переходах одному человеку невозможно преодолеть бесчисленные преграды, встающие на пути. И тогда альпинисты пускают в ход длинную крепкую веревку. Несколько человек образуют связку: они вместе штурмуют высоту, помогая друг другу. Тут поистине один за всех и все за одного. Нет, пожалуй, связи крепче, чем эта альпинистская связь.

Пик Октябрьский; безымянная вершина, взятая с бою и названная пиком «Единство»; грозный Музтагата — памирский гигант высотой 7 546 метров — вот этапы большой дружбы, связывающей советских и китайских альпинистов, дружбы, зародившейся и окрепшей во время восхождений на величайшие памирские вершины. Недавно закончилась совместная экспедиция советских и китайских альпинистов на Памире — самая большая за всю историю этой дружбы. Только с китайской стороны в ней участвовало 44 человека.

Восемь сильнейших альпинистов за три дня совершили два восхождения: на пик Ленина и на безымянную вершину 6 852 метра. На этой вершине была оставлена записка: «Вершина 6 852 м, вторая по высоте в системе Заалайского хребта после пика Ленина. 8 сентября в 15 часов через пик Ленина сюда поднялась группа советских и китайских альпинистов в составе: Кузьмин, Буянов, Пен Шу-ли, Клецко, Ши Дин, Ильинский, Ван Фэн-тун, Му Бинсо, совершив первовосхождение. Пользуясь правом первовосходителей, совместная группа китайских и советских альпинистов ходатайствует перед Верховным Советом СССР о присвоении вершине имени одного из замечательных руководителей международного рабочего движения товарища Мао Цзэ-дуна в честь великой дружбы двух великих народов—Китая и СССР. Да здравствует победа коммунизма во всем мире!»

Участники экспедиции Чжоу Юй-инь и В. Буянов.
Фото заслуженного мастера спорта М. Ануфрикова.

СОВЕТСКИЕ ТЯЖЕЛОАТЛЕТЫ— СИЛЬНЕЙШИЕ

Чемпионат мира по тяжелой атлетике, на котором одновременно разыгрывалось первенство Европы, начался вечером 16 сентября в зале Эриксдальс-халлен, в южной части шведской столицы. Вместо сцены — большой помост, обтянутый синей и желтой материей. На помосте синяя штанга, будто забытая кем-то ось с колесами. Вдоль стены разноцветные знамена наций...

В последние годы на всех крупнейших международных соревнованиях по тяжелой атлетике борьба за первое место велась в основном между советскими и американскими спортсменами. Так было и на этот раз.

Первыми вышли к штанге атлеты легчайшего веса. Главными претендентами на звание чемпиона в этой весовой категории были Владимир Стогов и американец Винчи.

В жиме американец показывает 105 килограммов, Стогов — 107,5. В рывке Владимир Стогов обгоняет американца на 5 килограммов, а в толчке — еще на 7,5 килограмма. В сумме троеборья советский спортсмен набрал 342,5 килограмма, американец — только 327,5. Стогову присваивается звание чемпиона мира и Европы.

В полулегком весе борьба между Евгением Минаевым и представителем команды США И. Бергером закончилась победой американца. И. Бергер показал в троеборье 372,5 килограмма — новый мировой рекорд. Е. Минаев получил серебряную медаль за второе место и золотую медаль чемпиона Европы.

Никто из спортсменов легкого веса не сумел оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления советскому атлету Виктору Бушуеву. В сумме троеборья он набрал 390 килограммов, установив новый мировой рекорд и завоевав титул чемпиона мира и Европы.

Поединок двух сильнейших в мире атлетов полусреднего веса — советского спортсмена Федора Богдановского и американца Томми Коно — проходил очень остро. Между прочим, всем бросилась в глаза явная необъективность главной судейской коллегии, когда она не засчитала Богдановскому чисто взятый им вес 135 килограммов в жиме. Это сказалось на результатах. Чемпионом мира с новым рекордом в троеборье — 430 килограммов — стал Т. Коно. Ф. Богдановский занял второе место.

Советский средневес, замечательный атлет Трофим Ломакин, победил в единоборстве американца Д. Джорджа. В этой схватке был драматический момент, когда судьба золотой медали чемпиона мира зависела от одной-единственной попытки. Ломакин закончил соревнование с суммой 440 килограммов. У Джорджа еще оставался один подход в толчке, и он попросил установить на штангу 175 килограммов. Если бы этот вес был взят, у Джорджа в сумме набралось бы тоже 440 килограммов, и он стал бы чемпионом, так как его собственный вес на один килограмм меньше, чем у Ломакина. Но у Джорджа не хватило сил поднять штангу. От чрезмерного напряжения он на помосте лишился сознания.

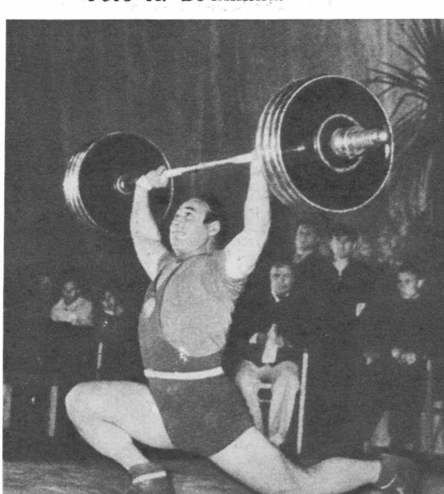
Капитан советской команды полутяжеловес Аркадий Воробьев в шестой раз завоевал звание чемпиона мира, оставив на втором месте американца Д. Шеппарда. Результат Воробьева — 465 килограммов.

В тяжелом весе победил А. Медведев, ставший чемпионом мира и Европы.

Итак, советские богатыри увезли из Стокгольма пять из семи золотых медалей чемпионов мира и все семь золотых медалей чемпионов Европы. В командном зачете наши тяжелоатлеты набрали 45 очков, опередив американскую команду на целых 11 очков. Убедительная победа!

И. ГОРЕЛОВ
Стокгольм, по телефону.

На помосте капитан советской команды тяжелоатлетов Аркадий Воробьев.
Фото А. Бочинина.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ИЗ НАШЕГО СЕЛА

Карагаш — обычное молдавское село. Белые мазанки среди старых, развесистых яблонь. В сельском клубе идет концерт.

— Кто они? Артисты?

— Нет, — с гордостью улыбается пожилой колхозник, — это все наши, карагашцы: доярки, виноградари. На шестом Всемирном фестивале молодежи им серебряную медаль дали. Исполняют сейчас «Жокул ферарилор» — танец кузнецов. Поставил Владимир Курбет. Тоже наш, карагашский. Сейчас за руководство вот этим коллективом он получил звание заслуженного деятеля искусств Молдавской республики.

Владимир Курбет — сын потомственного сельского музыканта. Издавна по старым бессарабским дорогам бродили скрипачи и флуеристы. Осенью, когда янтарные гроздья винограда превращались в молодое вино, начиналась веселая пора свадеб. Сельские музыканты тогда бросали свои мотыги, брали скрипки, цимбалы, флуеры и отправлялись в путь.

Бродячие музыканты были хранителями танцевальных мелодий, песен, из поколения в поколение передавали они свое искусство. Как только Владимир начал ходить, отец достал для него маленький барабан...

А вскоре представилась возможность поупражняться и на флуере. Восьми лет мальчика вместо школы отдали к помещику пасти овец. Все чабаны — искусные флуеристы. Разбредаются по выгоревшим холмам овцы, а под развесистым орехом сидят черноголовые мальчишки и играют на флуере.

Шли годы. Из маленького подпаска Владимир Курбет превратился в опытного чабана, кончил два класса сельской школы. Как только наступала осень, он уходил из помещичьей усадьбы, становился музыкантом и с отцом бродил по окрестным селам. К этому времени он знал уже ноты и понемногу записывал народные мелодии — сначала те, что играли товарищи-музыканты, потом стал расспрашивать стариков. Постепенно стопка записей росла.

Но вот в село, ставшее советским, пришла новая жизнь. Музыкантам незачем теперь бродить по округе в поисках куска хлеба. Владимир Курбет стал руководителем коллектива самодеятельности.

Вот тогда-то и обратился он к своим записям. Тут было целое богатство: и шуточные, и лирические, и стремительные, как вихрь, танцы.

Теперь Курбет учится в Кишиневском музыкальном училище, по выходным дням ездит в Карагаш к своим танцорам. Скоро выйдет в свет книжка «Сто двадцать пять молдавских танцевальных мелодий из разных сел и районов Молдавии» — итог его кропотливой работы.

К. КОЖЕВНИКОВА

Так пляшут на гулянье в Кишиневе.

КОГДА ПРЕДСТОИТ НОВОСЕЛЬЕ

Б. ЧИРКОВ,
народный артист СССР

Среди радостных семейных праздников — свадеб, рождений — у множества советских людей появился еще один — переезд на новую квартиру. Новоселье!.. Весело справляют его всюду. Не отдельные здания, корпуса или кварталы, а уже целые районы, целые города новых домов вырастают у нас ежегодно.

Я побывал нынче в Шестом поселке Запорожья — новом районе красавца-города, который вытянулся на несколько километров и растет все дальше и дальше. Прекрасны улицы и проспекты этого города, широкие и прямые, его нарядные благоустроенные дома...

Архитекторы и строители не просто торопятся возвести новые жилые здания, — они стараются построить их красивыми, составить из них выразительные архитектурные ансамбли, чтобы не только расширить наши города, но и сделать их нарядными.

И уже появляется у людей гордость за свой район, квартал, улицу: «У нас, на Боровском шоссе...», «А вот у нас, в поселке ХТЗ...»

Со счастливыми лицами гуляют люди по своим новым улицам, с улыбкой въезжают в свои новые квартиры: здесь будут они теперь жить удобно и просторно. Но мало этого. Каждый хочет, чтоб его жилище было бы еще и уютным. И вот тут-то перед многими встает трудная задача: а как и чем украсить свои комнаты? Там, на улице, все придумал и сделал архитектор, а здесь, в своей квартире, человек предоставлен собственному вкусу, собственной изобретательности.

Въехал человек в новую квартиру, расставил мебель так, как ему это удобно, осмотрелся и видит: чего-то недостает в комнатах. Голые стены кажутся большими, холодными. Жилище ничем не украшено и не радует хозяина. И вот... и вот начинается то, ради чего я и решил написать эту статью, побывав этим летом в Запорожье, а потом и в Харькове. На рынках этих городов я и увидел, как стремятся люди сделать красивым, нарядным свой быт и как трудно им это дается.

Если вы собираетесь построить дом или дачу, вы обращаетесь в строительную организацию или к архитектору: вам дадут дельный совет, покажут типовые проекты домов, помогут в выборе удобной планировки, позаботятся вместе с вами и о приятном внешнем виде постройки.

Если вы купили в магазине тканей материал на платье, вам тут же зачастую помогут выбрать красивый фасон вашего платья, вам иной раз даже покроят его.

А вот если вы получили новую квартиру, вам не к кому обратиться за советом и помощью. А ведь ежегодно по всему Советскому Союзу сотни тысяч людей переезжают в новые квартиры, и большинству из них нужен совет: как сделать свое жилье уютным и нарядным.

Озабоченные новоселы ходят по посудным, хозяйственным магазинам, магазинам культтоваров, на их лицах теперь растерянность и недовольство. Ничего они не достали там для украшения своих комнат. Что же делать? «Идите на рынок,— говорят бывалые люди.—Там вы получите совет и там же купите то, что будет украшать ваше жилище».

На меня этот уголок запорожского рынка произвел ошеломляющее впечатление, когда я в первый раз попал сюда. Он был весь яркий и многоцветный, как попугай среди наших серых воробышков. На солнце блестели, сверкали и сияли разноцветным анилином, лаком и золотом кувшинчики, бюсты задумчивых мальчиков и девочек, фигурки изящных дам и кавалеров, оленьи головы, украшенные извилистыми рогами; отлитые из гипса и раскрашенные, они одурманивали и гипнотизировали покупателей.

Фантастические пейзажи запечатлены были на бумажных ковриках, развешанных на стенах ларьков и павильонов рынка. Круглая луна освещала сине-зеленым светом пруды, заросшие камышом. На переднем плане красовался лебедь такой мощности и объема, что, вероятно, сев на мель, он уже не мог бы сдвинуться с нее без посторонней помощи. Змеевидные тела птиц или широкая белая молния разрезали и темное небо и синюю воду. На дальнем берегу пруда белели башенки рыцарского зáмка. На фантастических этих пейзажах хотя и не видны были люди, но и так было ясно, что это — обиталище того «милорда глупого», который еще сто лет тому назад развращал вкус русского человека и против которого воевал Некрасов, мечтая, что мужик понесет с базара вместо похождений милорда сочинения Белинского и Гоголя. Сбылась мечта поэта: крестьянин и рабочий читают теперь великих классиков не только нашей страны, но и всего мира. Но злополучный английский милорд все-таки уцелел. Уцелел его безобразный дух, и пейзажи его поместий по сию пору размножаются в сотнях экземпляров для «украшения» новых жилищ в новых, социалистических городах нашей страны. А вместе с ними проникают в дом и пестрые, безвкусные абажуры, сделанные из цветной гофрированной бумаги, и ужасающие открытки.

Ярко сверкая на солнце, висят десятки аляповатых позолоченных рам. Они так блестят, что почти невозможно разглядеть репродукции, втиснутые в рамки. Впрочем, это, пожалуй, и к лучшему: ведь уже нет сил без содрогания видеть изуродованные копии шишкинских медведей в лесу. С невольной неприязнью стали мы глядеть и на прелестное лицо чудесной незнакомки Крамского. Подлинное произведение искусства интересно, дорого, волнует меня, зрителя, своей индивидуальностью, особенностью, неповторимостью. Но когда оно лезет мне в глаза, да еще изуродованное, в каждом общественном месте: ресторане, вокзале, парикмахерской,— тогда оно становится назойливым, навязчивым кошмаром, от которого я стараюсь как можно скорее освободиться.

И вокруг всех этих произведений «искусства» толпятся постоянно люди, желающие принарядить свое жилище, сделать его уютным, привлекательным. Яркость, аляповатость поражают покупателей. Но выбора нет, и они разбирают эти гипсовые фигурки, копилки, рамки, абажуры и открытки. Отсюда, с рынка, несут они в свой дом дурной вкус. Так эти вещи, пережившие свой век, становятся нашими современниками, хотя ясно видно, что они пробрались к нам из старого, мещанского быта, ушедшего в прошлое.

С этим надо бороться, дурной

Эти уродливые, зато покрытые позолотой, огромные собаки куплены в Болшеве.

вкус переделывать, воспитывая в людях чувство красивого. Все стороны нашей общественной жизни стремительно ведут нас вперед, к лучшему, счастливому и красивому строю жизни, но старый, мещанский вкус порой еще сказывается в быту.

Надо принять меры, товарищи! Мы не имеем права смотреть на это равнодушно. Мы — это работники культуры, искусства и литературы. Мы — это те учреждения и организации, которым поручено руководить и помогать развитию нашей культуры: Министерство культуры и отделы культуры при исполкомах.

Во время гастролей нашего театра в Запорожье и Харькове на каждом спектакле обязательно присутствовали работники отдела культуры. Они даже обижались и выговаривали нашей администрации, если их билеты оказывались дальше первого и второго ряда. А вот на рынок, где развращаются вкусы советских людей, они явно не заглядывают, а если и заглядывают, то ничего не предпринимают для того, чтобы прекратить распространение духовной заразы.

...В одной из комнат своего особняка сотрудники Харьковского Дома народного творчества устроили выставку произведений, созданных народными умельцами Харьковской области: вышивки, аппликации, резьба по дереву и, наконец, керамика. В этом маленьком музее собраны вещи разного достоинства. Одни из них талантливы, выразительны, оригинальны, другие явно подражательны, но все они полны вкуса, изящества, удивительно гармоничны. В каждом из экспонатов подлинная народность орнамента и формы сочетается с своеобразным колоритом. Каждая вещь — это настоящее произведение народного искусства.

Вот этот вкус, живущий в народе, это чувство прекрасного, которое так ярко выражено во всех вещах, и является гарантией того, что верное ощущение красоты должно быть и может быть взращено и воспитано в тех прослойках нашего общества, которые его утеряли или не имели.

Пропаганда и популяризация народного искусства — одно из средств развития настоящего вкуса трудового люда нашей страны.

У домов народного творчества, к сожалению, недостаточно средств, нет и юридических прав для того, чтобы начать действенное объединение народных художников, чтобы сразу же широко и глубоко толкнуть вперед возрождение народного умения. А именно народное искусство должно быть в первую очередь противопоставлено натиску халтуры, безвкусицы и мещанства, которые таким густым потоком устремляются в наши дома с рынков больших и малых наших городов.

В Харьковской области, например, есть три гончарные артели: в Купянске, в Новой Водолаге, в Валках,— которые могли бы изготовлять художественную керамику, но для этого нужна помощь более авторитетной, с правовой точки зрения, организации, чем Дом народного творчества.

Очень важный вопрос — материальное положение народных умельцев, работающих в этих артелях. Талантливейший мастер товарищ Гнедой, своеобразный художник, не имеет учеников. Молодежь не хочет идти учиться к старикам-умельцам. К тому же артельные мастерские совершенно не благоустроены.

Пора, наконец, открыть специальные магазины, в которых бы продавались произведения народного искусства. Почему, например, в Москве невозможно купить вещи, сделанные украинскими мастерами? Почему замечательные работы умельцев Прибалтики не проникают во внутренние районы нашей страны? Впрочем, этих «почему» можно назвать десятки...

Мы так много времени, средств и энергии отдаем организации смотров народного театрального, музыкального и хореографического искусства, а народное изобразительное искусство оказывается пасынком, хотя может и должно играть большую и важную роль в быту.

Вышивальщицы и резчики, состоящие на учете Харьковского Дома народного творчества, задумали создать своими силами примерную обстановку квартиры с мебелью, украшениями, занавесами, коврами. Одним словом, образец того, как может быть наряжен, обставлен и украшен дом советского человека произведениями народного, самодеятельного искусства. Однако чудесная эта идея не может быть пока осуществлена из-за отсутствия свободных средств у Дома народного творчества.

Директор Харьковского Дома народного творчества Дмитрий Иванович Зеленский построил при своем учреждении муфельную печь для обжига керамики. Создана лаборатория, в которой рождаются новые образцы прославленной украинской керамики; их отправляют затем в артели или на Будянский фарфорово-фаянсовый завод для выпуска большими тиражами. Я видел чудесные куманцы, изготовленные в этой опытной печи талантливым художником инженером Замбржицким. Это вещи, которые могут не только украсить ваше жилище, но и с полным правом будут занимать место в музеях. И вот товарищ Зеленский получил выговор за то, что на свой риск и страх построил эту лабораторию.

Пора серьезно и обстоятельно заняться вопросами украшения нашего быта. Первый шаг сделан: Министерство культуры СССР провело совещание, на котором обсуждался вопрос о выпуске массовой художественной продукции. Шел разговор о борьбе с пошлостью и халтурой, проникающими в быт через рыночных торговцев-частников. Хорошо, что такой разговор наконец состоялся. Теперь надо его превратить в дела...

И в заключение еще одно предложение. В некоторых странах издаются специальные журналы, занимающиеся благоустройством семейного очага. Пора и нам завести такой журнал: он будет добрым помощником сотням тысяч людей, переезжающих в новые дома.

Пора завести также, хотя бы при мебельных магазинах, консультантов — художников и декораторов,— дающих советы по обстановке квартир.

А вот произведения, которые действительно могут украсить комнату.

Немало декоративных блюд и ваз с разнообразным национальным орнаментом создают художники опытной керамической мастерской в Алма-Ате. Дулевский фарфоровый завод выпустил изящную статуэтку «Малахитница», выполненную художницей О. Богдановой по сказам П. Бажова. В Таллине производят оригинальные настенные вазочки для цветов.

Украинская Опошня издавна славится своими мастерами, которые, храня народные традиции, создают красивые вазы, сосуды и забавные фигурки.

Житейский опыт

Бор. ЕГОРОВ, Ян ПОЛИЩУК, Бор. ПРИВАЛОВ

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

Моя бывшая должность — медицинская сестра. Бывшая, потому что сейчас я уже на пенсии. Лет мне... В общем, порядочно. Наш главный врач товарищ Сушкин шутил иногда.

— Ты,— говорит,— Полина Евсеевна, у нас не медсестра, а медбабушка.

Ну что ж! Бабушка бабушкой, а работала — молодым не уступала. Два значка «Отличник Минздрава» имею. За хорошее лечение больных разными процедурами: соллюкс там, кварц, ингаляция, УВЧ, ну, и уж, конечно, банки. Если кто из вас лечился по назначению врача в кабинете физиотерапии, тот видел: работа у сестры беспокойная. То и дело на столе часы тарахтят: это время процедур истекает. А их сразу проводится десять или двенадцать. Вот и бегаешь из кабинки в кабинку, одного больного поднимаешь, другого укладываешь. Но для меня это не в тягость. Я не люблю на месте сидеть, и мне даже прозвание за мою непоседливость дали — Вертолет.

Вот так вертолетила я, вертолетила, а потом вызывают меня и говорят:

— Вам, Полина Евсеевна, отдыхать пора. Пенсии теперь не маленькие. Зачем вам от своего заслуженного счастья отказываться?

Подумала я, да и согласилась.

Первое время, действительно, отдыхала, а потом что-то занемогла. Тут болит, там колет, здесь беспокоит. Начала сама себе диагноз определять — у меня все же медицинский стаж не маленький — и насчитала не меньше дюжины разных болезней. Потом прикинула, какие мне процедуры назначат, получилось: все двенадцать кабинок подряд...

Что ж делать, собралась в поликлинику — а она три шага от дома,— прихожу и вижу: больных не перечесть. Очереди во все кабинеты, а в процедурную просто хвост, как за автомашинами.

Только я направилась к регистратуре, открывается дверь приемной нашего главного врача товарища Сушкина, и он сам на пороге. Увидел меня — прямо расцвел. Взял под локоток и в сторону отводит.

— Понимаю, — говорит, — соскучились по родному учреждению. И легки же вы на помине, Полина Евсеевна. Мы вам вчера письмо заготовили, но вот отправить не успели. Просим помощи.

— Что такое? — спрашиваю.— Неужели новенькая сестра кварц пережгла или банки ставить не умеет?

— Нет,— отвечает,— все в порядке. И кварц работает отлично, и банки ставят так, что у больного после них два месяца спина вся, как у леопарда, в яблоках... Но управляться со всеми медперсонал не успевает. Видели, сколько народу в коридорах сидит?

— Ах ты, господи! — говорю. — Неужто эпидемия? Азиатский грипп или европейский?

— Хуже. Эпидемия мнительности. Поглядите-ка, Полина Евсеевна, кто приема дожидается! На девяносто девять процентов ваш брат, пенсионер. Есть, понятно, среди них люди хворые, но очень много и таких, у кого не болезнь, а мираж один. Дома дела нет, а от скуки, известно, болезни появляются. Ведь когда человек с утра до вечера только сам с собой общается, обязательно какие-то нелады в личном организме найдет... А вот вас взять,— вы ведь в хорошем самочувствии. Почему? Потому что мнительности не подвержены...

И верно, тут я как-то вдруг забыла даже, где и как у меня болит.

— Что,— говорю,— делать надо? Чем помочь? За халатом домой бежать или тут дадите?

— Нет,— отвечает.— Просьба у нас другая. Просветительно-разъяснительную работу среди пенсионеров провести надо. Пора борьбу с мнительностью начинать.

Иду это я из поликлиники, прямо ног под собой не чую. И вдруг себя на мысли ловлю: «А от чего это? При деле оказалась».

Навстречу мне Всякин, сосед по дому из девяносто девятой квартиры. Он до пенсии по сбыту-снабжению работал. Увидел меня, закряхтел, заохал, через каждые два шага то за спину, то за живот хватается.

— В поликлинику? — спрашиваю.

— А куда же нам, старикам, еще-то идти? Кому еще мы нужны теперь, если не врачам?

Тут я было и решила к борьбе с мнительностью приступить, но пока слова подходящие искала — ведь говорить-то надо как-то деликатно, с дипломатией,— Всякин спрашивает:

— Ну как, густовато там публики?

— Да,— говорю,— немало народу.

— Ну, это мы учли. У меня записка есть от персонального шофера товарища Склифосовского.

И заковылял себе дальше.

«Ну, — думаю, — худо дело, ежели даже такой юркий и моложавый пенсионер на процедуры торопится».

Только во двор ступила — ко мне обратилась нашего дворника дочь, Люся:

— Тетя Поля, нам в школе сочинение задали писать о революции пятого года. Вы это время, конечно, хорошо помните. Вот у меня тут вопросы...

Ну, что я ей сказать могла? В те годы я еще дитем была. Да и образование мое общественно-политическое не такое уж слишком, чтоб консультантом быть... Словом, посоветовала я Люсе с кем-нибудь другим поговорить.

А у самого подъезда встречаю профессора Шевлягина. Старик рассеянно бородку свою на палец наматывает и задумчиво что-то под нос бормочет. Увидал меня, поздоровался вежливо, приподняв над лысинкой шляпку-панамку.

— Чем озабочены, Петр Петрович?

— Только что приходил ко мне студент. «Вы,— заявляет,— профессор и потому поможете мне уяснить вопрос: как на человека влияют лечебные грязи?» А я ни слова сказать не могу: не моя отрасль познаний. По мне любая грязь — мокрая земля...

— Господи,— воскликнула я,— да я же эти грязи вдоль и поперек знаю! Вы бы ко мне студентика этого направили. Как он неудачно к вам попал! А меня вот девчонка тут насчет девятьсот пятого года спрашивала...

— А вы бы ее ко мне! — обрадовался профессор.— Я, так сказать, осветил бы все в историческом аспекте. Тут у меня опыт!

— Вот так и выходит,— говорю.— Каждый со своим опытом дома сидит, а как бы он молодым пригодился! Ведь нет на свете такого универсального родителя, который бы своих детей всему научить мог и на все вопросы ответить. А ежели коллективно взяться...

И вот так-то, совсем случайно, в разговоре с профессором родилась у нас мысль: создать при домоуправлении из пенсионеров что-то вроде общества. И для молодежи будет хорошо, и старикам большое дело. Глядишь, на мнительность и времени не останется.

А через неделю мы организационное собрание провели. Название придумали такое: «Клуб житейского опыта». Договорились: родителям в воспитании детей помогать, над молодежью шефствовать, кружки разные вести, консультации давать. Кстати, тут же проголосовали: в клуб принимать не каждого без разбору, а только тех, от кого обществу польза будет. К примеру, зачем нам товарищ Пуфиков? Всю жизнь в какой-то конторе провел и всей улице как форменный бюрократ известен. Ушел на пенсию, так и дома завел бюрократические порядки. Навешал всяких табличек. Над письменным столом: «Перерыв от 2 до 5»; на двери в ванную: «Соблюдайте очередь». А живет он один, так что и в очередь становиться некому. Общается разве только с почтальонами, страховыми агентами да с теми, кто проверяет показания разных счетчиков. Для них на входной двери специальная инструкция приколочена:

«Работники связи! Перед тем, как положить корреспонденцию в почтовый ящик, проверьте, все ли мои газеты вы захватили.

Инспекторы райгаза, горсовета и облстраха! Заблаговременно сообщайте о своем посещении квартиры по телефону 5-5-25.

Слесари домоуправления, вытирайте ноги!

Неотложную помощь вызывать по телефону 03...»

Больше всех на собрании выступал товарищ Всякин. Он, как я уже говорила, по сбыту-снабжению всю жизнь работал.

— У нас жизненный опыт,— сказал он.— Надо передавать его молодежи. Воспитывать ее в духе, так сказать, и в свете... Пусть реализуют наши запасы житейской мудрости!

Управдом, предвидя, что в результате нашей деятельности в будущем уменьшится количество поломанных деревьев во дворе и разбитых стекол в окнах, на радостях предложил в наше распоряжение красный уголок. За это мы его тут же единогласно, при одном воздержавшемся, избрали вице-президентом клуба. А товарищ Всякин заявил, что обязуется приобрести для красного уголка за счет домоуправления уцененную мебель:

— Есть у меня один канал, по которому я с пятидесятипроцентной скидкой и стулья и шахматные столики раздобуду, а если хотите, то и графины для кипяченой воды...

Управдом сначала поморщился: бюджет домоуправленческий небогатый, каждая копейка на счету. Но возражать не стал: ладно, мол, разорюсь ради такого дела. Да и глупо было бы в его положении не согласиться: все-таки вице-президент.

Поговорили мы, пошутили постариковски, а за работу взялись всерьез. И представьте: всякому дело нашлось.

Кружком автомобильным, например, руководить стал один пенсионер, который сорок лет за рулем просидел. Ездить он начал еще на «самобеглой коляске», а кончил «Волгой». Подростки, что целыми днями раньше у ворот толпились и ножки проходящим девицам подставляли, все с ума посходили на технической почве. Записались в этот кружок и начали из какого-то утиля собственный автомобиль собирать.

А девушки — те особой привязанностью прониклись к бывшей закройщице ателье люкс и к старому повару ресторанному. Ведь очень нуждаются они в совете и по части кройки-шитья и в кулинарии. Особенно недавно замуж вышедшие. Какой молодой жене не приятно от мужа или от гостей услышать комплимент: «Обед сегодня лучше, чем в «Гранд-отеле»!»

Перечислить все, чем мы занимаемся, просто невозможно. С самыми разными вопросами приходит к нам в клуб молодежь. И как комнату обставить, и как за малышами ходить, и что такое правила хорошего тона, и как экономнее зарплату расходовать, и как лучше вести охоту на глухарей во время тяги. И по всякому делу есть у нас во дворе свой специалист. Составили мы список членов клуба и прямо ахнули: какая сила пропадала до сих пор! Оказывается, живут в нашем десятиэтажном доме три известных в прошлом полярника, шестеро старых военных, две заслуженные учительницы, три летчика, пятеро бывалых охотников, шестнадцать слесарей, артистка и даже курьер Детиздата. Вы не улыбайтесь, что я курьера, так сказать, выделила. Эта бабушка у нас нарасхват. Курьером она долго работала в той редакции, которая сказки издает. Другие ее подруги по профессии, когда дела нет и бежать некуда, все больше носки вязали. А эта принесет какие-то там гранки, сядет и читает. И столько сказок вычитала, так умеет рассказать она их, что слушатели ее прямо на «бис» принимают. За это в нашем дворе прозвали ее Ариной Родионовной. Сказка — очень вещь нужная. Бывает часто, укладывает молодая мать своего ребенка спать. Он просит рассказать что-нибудь, сказку, например. А она и не знает и не может. А та молодая женщина, которая прошла «курс обучения» у нашей Арины Родионовны, в таком положении не окажется.

Простите, отвлеклась немного. Просто хочется сказать, что без дела ни один член нашего клуба не остался. Даже Пуфиков работу получил, мы его приняли все-таки, так сказать, с испытательным сроком. Решили посмотреть, что из него получится. И, знаете, вышел из Пуфикова неплохой заведующий площадкой для малышей. Правда, привычек старых он не оставил. Развешал на площадке под грибками-мухоморами всякие таблички-плакатики: «Вытирайте нос», «Спать — с 2 до 5», «Уступай место младшему», «Уходя, верни игрушку дяде Пуфикову: он материально ответственное лицо». А разных там слоников, мишек, лошадок или трехколесный велосипед он выдает детям, записывая в ведомость. Ребятам нравится: они воспринимают как новую игру.

Только вот со Всякиным у нас конфуз полный получился.

Пришел к нам в клуб Вася Никаноров из двенадцатого подъезда и говорит:

— Посоветоваться хочу. Решил я в театральный вуз поступать.

Мы его сразу к заслуженной артистке нашей послали: поговори, мол, с ней. Она скажет, как лучше подготовиться.

А тут Всякин случайно оказался. Схватил Васю за рукав и говорит:

— Я тебя, Василий, определю в институт безо всяких экзаменов. Мне это раз пальцем пошевельнуть. Есть у меня один человек на примете. Он в этом институте доцент, по гриму и парикам преподавал. В свое время я ему такие бороды достал — пальчики оближешь! Он мне на всю жизнь благодарен. Правда, сейчас он на пенсии, но все равно влияние имеет большое: во всех театрах волосяные покровы консультирует... Все головы в его руках! Соображаешь?

Повел Васю к этому париковому доценту, и вскоре парня зачислили в институт.

Потом хвастался налево и направо:

— Вот что такое житейский опыт! Учитесь, пока я жив!

Мать Васи помчалась к тому доценту, чтобы отблагодарить его, а вернулась оттуда вся красная, чуть не плачет.

— Вот,— говорит,— товарищи, в какое дурацкое положение сегодня я попала. Прямо хоть сквозь асфальт провалиться из-за этого Всякина...

Выяснилось, что доцент никаких мер со своей стороны не принимал, а документы Васины, которые Всякин ему отдал, безо всяких записок, просто по почте переслал в институт, даже своего обратного адреса не указал. И Вася держал экзамены, как и все, без скидок, в общем порядке. Человеком он оказался очень талантливым, и его приняли...

— И ругал же меня этот доцент, что связались мы с этим делягой Всякиным! — сказала Никанорова.

Проходит день — два, и снова из-за Всякина неприятность. Чуть не развел молодых супругов. Поссорились муж и жена из-за какой-то мелочи. А Всякин, которому муж по неосторожности рассказал об этом, тут же с рецептом:

— Ты меня слушай. У меня опыт семейной жизни большой. Сам три раза женат был, все про них знаю... Главное, не вешай нос. Еще поэт Пушкин писал: «Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей...» И вообще дай понять жене, что не на ней одной свет клином сошелся. Назначь пару — тройку свиданий какой-нибудь другой... Ну, скажем, соседке из восьмидесятой квартиры. У нее муж в командировке...

После этой беседы молодой супруг загнул, как говорится, в семейной жизни такую линию, что его жену потом всем клубом уговаривали взять назад из суда заявление о разводе.

А Всякин по-прежнему ходит подбоченившись и в любом разговоре не забывает заметить:

— У меня жизненный опыт. Поживите с мое...

В последний раз опыт его проявился в «собачьем случае». Одна женщина, большая любительница собак, решила пригласить ветеринарного врача к своему пуделю. У собаки от старости шерсть стала вылезать, как из новой сапожной щетки.

Как-то вечером прогуливала эта женщина пуделя взад-вперед и разговорилась со Всякиным.

— Зачем ветеринар? — удивился Всякин.— Знаете, какие нынче ветеринары пошли? Я вам достану лекарство, которое обычным путем купить нельзя. Его выдают только для собак, имеющих художественное или научное значение, по особым спискам. Да и то собаки в очереди по месяцу стоят. Но у меня, между нами, пенсионерами, говоря, есть связи в зооцентре. Я им когда-то крокодилов доставал. Свеженьких, прямо из Каспийского моря...

— В Каспии крокодилы не водятся...

— ...Тем более. Попробуйте их там достать! А я доставал!

В общем, Всякин через два дня принес мазь. Даже собственноручно намазал ею пуделя.

— Вот так,— заявил он,— в бутербродном виде пудель пусть и живет целые сутки. А потом увидите: шерсть окрепнет так, что даже ножницы ее брать не будут.

А когда через сутки пуделя обмыли, весь волос, кроме хвоста, на который мази не хватило, вылез, и собака стала голенькой, розовой, как молочный поросеночек.

Пришел ветфельдшер и пояснил:

— Вещество, в соприкосновение с которым вошел ваш песик, дубильное. Теперь из собачки вашей только лайковые перчатки делать...

А Всякин заявил:

— Отлично! Теперь ваш пудель загорать может!

Но дальше развернуться нашему Всякину мы не дали. Собрали общую ассамблею клуба и решили его исключить.

Вот чем и окончилась история со Всякиным. Собственно, она не окончилась. Недавно встречаю я на улице нашего главного врача Сушкина. Жмет мне руку, улыбается.

— Спасибо, — говорит, — Полина Евсеевна. Только не пойму, что произошло. Из вашего дома один Всякин с утра до вечера у нас сидит. Все анализы по двадцать раз делает. Впрочем, бог с ним, со Всякиным. Скажите, как живут мои бывшие пациенты?

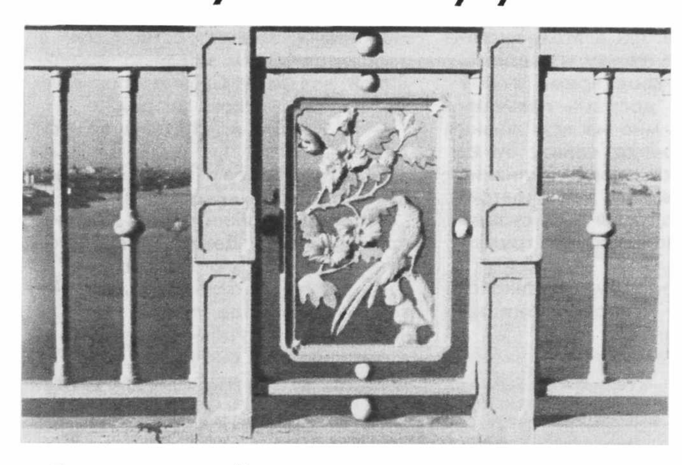
— Хорошо живут,— отвечаю.— Болеть и скучать им некогда. Наш коллектив пенсионеров от комсомольского райкома грамоту на днях получил за помощь в воспитании молодежи. Будет время, заходите в наш «Клуб житейского опыта», обслужим по всем вопросам.

— Самому некогда, а супругу пришлю: что-то три раза подряд пироги у нее неудачные получились.

Рисунки В. ГАЛЬБА.

Рисунки из чугуна

В строительстве Уханьского моста через реку Янцзы в Китайской Народной Республике принимали участие советские инженеры-мостостроители. Мне пришлось быть свидетелем того, как велось оформление перил моста.

Вначале были изготовлены деревянные модели перил в натуральную величину и выставлены на мосту. Строители пришли к выводу, что необходимо «оживить» рисунки, и решили обратиться к народному творчеству. Оказалось, что во многих городах женщины пользуются для вышивок бумажными вырезками. Их продают за небольшую цену в магазинчиках и лавчонках.

Строители собрали по всей стране множество таких вырезок и отобрали около двухсот рисунков, среди которых почти не было повторяющихся. По ним заказали чугунное литье. Это очень украсило Уханьский мост.

Инженер В. КАРПИНСКИЙ

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

С 1 октября открывается подписка на журнал «Огонек» и литературные приложения к нему на 1959 год.

Ввиду многочисленных пожеланий подписчиков внесены изменения в план издания литературных приложений на 1959 год.

Подписчики получат:

собрание сочинений А. Ф. Писемского не в 12, а в 9 томах;

собрание сочинений Стендаля не в 12, а в 15 томах;

пятьдесят две книжки произведений советских и иностранных писателей в «Библиотечке «Огонька».

Подписка на литературные приложения принимается только совместно с журналом «Огонек» в городских отделах «Союзпечати», конторах и отделениях связи, а также общественными уполномоченными на заводах и фабриках, шахтах, промыслах, стройках, в колхозах и совхозах, МТС и РТС, учебных заведениях и учреждениях.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ПОДПИСКУ НЕ ПРОИЗВОДИТ.

ЗВЕРОБОЙ

В начале XVII века в Москве стало известно, что в Сибири при лечении от ран с успехом используют какую-то траву, называемую зверобоем. В Москве находились служилые люди из Томска, Тобольска и Енисейска. Их расспросили о зверобое в Приказе Казанского дворца, управлявшего в то время Сибирью.

В марте 1636 года была послана специальная грамота в Томск воеводе И. Ромодановскому. Воеводе предписывалось собирать зверобой, изготовлять из травы муку и присылать ее в Москву «по пуду на всякой год». Купцы, ездившие в Сибирь за мехами, часто покупали зверобой.

О том, что зверобой стал употребляться как лекарство первоначально в Сибири, а с XVII века получил распространение в европейской части государства, рассказывают новые документы, найденные в Центральном государственном архиве древних актов.

А. КОПЫЛОВ,
сотрудник Центрального государственного архива древних актов.

«Блокнот натуралиста»

Книжка называется «Блокнот натуралиста». Из оглавления в конце издания узнаем, что книжка содержит соответствующие разделы: «Фрукты», «Цветы», «Овощи», «Рыбы», «Бабочки» и т. д. Однако любитель фауны и флоры напрасно будет искать полезных советов по садоводству, огородничеству или ловле рыбы. Нет, речь здесь идет о таких «фруктах» человеческой породы, которые мешают строительству советского общества.

О них автор книги, изданной в «Библиотеке «Крокодила», молодой художник-карикатурист Ю. Федоров с далеко не безобидной иронией, а подчас и с явной сатирической направленностью рассказывает в серии смешных рисунков. Читатели не раз улыбнутся, глядя на веселые и вместе с тем злые рисунки художника.

Жаль, что в «Библиотеке «Крокодила» не часто появляются книги с рисунками художников.

Н. СЕКУНДОВ

Ю. Федоров
БЛОКНОТ НАТУРАЛИСТА
БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 181

Из почты «Огонька»

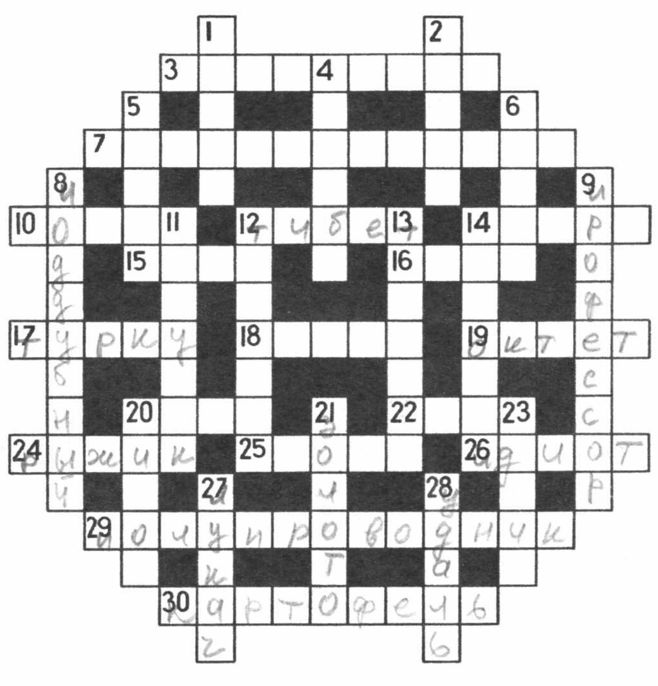
КИТАЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Далекая вода не спасает от близкого огня.
Если ты прав, то необязательно говорить громко.
У ребят нет лживой болезни.
Не продавай воды на берегу реки.
Кому плохо спится, тот и говорит: кровать косая.
Одно поколение расчищает дорогу, другое идет вперед по ней.

Перевел Ван Гуэй-тан.

Тяньцзинь.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Ученый-энциклопедист. 7. Прибор для измерения глубин в море. 10. Деталь металлорежущих станков. 12. Высокогорная область Средней Азии. 14. Струнный инструмент. 15. Река на Апеннинском полуострове. 16. Сорт белой глины. 17. Город в Финляндии. 18. Индейская народность. 19. Ансамбль из девяти исполнителей. 20. Французский композитор XIX века. 22. Кондитерское изделие. 24. Гриб. 25. Степная птица. 26. Роман Ф. Достоевского. 29. Вещества с электронной проводимостью. 30. Овощное растение.

По вертикали:

1. Часть корпуса судна. 2. Выступ на дне реки. 4. Рыба семейства лососевых. 5. Спортивное общество. 6. Отверстие в улье. 8. Известный русский борец. 9. Ученое звание. 11. Вид графики. 12. Часть огнестрельного оружия. 13. Цветок. 14. Пьеса М. Горького. 20. Чудовище в греческой мифологии. 21. Благородный металл. 23. Смещение горных пород. 27. Фронтовое имя писателя Мате Залка. 28. Безудержная смелость.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали:

5. Стан. 8. Лесгафт. 9. Джугара. 10. Магнитофон. 13. Прозоров. 14. Единение. 15. Корд. 16. Беседка. 18. Аральск. 20. Метёлка. 23. Касальс. 26. Фетр. 27. Опалубка. 28. Аргонавт. 29. Барабанщик. 30. Алаколь. 31. Дрожжин. 32. Емца.

По вертикали:

1. Остановка. 2. Андромеда. 3. Хлебороб. 4. Махайрод. 6. Пуговица. 7. Тамариск. 11. Изыскатель. 12. Гельголанд. 17. Крик. 19. Роса. 20. Мопассан. 21. Лабрадор. 22. Афанасьев. 23. Краснодар. 24. Суглинок. 25. Скважина.

На вкладках этого номера — репродукции иллюстраций к новеллам китайского писателя Пу Сун-лина и шесть страниц цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-52-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05321. Подписано к печати 24/IX 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 420 000. Изд. № 900. Заказ № 2108.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

В Доме школьника Рижского района Москвы. Библиотекарь Н. Рязанцева показывает новые книжки своим юным читателям.

Фото Риммы Лихач.

Цена номера 3 руб.

